

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>

<http://vk.com/vounb>

e-mail: vounb@mail.ru

+7 (473) 255-05-91

К 4Р
Ф 54

Фундаментальной библиотеки

Омской первой женской гимназии

По хронологическому каталогу №.....

По систематическому

Отд

VI

№

289

Фундаментальная Библиотека Омской первой женской гимназии

ж 12791.

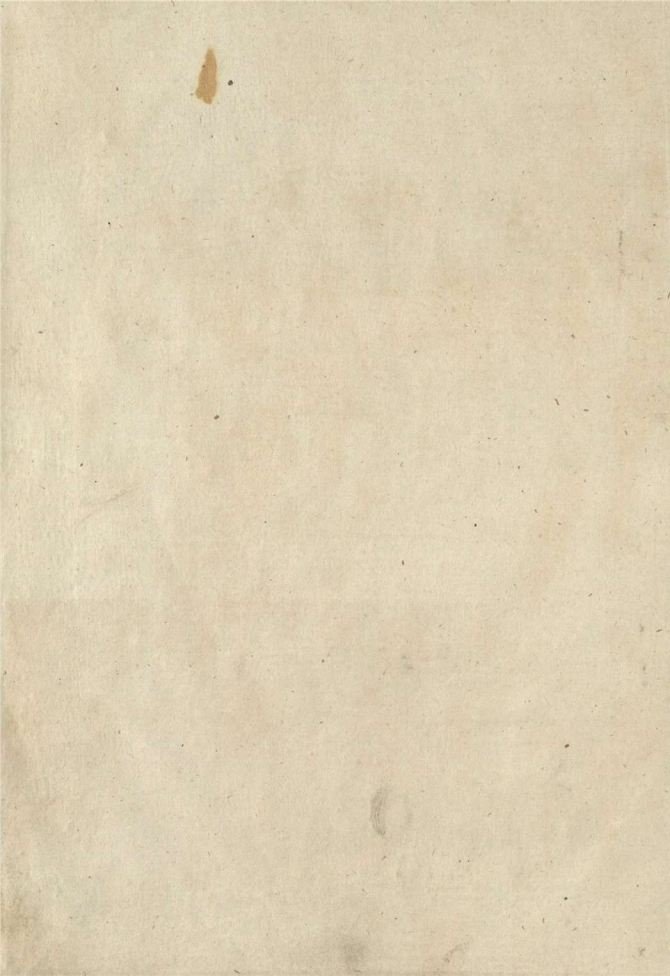
Книга должна быть возвращена
не позднее указанного здесь срока

60

Копия. предыд. выдачи _____

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ I.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. И. Исаева.

1889.

СОДЕРЖАНІЕ І ВЫПУСКА.

Основные элементы языка. и начала его развитія.
(Окончаніе).

Проф В. И. Шерцля.

Къ ученію о словянскомъ глаголѣ. Системы кельтскія. I Общія замѣтки о кельтскихъ системахъ. II О глагольныхъ частицахъ. Нарѣчія корнское и бретонское. III Замѣтка о морфологическомъ строеніи формъ. (Продолж.).

В. М. Добровскаго.

Русское слогуудареніе.

I. О. Шарловскаго.

Изъ занятій по языку Лаврентьевскаго списка начальной лѣтописи I.

Евгенія Будде.

Нѣсколько словъ о русскомъ правописаніи въ русской школѣ.

С. И. Воскресенскаго.

Словообразовательныя и грамматическія замѣтки.

И. М. Желтова.

Къ вопросу объ отреченныхъ книгахъ древней Руси.

И. Д. Четыркина.

СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

Вукъ Караджичъ и его сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ. V—VI—VII.

Ф. А. Веревскаго.

4P
K 954

Зер.

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.

~~05
954
81
1889г.~~

ЖУРНАЛЪ,

посвященный изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ
вопросовъ по языку, литературѣ и вообще по срав-
нительному языкознанію и славянскимъ нарѣчіямъ.

18561 ж

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ВОСЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ I.

Воронежская областная
научная библиотека
имени И. С. Никитина

— 0578682 —

Воронежъ.

Въ Типографіи В. П. Исаева.

1889.

4P

ФЕДОТОВСКИЙ ЗАПИСКИ

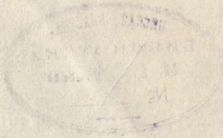
ЖУРНАЛЪ

Полный текст произведения в издательстве
по поводу по поводу. Издательство и по поводу
издательство. Издательство и по поводу.

Дозволено Цензурой. Москва, 20 февраля 1888 г.

И. А. Ковалевский

1888

Издательство И. А. Ковалевский

ОСНОВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЯЗЫКА И НАЧАЛА ЕГО РАЗВИТІЯ.

(Окончаніе).

2. Abstracta изъ оноματοпоическихъ словъ.

Слова этой категоріи весьма многочисленны: звукоподражательные элементы принимаются за характерные признаки разныхъ аффектовъ или за проявленія разныхъ факторовъ, приналежащихъ къ умственной и духовной сферѣ челоука. Такъ, коренные слоги fu, fa, va и т. под., означающіе собств. «дуть» переносятся (какъ выше упомянуто), на понятія «жить, быть» (т. е. «дышать») «душа, духъ» (т. е. «дуновеніе») и въ дальнѣйшемъ своемъ семасіологическомъ развитіи выражаютъ также понятія «легкій, легкомысленный, хвастаться» и под. Изъ основнаго «дуть» часто возникаютъ также понятія «лстить, лгать»: голландск. fuscheln (лстить) значить собственно «вѣять, дуть», др. франц. flavelle (лестъ) происходитъ отъ лат. flabellum „вѣеръ“, шведск. fläkta значить „дуть“, но швейцарск. fläckla= „лстить“, нѣм. flunkern= „лгать“ (норманск. lousse значить „дуновеніе“, но затѣмъ также „ложь, обманъ“—Duméril, Dict. Norm. 147); еврейск. âven, т. е. „дуновеніе“ означаетъ въ переносномъ смыслѣ ничтожность, суету, подлость, идолопоклонство, суагильск. fuguta (лгать)= „дуть“, зулуск. fuba (отъ fu дуть) значить грудь („дующая“) и „совѣсть“, и ruku ruhu означаетъ надутаго, хвастливаго челоука, турецк. öfürümlük=очень тонкій, малый („что можно сдуть“), китайск. fung (вѣтеръ) употребляется въ переносныхъ значеніяхъ „обыкновеніе, ощущеніе, сумасшествіе и hui или chui-hui (сдуть, дуть) значить „хвалить“. Португ. folgar, исп. holgar (отдыхать, праздновать) берутъ свое начало отъ позднѣйшаго лат. follicare „дышать какъ мѣхъ“ (follis—Diez, Etym. Wtb. II, 139); фригійское тематическое ἄδανυ—(любить) Лассенъ (Zeitsch. d. d. morg. Ges. X, 370) объясняетъ изъ α=скр. â и dam=перс. dem-îden, скр. dham дышать—слѣд. „вмѣстѣ ды-

шать". Готск. *ansts* (милость, расположеніе) находится въ связи съ др. в. нѣм. *unnan* (благоволить, желать), котораго корень *an* (дуть). Смѣхъ и обозначающія его интерекціональныя звуковыя группы часто переносятся на означеніе шутки, веселости, радости и на оборотъ вздыханіе, крикъ изображаютъ нерѣдко печаль, горе, болѣзнь, порокъ и т. под.: Сіамск. *hua hai* (шутить) = „хохотать“, анамск. *la* „странный, удивительный“ происходитъ отъ интерекціональнаго *la* „кричать“ и туда же примыкаетъ *lak* „быть веселымъ, радоваться“ (такъ какъ значитъ также „звонокъ“), китайск. *hi* (радоваться), употребляемое обыкновенно въ сложныхъ группахъ (*huan-hi*, *hi-huan*, *hin-hi*) означаетъ первоначально „смѣяться“ (смѣхъ выражается черезъ *hi* или *hi hi*), японск. *keraku* (счастливый, веселый) значитъ собств. „сверчащій“ (*kera* сверчокъ). Готск. *maurnan* (печалиться), др. в. нѣм. *mornên*, англ. *mourn* примыкаютъ къ нѣм. *murren*, *murmeln* и под. словамъ, означая собственно „бормотать, невнятные звуки издавать“; перс. *âhû* (порокъ, ошибка) = „громкій крикъ, вздохъ“. Лат. *congruere* (соотвѣтствовать, согласоваться) очевидно находится въ связи съ собраніями журавлей, которыхъ названіе (*grus*) въ свою очередь взято отъ ихъ крика. Изъ оноματοпоического *kur* (финск. *kurân* бормотать, ворчать) возникли: финск. *kurja* (бѣдный), *kuri* (наказаніе), *kura* (лѣвый—отождествленіемъ понятій „злой, несчастный“ и „лѣвый“), *kurmo* (сердитый) и сюда же примыкаютъ эстонск. *kurv*, *kurb* (печальный), и вотяцк. *kur* (забота, горе). Diefenbach (Wtb. II, 443) сопоставляетъ готск. *kaurs* „тяжелый“, *kauritha* „бремя“ съ нордск. *kaug* „бормотанье, стукотня“, *kurr* „жалоба, вопль“, *kauga* „бормотать“, шведск. *kurla* „ворковать“; тяжелое, гнетущее, какъ въ конкретномъ, чувственномъ, такъ и въ переносномъ смыслѣ было обозначаемо по тѣмъ звукамъ, которыми проявляется: какъ ось скрипитъ подъ своей тяжестью, такъ и угнетенный человѣкъ вздыхаетъ и стонетъ. Бургиньонск. *soquerillou* (сердитый) взято отъ пѣтуха (Mignard, Idiome Bourguignon 39), норманск. *mian-doux* (лицемѣръ) заимствовано отъ мяуканья кошки, съ которой сравниваютъ лицемѣра (Duméril, Dict. Norm. 155),

волог. к у д а х т а т ь с я (печалиться) взято отъ курицы, испанск. *cusar* (осмѣивать)—отъ кукушки, эстонск. *haukima* (бранить, злословить—букв. „лаять“) отъ собаки, итал. *bramare* (страстно желать чего—собств. „ревѣть“) отъ рева животныхъ, преимущественно оленя (ср. франц. *bramer*), голландск. *kwakkelen* (хворать) значить собств. „кричать какъ перепелъ—вавакать“, тогда какъ эстонск. *loksuma* (хворать—букв. „стучать, трескать“) взято отъ предметовъ, которые не крѣпко привязаны и вслѣдствіе этого шатаются и стучать. Зулуск. *ufefe* (доброта, нѣжность, милость) есть „капанье“ (слово основывается на звукоподражательномъ *fafa-Döhne*, 76); китайск. *kiao* „кричать“ приняло впоследствии значенія „учить“ и „воспитывать“, сямск. *khuk-khak* (хвастаться)=„шумъ-трескъ“, анамск. *pha-raé*, ономотопонически рисующее трескъ ломающагося предмета, въ переносномъ смыслѣ значить „уничтожить“, венгерск. *szusz* (спѣсь, надменность) есть „пыхтѣнье“, скр. *nid* (поносить) примыкаетъ къ *nad* (ревѣть), англійское звукоподражательное *hum-drum* значить „унылый, печальный“, шотландск. *tamtary* (тревога, безпокойство) представляетъ собственно военное выраженіе, означая звукъ трубный (ср. лат. *taratam-tara*—о трубномъ звукѣ), эстонск. *kell* (молва)=„звонъ, часы“, перс. *chârchâr* (безпокойство, страхъ, любовь)=„царапанье“, англ. *bubble* (обманывать) есть собственно ономотопоническое названіе водянаго пузыря. Итал. *bravo*, франц. *brave* (откуда нѣм. *brav* „храбрый, годный“) основываются на значеніяхъ „необузданный, шумный, бурный“, др. итал. *unde brave* значило „бурныя волны“, испанск. *braviar* = ревѣть, и прованс. *brau* = быкъ. Какъ нѣм. *pfiffig* (хитрый) происходитъ отъ *pfeifen* „свистать“, такъ и араб. *demdeme* (хитрость) означаетъ первоначально „свистъ, бормотанье, шумъ отъ многихъ голосовъ“. Нѣм. *haben*, употребляемое, въ качествѣ вспомогательнаго глагола, для образованія прошедшаго времени, значить собственно „хватать ртомъ“, основываясь на ономотопоническомъ *ha* (раскрывать ротъ), отъ котораго взяло также свое начало анамск. *hap* „жадный“ (венгерск. *ásít* „раскрывать ротъ, зѣвать“ принимаетъ также значеніе „желать, стремиться“—напро-

тивъ, русск. зѣвать употребляется въ смыслѣ „быть невнимательнымъ“). Русск. клеветать одного корня и значенія съ клепать (сюда же примыкаетъ клевать), скука, скучать значать собств. „хныкать, ворчать“ (какъ видно изъ чешск. *skučeti, skuhрати*), гнусный (отвратительный) происходитъ отъ гнусить (говорить въ носъ), ср. чешск. *huhňati* (говорить въ носъ) и нижегор. хухнать = презирать; храпѣть въ волог. губ. значить „хвастаться“, а польск. *chgar* означаетъ тайную досаду, памятозлобіе и пр.

3. Метафоры, основывающіяся на названіяхъ частей тѣла.

Очень часто извѣстныя душевныя свойства или аффекты выражаются посредствомъ тѣхъ частей тѣла, которыя принимаются за ихъ мѣстопробываніе: такъ, мозгъ и голова символизируютъ умъ, лобъ—дерзость, рука—силу, сердце—чувство, состраданіе, любовь, расположеніе, животъ—голодь, желчь—досаду, гнѣвъ, брови (такъ греч. ὄφρυς лат. *supercilium*)—высокомѣріе, желудокъ (латин. *stomachus*. греч. *στόμαχος*)—досаду, языкъ (лат. *lingua*)—краснорѣчіе, нѣніе и пр. При многихъ общихъ чертахъ въ метафорическомъ способѣ обозначенія разныхъ частей тѣла встрѣчаемъ тоже въ языкахъ не мало самостоятельнаго и своеобразнаго. Глазъ (*suil*) въ гельскомъ языкѣ изображаетъ надежду, довѣріе, надзоръ, въ китайскомъ (*jen-tu*) онъ означаетъ лазутчика, шпіона, въ армянскомъ (*akn*) происхождение, источникъ или драгоценный камень; ухо въ суагильскомъ языкѣ (*šikio*) значить „пониманіе, уразумѣніе“ и подобное значеніе имѣетъ якутск. *kulga* „ухо“: якуть, не понимающій чего нибудь, говоритъ *kulga soch* „уха нѣтъ“ (кадыки въ такомъ случаѣ показываютъ ухо и говорятъ *asitok* „плохо“—Давыдовъ, Путешествіе въ Америку II, 64); у банарцевъ ухо (*don*) символизируетъ умъ: *bngai don* (т. е. „человѣкъ съ ушами“) означаетъ умнаго человѣка и высшая ученость выражается черезъ двусмысленный оборотъ *bngai don tich* „человѣкъ съ длинными ушами“ или черезъ *bngai don regaeh* „человѣкъ съ избыткомъ ушей“ (Bastian, Geogr.

und ethnogr. Bilder 126). Носъ метафорически принимает- ся за символъ насмѣшки, глумленія: лат. *nasus* = насмѣш- ка, *nasutus* значить носастый и насмѣшливый (ср. *non cuique datum est habere nasum*—Mart.), *naribus uti* „употреблять носъ“ = насмѣхаться и тождественное съ нимъ по значенію греч. *ῥινάω* происходитъ отъ *ῥίς* „носъ“. Ср. также русск. водить за носъ, нѣм. *an der nase herum- führen*, франц. *mener par le nez*, англ. *to lead by the nose* и пр. Кто поднимаетъ носъ и смотреть на другихъ свысока, считается высокомернымъ, оттого нѣм. *er trägt die nase hoch* имѣетъ такое же значеніе, какъ русск. за- дираетъ носъ и въ подобномъ смыслѣ употребляется *lever le menton* „поднимаетъ подбородокъ“ (т. е. быть гордымъ). Вздергивать носъ принимается за насмѣшку: итал. *aggrinzare il naso*, франц. *rechigner* и *nasarder*, англ. *to wrinkle* или *turn up the nose*, лат. *nares corrugare*, греч. *μυκτηρίζειν* и пр. Въ арабскомъ языкѣ, напротивъ, носъ принимается за символъ всего выдающагося и знаме- нитаго: „носъ милости“ есть большая, чрезмѣрная милость, „носъ любви“ есть нѣжная, искренняя любовь, „носъ холо- да“ (*anf al bard*) = „сильный холодъ“ и пр.

Ротъ обыкновенно символизируетъ слова, рѣчь, красно- рѣчіе, еврейск. *peh* (ротъ) = изреченіе, приказаніе; средне- ирландск. *enesh* (лицо) означаетъ честь, а китайск. *lien* (лицо) = молва, слухъ. Зубъ, какъ „кусаящій“, символизируетъ что нибудь непріятное, оскорбительное, печальное: зырянск. *piñ* (зубъ) означаетъ брань, споръ, лат. *dens ater* есть недоброжелательство, нѣм. *er hat einen zahn auf mich* = онъ питаетъ зло ко мнѣ; еврейск. *šên* (зубъ) значить собств. „острый конецъ, остріе“ и съ нимъ состоитъ въ связи глаг. *sânê* (ненавидѣть), по основному значенію „ко- лоть, рѣзать“; въ китайскомъ языкѣ *сі* (зубъ) символизируетъ порядокъ, систематическое раздѣленіе, классификацію. Шея (*ling*) изображаетъ у китайцевъ понятія „править, прика- зывать“, тогда какъ твердость, неподвижность шеи прини- мается за упрямство: нѣм. *halsstarrig*, англ. *stiffnecked*, чешск. *tvrdosíjný*. Рука символизируетъ силу, власть, владѣ- ніе: греч. *χείρ*, лат. *manus*, нѣм. *hand* и др. Пупокъ

часто означает середину, у нигритскаго племени Гамъ рор „пупокъ“ означает царя, начальника (какъ „центръ народа“). Какъ Плавтъ для обозначенія полудня употребляетъ оборотъ *ad umbilicum jam dies est* („день уже у пупка“, т. е. въ серединѣ), такъ и въ парижскомъ жаргонѣ употребляютъ *pombril* въ значеніи „полдень“. У Гомера (*Od. I, 50*) Огигія называется „пупкомъ (т. е. центромъ) моря“ (*ὀμφαλὸς θαλάσσης*), національное святилище грековъ, Дельфи носило названіе „пупокъ земли“ и подобнымъ образомъ священный центръ государства древнихъ перуанцевъ назывался *Kuzko*, т. е. „пупокъ“. Китайцы отвели разуму мѣсто въ желудкѣ (и литовск. *dušė* значитъ 1) душа, 2) желудокъ) тогда какъ племя *Kха* въ *Сіамѣ* принимаетъ животъ за мѣстопробываніе памяти: сохранять что нибудь въ памяти выражается черезъ „держать что въ животѣ“ (*Bastian, Reisen in Siam 102*); японск. *hara* (животъ) значитъ также „умъ, духъ, сознание“: *hara ni ago* „имѣть въ умѣ, въ мысли“ (букв. „въ животѣ“), гнѣвъ выражается черезъ *hara-dači*, что можно приблизительно передать черезъ „дѣло живота“. Какъ греч. *χολή* „желчь“ означаетъ также „гнѣвъ“ и „ядъ“, такъ *öt* у джагатайцевъ значитъ „желчь“, а у киргизовъ „мечь“; киргизы и алтайскія племена выражаютъ гнѣвъ, несогласіе, досаду черезъ *ökrö* „легкія“; по арабски „страхъ на него напалъ“ выражается также черезъ *intafacha sahruhu* „его легкія надулись“. Печень есть у японцевъ (*kimo*) символъ храбрости и отваги, у турокъ (*džijer*) мѣстопробываніе печали, горя; колошск. *khatéch* (сердце) символизируетъ стыдъ, совѣсть, зулуск. *in-hlizijo* „сердце“ заключаетъ въ себѣ также значенія: жизнь, умъ, воля, совѣсть. Сердцу приписываются тѣ возбужденія и аффекты, которые болѣе или менѣе нарушаютъ равновѣсіе душевной дѣятельности, усиливаютъ, увеличиваютъ или задерживаютъ и пріостанавливаютъ умственную работу человѣка, слѣд. веселость, печаль, гнѣвъ, восхищеніе, удивленіе, отчаніе и пр. Ни египтяне, ни индійцы, ни евреи, ни греки и римляне не говорили о головѣ въ нашемъ смыслѣ, какъ о мѣстѣ, гдѣ сосредоточивается наша умственная и душевная жизнь; мѣсто такой дѣятельности

они отводили въ сердцѣ или въ другихъ, находящихся вблизи его, органахъ; евреи считали даже почки мѣстопробываніемъ совѣсти и аффектовъ (японцы выражаютъ понятіе „главный, важнѣйшій“ черезъ kan-džin, что буквально значить „кишки и почки“); жители Маршалскихъ острововъ отвели аффектамъ мѣстопробываніе въ горлѣ (bugue). Еврейск. bâsar „мясо“ означаетъ также родственниковъ, совокупность родныхъ (японецъ символизируетъ ихъ черезъ kôshi „мясо и кости“), арабск. a'qâb „дѣти, внуки“, значить букв. „пяты“, еврейск. 'ôr „кожа“ имѣетъ переносныя значенія „тѣло, жизнь“ а 'ârlâh (praeputium) употребляется въ переносномъ смыслѣ о скрытномъ, неоткровенномъ человѣкѣ и о первыхъ плодахъ, которые приносить дерево и которые запрещены, такъ какъ они нечисты. Кит. cu (нога) символизируетъ „достатокъ“ (въ смыслѣ постепеннаго накопленія); у турокъ kôt (podex) означаетъ храбрость, отвагу, дерзость, съ чѣмъ можно сравнить греч. μελαμπος (мужественный), букв. „съ чернымъ задомъ“, тогда какъ χαλκόπος „съ мѣднымъ задомъ“ означаетъ неутомимаго, усидчиваго человѣка; πυγή ἄροϋ „задъ поля“ означаетъ самую жирную часть поля, слѣдовательно то же самое, что у Гомера (II. IX 141) οὖθαρ „вымя“ (т. е. лучшая часть нивы—и у Виргилія: uber arvi); франц. couillon (testiculus) символизируетъ труса, скр. kâupîna (дѣтородныя части и покрывающая ихъ одежда)=злостыяніе, несправедливость; изъ зулуск. duna (penis) развились значенія: „мужъ, глава семьи, повелитель, хозяинъ, мужское потомство (у животныхъ)“, затѣмъ (съ префиксомъ in) „министръ, секретарь“ (обозначеніе чина), и съ префиксомъ isi: „аристократія, дворянство“. (Döhne, Zulu Kaf. Dict. 67).

Лат. cerebrum (франц. cerveau, англ. brains, нѣм. Gehirn и др.) „мозгъ“ символизируетъ умъ, франц. crâne (черепъ)—сумасброднаго, отважнаго человѣка, entrailles (внутренности)=состраданіе, любовь, эстонск. veri (кровь)= „темпераментъ, мысль, расположеніе“, венгерск. gög (кадыкъ, дыхательное горло)=спѣсъ, надменность, китайск. pei (спина)=сопротивляться (т. е. дать отпоръ), šin

(почка) = уговорить, соблазнить, чешск. koleno (колѣно) = поколѣніе, степень родства, скр. kakša (пазуха) = убѣжище, скрытое мѣсто, арабск. ḥawṣalat (зобъ, желудокъ) = терпѣніе и пр. Живую наглядность въ метафорическомъ изображеніи встрѣчаемъ особенно часто у негровъ; такъ напр. въ оджійскомъ языкѣ въ составѣ глаголовъ, рисующихъ разные аффекты, входятъ чаще всего существительныя: hû tѣло, bo грудь, eni глазъ, jem животъ, virge кожа и asom ухо: hû adjũruu (быть печальнымъ) = „тѣло тяжело“, hû ajerau (удивляться) = „тѣло пропало“ (ср. англ. to be amazed, to be at a loss, совершенно совпадающія съ русск. растеряться, нѣм. ausser sich = русск. внѣ себя и др.), hû adjo (успокоиться) = „тѣло простыло“, hû aka (радоваться) = „тѣло въ движеніи“, bo fu (сердиться) = „грудь вздувается“, bo tu (смущаться) = „грудь разрывается“, eni agje (веселиться) = „глазъ сіяетъ“, eni berre (желать) = „глазъ приноситъ“, eni da (надѣяться) = „глазъ лежитъ на...“, eni vu (стыдиться) = „глазъ умираетъ“, jem eje (быть добродушнымъ) = „животъ хорошъ“, virge fi (забыть) = „кожа пропускаетъ“, asom adjo (отдыхать) = „ухо простыло“ (Riis, Oji Lang. 28—29); кто слишкомъ долго дожидается когонибудь или кто не хочетъ болѣе ждать, у того „глазъ лопається“ (n'ani bu), кто очень дорого заплатилъ за чтонибудь, „умираетъ отъ цѣны“ (wu bo), кто кого утѣшаетъ „налагаетъ бинтъ на его сердце“ (okjekje me w̄ere онъ меня утѣшаетъ—букв. „онъ налагаетъ бинтъ на мое сердце“) и пр.

4. Метафорическія названія животныхъ.

Разныя душевныя свойства человѣка часто выражаются метафорически чрезъ названія тѣхъ животныхъ, которыя принимаются за характерный символъ такихъ свойствъ, при чемъ одно и то же свойство по субъективному воззрѣнію народовъ можетъ приписываться разнымъ животнымъ. Такъ, глупецъ можетъ называться осломъ (въ большинствѣ европейскихъ языковъ; франц. mulet „лошакъ“ означаетъ упрямаго человѣка), быкомъ, волкомъ (нѣм. ochs, чешск.

vůl), теленкомъ (польск. ciołek, чешск. tele, bulík), свиньей (греч. σίγλος), гусемъ (въ русск. языкѣ; чешск. husa употребляется о глупой женщинѣ), удо домъ (польск. и чешск. dudek; напротивъ, франц. huppe „удодъ“ означаетъ «femme de mauvaise vie».—Sébillot, Rev. de Ling. XIV, 11), совою (голл. uil) и пр. Китайскій чиновникъ въ официальномъ слогѣ, особенно когда обращается къ императору, называетъ себя пу т'ai „старая клыча“, намекая этимъ на свою неопытность и неспособность; лат. limax „слизень“ есть распутная женщина, греч. χυόρμις „собачья муха“ символизируетъ нахальнаго, неотвязчиваго человѣка, тогда какъ франц. mouche „муха“ означаетъ полицейскаго агента, шпиона а une fine mouche—продувнаго человѣка; хитрый человѣкъ есть „лисица“ (нѣм. schlaue fuchs, чешск. chytrá liška). Червякъ символизируетъ боль (гельск. snuimh червь, боль), угрызеніе совѣсти (польск. mól), слабость, презрѣніе (еврейск. thôlâ'), тогда какъ китайск. ku (кишечныя глисты) символизируетъ обманъ, недověріе. Въ польскомъ языкѣ baraszek означаетъ лѣнтая, kawka (галка)—сводницу, kobyła—неповоротливую служанку, krówa — нехорошую женщину, kruk (воронъ) — ночнаго сторожа, городского, kulik—ночнаго гуляку; чешск. tchoř „хорекъ“ означаетъ труса, pavouk (паукъ)—причудливаго, угрюмаго человѣка, medvěd—сердитаго, угрюмаго человѣка; франц. cancre (крабъ) символизируетъ скупца, скрягу (нѣм. krabbe въ фамильярномъ слогѣ употребляется для обозначенія ребенка), lapin vidé („выпотрошенный кроликъ“) есть худощавый человѣкъ. Нѣмецк. kauz „сычъ“ = чудакъ (armer kauz = бѣднякъ), голл. mier (муравей) = бѣднякъ (въ Фу Чау посредники, маклера называются ра ngie „бѣлые муравьи“, такъ какъ они сами извлекаютъ наибольшую пользу изъ тѣхъ дѣлъ, въ которыхъ они служатъ посредниками); русск. ершъ означаетъ сварливаго, задорнаго человѣка, эстонск. wana kagu „старая кукушка“ есть болтливая старуха, анамск. éп anh „птица ласточка“ есть обманчивый человѣкъ, плуть (Taberd. Dict. 156), у динкайскихъ негровъ вошь (ujok) символизируетъ соблазнъ, у зуловъ zenze „блоха“ означаетъ хитраго человѣка, который

всегда ускользаетъ, когда его хотятъ поймать, *inga* „собака“ символизируетъ подчиненнаго, подданнаго, у сессутовъ *phiri* „волкъ“ означаетъ секретъ, тайну (такъ какъ онъ всегда тайкомъ подкрадывается—*Schrumpf*, *Zeitschr. d. d. morg. Ges.* XVI, 473). Странные и по мнѣнію чело-вѣка капризные прыжки разныхъ животныхъ перенесены на причуды и капризы самого чело-вѣка: капризъ = франц. *caprice* происходитъ отъ лат. *capra* „коза“, итал. *ticchio* (причуды, капризы) возводится къ др. в. нѣм. *ziki* „козленокъ“, тогда какъ итал. *grillo* (= нѣм. *grille*, мн. *grillen* капризы, причуды) собственно обозначаетъ сверчка, такъ какъ прыжки этого насѣкомаго дали поводъ къ метафорѣ; шведы называютъ причуды *myror i hufvudet* „муравьи въ головѣ“ англичане *maggots* „червяки“, голландцы *muizenesten* „мыши гнѣзда“, французъ называетъ ихъ также „крысами“ (*rats*), тогда какъ нѣм. *laune* заимствовано отъ фазовъ перемѣнчивой луны (лат. *luna*); франц. *élans* (живыя ощущенія, порывы) означаетъ собственно прыжки лоса (*élan*), кошубск. *szatopiorka* (шутка, шуточная пѣснь) = „летучая мышь“ (Филолог. Зап. XIII, 5, 69), русск. конекъ (= нѣм. *steckenpferd*, англ. *hobby*) означаетъ любимое занятіе, страсть къ чему. Въ французскомъ *Argot* неудовольствіе, гнѣвъ выражается черезъ *chèvre* „коза“ и въ подобномъ смыслѣ встрѣчаемъ это же слово у Мольера (въ *Sganarelle ou le Cocu imaginaire*, *scène XII*: «D'un mari sur ce point j'approuve le souci — Mais c'est prendre la chèvre un peu bien vite aussi»). Въ жаргонѣ типографовъ *chèvre* означаетъ неудовольствіе, досаду, тогда какъ *boeuf* выражаетъ большой гнѣвъ, бѣшенство («Le boeuf est une chèvre à sa plus haute puissance» — Eug. Boutmy, *Dict. de l'Argot des typographes* 61).

Кромѣ того безчисленное множество предметовъ получаетъ свое названіе отъ животныхъ, съ которыми они имѣютъ дѣйствительное или воображаемое сходство: достаточно указать на русск. козлы, журавль, оселокъ, пѣтушокъ, волчекъ, собачка, воронка, польск. *wrona*

(втулочная дыра, чернильное пятно: въ послѣднемъ значеніи употребляются также чешск. *kanes* „боровъ“ и *kavka* „галка“), нѣм. *kätzchen* = чешск. *košičku* („котята“ — соответствуетъ по значенію русск. барашки, сережки), исп. *muleta* (костыль) = „лошакъ“, др. франц. *gresillon* (кандалы) = „сверчокъ“ (стукъ оковъ, цѣпей юмористически сравнивается съ сверчаніемъ сверчка), итал. *riccio* (локонъ, кудря) = „ежъ“ („колючій“), турецк. *ördek* (ночной горшокъ) = „утка“, исп. *zaggia* (грязь, которая пристаётъ внизу къ платью) = „свинья“; изъ лат. *papilio* (бабочка) въ французскомъ языкѣ развились: *papillon* „бабочка“ и *paravillon* „шатерь“ (*Jahrb. f. rom. u. engl. Litt. VIII, 66*) и проч.

Равномѣрно множество предметовъ въ необозримомъ почти разнообразіи съ теченіемъ времени принимаетъ метафорическія значенія. Такъ, въ русскомъ языкѣ вѣнецъ употребляется въ переносныхъ значеніяхъ „свадьба, слава, награда“, жиръ означаетъ богатство, самоувѣренность, надменность, каша — безпорядокъ, путаницу, недоразумѣніе, заноза — горе, сварливость; польск. *kołacz* (= чешск. *koláč* пирогъ) употребляется также въ переносномъ значеніи „награда“ (такъ въ древнепольскомъ текстѣ встрѣчается мѣсто: *i jeden Lothr.... dla kolacza pouijedzyl thurkom ze thu i jesth krol* „и какой-то негодяй сказалъ туркамъ ради награды, что тамъ находится король“ — *Semenovič, Archiv f. slav. Phil. VII, 439*); гельск. *bladh* „сокъ“ символизируетъ славу, *sgàth* „тѣнь“ = предлогъ, страхъ, скр. *danda* „палка“ = „наказаніе“. Франц. *bouillon* (мясной отваръ) = вспыльчивость, пылкость, *brasier* (жаровня) = жаръ любви, *charge* (грузъ) = порученіе, тяжесть, *connillière* (кроличья нора) = отговорка, увертка, *crasse* (грязь) = скудость, *croix* (крестъ) = бремя, бѣдствіе (такія же значенія имѣютъ нѣм. *kreuz*, чешск. *kříž* и др.), *encens* (ладанъ) = похвала, *fard* (румяны) = притворство, *noeud* (узелъ) = затрудненіе, *pilule* (пилюля) = выговоръ, *pli* (складка, морщина) = обыкновеніе, *sel* (соль) = остроуміе, прелесть, *saucе* (соусъ) = выговоръ. Эстонск. *auk* означаетъ собств. дыру, затѣмъ ротъ и въ переносномъ смыслѣ работу, *järg* „ска-

мейка, стуль“ означаетъ состояніе, обстоятельство, *kimr* „связка, узелъ“ = затрудненіе, замѣшательство, *maŋ* „ягода“ = милый, пріятный, *nör* „снурокъ“ = правило (скр. *sûtra* „снурокъ, нить“ означаетъ также правило, норму, а китайск. *so* „снурокъ, веревка“ символизируетъ понятія: законъ, обязательство), *okas* „тернъ“ = боль, горе, *pudi* „каша“ = бездѣлица, путаница, *soue* „весло, гребля“ = рѣчь, говоръ, *wogu* „кольцо“ = бѣдствіе, затруднительное положеніе. У китайцевъ жемчужина (*kuei*) есть символъ чего нибудь драгоценнаго, рѣдкаго, волна (*lang*) символизируетъ легкомысліе, распутство, брусокъ (*li*) — строгость, жестокость, ледъ (*ling*) — оскорбленіе, крыло (*ji*) — помощь; арабск. *izâr* „передникъ, юбка“ символизируетъ цѣломудріе, корейск. *hön tjek* „рубецъ“ = предлогъ, *сіамск. thao* „непелъ“ = старикъ, у герерцевъ скучная рѣчь есть „сѣвшееся молоко“ и пр.

Во многихъ метафорическихъ выраженіяхъ можемъ слѣдить за постепеннымъ расширеніемъ семазіологической ихъ сферы: такъ, изъ названія луны въ алгонкинскихъ языкахъ постепенно развились значенія: „ночь, сонъ, холодный, мертвый, смерть“ (*nira*, *niraz* луна, *nira* сплю, *niravi* ночь, *nirpue* холодный, *nir* умираю, *perua* мертвый — Duponceau, *Mém. sur le syst. grammat.* 317). Подобное родство между приведенными выше значеніями усматривается также въ мексик. *niki* умереть, *miktlan* царство смерти, *temiki* сниться, *kekmi* мерзнуть. Въ персидск. *âb* значенія развѣтвляются слѣдующимъ образомъ: вода, напитокъ, вино, чистота, блескъ, красота. Эстонск. *adr* имѣетъ основное значеніе „плугъ“, изъ котораго вышло общее значеніе „дѣло, занятіе“, которое впоследствии въліяніемъ пессимистической окраски перешло въ „развратъ“. Весьма характеренъ переходъ значеній въ словѣ *ahup* (въ языкѣ калифорнскихъ туземцевъ около San Miguel-a): это слово, вокализуя дыханіе, выражаетъ собственно „духъ, дыханіе, дышашій“, но затѣмъ оно приняло значенія „живой, жизнь“ и наконецъ „хорошій, красивый“ (Lucy Fossarieu, *Langues Indiennes de la Californie* 44).

5. Отвлеченныя слова, взятые отъ чувственныхъ впечатлѣній.

Испытываемыя человекомъ чувственныя ощущенія переносятся въ духовную область, и, смотря по характеру производимаго ими впечатлѣнія, получаютъ значеніе метафорическое. Такъ напр., оптическія впечатлѣнія дали поводъ къ столь распространенному по всему земному шару символизму цвѣтовъ: бѣлый цвѣтъ символизируетъ понятія — „чистый, невинный, веселый“, черный: — „мрачный, печальный, роковой, несчастный“, зеленый — „свѣжій, надежный, молодой“, желтый: — „поблекшій, сухой, вялый, завистливый“ и проч. Литовск. *balti žmones* честные, искренніе люди значить собств. „бѣлые люди“, перс. *sarêd o sijâh* хорошее и скверное, добро и зло = „бѣлое и черное“, *tîreh dil* недоброжелательный, печальный = „черное сердце“, у русскаго черный глазъ есть завистливый, зловердный глазъ, черная жизнь = трудовая жизнь, черный день = несчастный, роковой день, черная дума = печальная дума; уйгурск. *karku* несчастіе, позоръ есть „чернота“, *jüz kargaliki* срамъ, позоръ есть „чернота лица“, напротивъ *jüz akliki* честь = „бѣлизна лица“; ср. ирл. *duba* горе, боль производится отъ *dub* „черный“, гельск. *dubh* печальный = „черный“, а *donn* сердитый, раздосадованный = „гнѣдой“, финск. *kaihe* завистливый = „тѣнистый, темный“, сіамск. *dam* скверный, неблагодарный = „черный“ и пр. Франц. *louche* двусмысленный = „косой“ (ср. нѣм. *schielen* коситься и *ein scheles gesicht machen* смотрѣть на что съ завистью), скр. *gâga* «цвѣтъ» означаетъ также страсть (китайск. *se* «цвѣтъ» символизируетъ также «способъ, наслажденіе, сладострастіе», японск. *iro* «цвѣтъ» означаетъ также любовь и любимый предметъ или любимое существо — напротивъ франц. *couleur* = видъ, предлогъ). «Сладкій» символизируетъ что нибудь пріятное, напротивъ «кислый» или «горькій» что нибудь противное, непріятное: скр. *madhura* = сладкій, пріятный, милый, китайск. *kan* лесть, пріятный, «сладкій», дакотск. *i-skuja* льстецъ «подслащивающій» (*skuja* = сладкій); напротивъ: греч. *πικρός* (сердитый, непріятный) = «терпкій, острый», нѣм. *saures gesicht* (сердитый, кислый

видъ—ср. кисло морщитъ рожу—Крыл.), чешск. *ky-sele se tvářiti*, тур. *ekşi* (сердитый, угрюмый, грозный)= «кислый», эстонск. *happu* (непріятный, сердитый, злой)= «кислый», зулуск. *is-angko*, букв. «кисловатая» означаетъ дѣвушку или незамужнюю женщину, которая желаетъ любовника (*Döhne, Dict.* 8). Ср. съ этимъ пск. твер. квасить, употребляемое о дочери въ значеніи «не отдавать замужъ», и чешск. *zůstala na ocet* «она осталась на уксусъ» (говорится о старыхъ дѣвахъ). Скр. *guṣ* (любить) значить собств. «отвѣдывать», лат. *sapiens* (мудрый)= «что имѣетъ вкусъ, вкусный», напротивъ, итал. *sciocco* (глупый) происходитъ отъ лат. *exsucus* «безсочный», англ. *disgust* (отвращеніе) есть «непріятный вкусъ», тогда какъ итал. *gancore* (непріязнь, памятозловіе) происходитъ отъ сред. лат. *gancor* «прогорклый вкусъ». Персидск. *bûj* значить запахъ, благовоніе и отсюда развились значенія: надежда, любовь, дружба (въ Бундешѣ *bûi* значить: 1) благовоніе, 2) сознаніе—*Justi, Bundelesh* 92—93), франц. *puant* «вонючій» значить также «нахальный» и русск. онъ съ душкомъ, значить «онъ странный, своенравный человѣкъ». Тяжесть символизируетъ что нибудь важное, честное, славное (скр. *gugu* важный, учитель= «тяжелый», еврейск. *kâbôd* означаетъ честь, славу—т. е. «тяжесть», но кромѣ того также печень, какъ самую тяжелую часть внутренностей), «легкій» означаетъ что нибудь незначительное, непостоянство, внутренность и пр. (чешск. *lehký člověk, lehká holka*= дѣвица легкаго поведенія; лат. *facilis*= легкій, ловкій, сговорчивый, кроткій). Теплота, жаръ символизируетъ раскаяніе, страсть, любовь (нѣм. *heisse liebe*, русск. горячо любить, скр. *târa* боль, мука «жаръ»), холодность—тупость, равнодушіе, бесполезность (греч. *ψυχρός* бесполезный, безуспѣшный—«холодный»). Англ. *austerity* (строгость, жестокость)= «сухость» (кит. *ši* «мокрый, мокро-та» значить также «унылость, разочарованіе»); что нибудь затруднительное, трудное представляется «тяжелымъ» (нѣм. *schwer*, чешск. *těžký*), «тернистымъ» (нѣм. *dornig*, франц. *épineux*), «костистымъ» (франц. *arêteux*—такъ какъ такой предметъ трудно проглотить) и пр.

6. Оживленіе неодушевленныхъ предметовъ въ природѣ.

Одинъ изъ главнѣйшихъ и обильнѣйшихъ источниковъ метафоры заключается въ обширнѣйшемъ оживленіи и олицетвореніи предметовъ окружающей человѣка природы: въ этихъ предметахъ онъ отыскиваетъ и находитъ явные черты сходства съ частями и членами его собственного тѣла, въ ихъ измѣненіяхъ, въ ихъ механическихъ, произвольныхъ движеніяхъ онъ усматриваетъ сознательно дѣйствующія силы, которымъ навязываетъ свои собственные аффекты; безжизненные предметы въ его воображеніи живутъ, растутъ, плодятся, чувствуютъ, умираютъ и пр. Отсюда истекаетъ чрезвычайно богатая символика, къ которой мы до того привыкли, что она почти совсѣмъ ускользаетъ отъ нашего вниманія: корабль и плугъ какъ отдѣльное цѣлое или въ своихъ частяхъ почти вездѣ разсматриваются какъ живыя существа (Grimm, Gesch. d. Spr. 56 и слѣд.). Весьма часто предметы, особенно же отдѣльныя ихъ части приравняются къ членамъ человѣческаго тѣла: греки говорили о лицѣ (т. е. о передней части) корабля (*πρόσωπον νεώς* — русскій его называетъ носомъ), о челѣ зданія (*μέτωπον*), о волосахъ деревь (*κόμη*, лат. *coma*), о слезахъ (*δάκρυα*) виноградной лозы, о губахъ (т. е. о краяхъ — *χείλη*) посуды, о колѣнѣ стебелька (*γόνυ καλάμου*), о глазѣ виноградной лозы (*ὀφθαλμός ἀμπέλου*) о шеѣ горы (*τράχηλος ὄρους*); чехи говорятъ о бородкѣ (*brada*) топора или ключа, о сердцѣ растенія или колокола (русск. сердцеви́на дерева и колокольный язы́къ), о головкѣ (*hlávka*) капусты, о пятѣ (*pata*) горы, о носѣ башмака (русск. носокъ), о ногѣ у стола; др. инд. *akṣa* „ось“ значитъ совств. „глазъ“, такъ какъ ось принимали за глазъ колеса. Русскій говоритъ о хребтѣ и о подошвѣ горы, о ножкѣ стула, о зубѣ гребенки или пилы, о горлѣ бутылки; объ ушкѣ иглы, о глазкахъ дерева, о носѣ у корабля, о ручкѣ у сосудовъ, о бородкѣ у ключа, о жилѣ въ скалѣ, о пальцахъ колеса, о головѣ капусты, о головкѣ скрипки, о пятѣ невода, о губѣ моря, о ко-

лѣнѣ цѣпи или стебля и пр. Софокль говоритъ о лицѣ (πρόσωπον) луны, Гёте о лицѣ солнца (antlitz der sonne), Виргилій о лицѣ моря (salis placidi voltus), листва деревьевъ приравняется къ ихъ волосамъ (redeunt jam arboribus comae—Hor. Od. IV, 7, 2), какъ нѣмецъ говоритъ о брюхѣ кувшина (bauch des kruges) и чехъ о брюшкѣ (т. е. мясистой внутренней части) пальца (bříško prstu) такъ Виргилій говоритъ (Georg. IV, 122) о брюхѣ огурца, Проперцъ (IV, 2, 43) о брюхѣ тыквы (tumido cucurbita ventre) и пр.

Множество предметовъ беретъ свои названія отъ одушевленныхъ, разумныхъ существъ, такъ какъ воображеніе человѣка надѣляетъ ихъ свойствами, напоминающими характерные признаки или особенности разумныхъ существъ, смотря по ихъ возрасту, по ихъ занятіямъ, качествамъ и пр. Такъ, почтенный старый дубъ чествуется „дѣдомъ“ (пикардск., валлонск. tayo—Diez, Etym. Wtb.⁴ 318; такое же названіе даютъ въ Астрахани главному якорю корабля: бабай, бабайка „дѣдъ, старикъ“—Казембекъ, Матер. для Слов. и Грамм. II, 25), курительная свѣчка, запахомъ напоминающая ладанъ и цвѣтомъ—черное облаченіе монахинь, есть монашенка или монашка, маховое, приѣмное колесо (приводящее другое, главное въ движеніе) есть пасынокъ (чешск. pastorek), фальшивый зубъ выразительно называется „гостемъ“ (венгерск. vendég fog „гость—зубъ“), свѣтильникъ изъ воску—„бабою“ (кашубск. baba—Матер. для Слов. и Грамм. V, 257), уютъ—„душою“ (кашубск. desza); неудобная заусеница у ногтей, которую чехи называютъ „непріязню“ (nepřízen), а французы „завистью ногтей“ (envie des ongles), въ испанскомъ языкѣ носить внушительное названіе „отчимъ руки“ (padraastro de la mano); какъ нубійцы называютъ кусокъ чего нибудь „ребенкомъ“ tód (aigi kal tód êki dên „дай мнѣ ребенка хлѣба“, т. е. „кусокъ хлѣба“—Reinisch, Nuba Sprache II, 161), такъ арабскіе моряки называютъ малый парусъ „ребенкомъ“ (weledu) большого, а второй якорь „братомъ“ (achu) перваго (Munzinger, Ostafrik. Studien² 99). Начиненный свиной желудокъ въ Моравіи и у слова-

ковъ пользуется почетнымъ названіемъ „дяди“ (ujec) и извѣстныя макароны, любимое блюдо итальянцевъ, въ глазахъ языковѣда не иное что, какъ „покойники“, такъ какъ итал. *maccheroni* происходятъ отъ греч. *μακαρες* (покойники) и на поминкахъ (новогреч. *μαχαρια*), справляемыхъ въ честь и память покойниковъ, макароны фигурировали какъ главное блюдо (Liebrecht, Jahrb. XIII. 230). Чашка и блюдо въ древнемъ Китаѣ назывались „сынъ и мать“ (Pfizmaier, Sitzungsber. d. phil. hist. Cl. d. k. Ak. Wiss. d. Wien, 96, 299); эти названія напоминаютъ чрезвычайно наивныя представленія некультурныхъ племенъ о разныхъ предметахъ и явленіяхъ въ природѣ. Дикарь, ничего не подозревающий о механизмѣ природы, одушевляетъ все: въ его воображеніи все находится въ движеніи, каждый предметъ живетъ, растенія—это живыя существа, солнце, луна и звѣзды—одушевленные существа и даже камни растутъ, плодятся и умираютъ. Тагитяне сѣяли желѣзные гвозди, чтобы приобрести возможно больше молодыхъ гвоздей-подростковъ; тагитскій начальникъ, которому впервые показали карманные часы, думалъ, что они говорятъ (*pa-gau*) и ознакомившись съ ихъ употребленіемъ, назвалъ ихъ „малымъ солнцемъ“ (Forster, Reise um die Welt I, 327). Кафры сперва никакъ не могли понять, какъ можно было помѣстить и закупорить шумное, пѣнящееся пиво въ бутылкѣ, снятую перчатку они принимали за двойную руку, корабль за большую рыбу или морскую птицу, стѣнные часы за живое существо. Эскимосы маленькую шарманку приняли за дочь большой, равно какъ бушманы большой возъ приняли за мать нѣкоторыхъ тачекъ (Farrer, Primitive manners 281).

Предметы по своей пригодности или непригодности, по быстрому, энергическому, сильному, или медленному, вялому, слабому дѣйствію или эффекту бываютъ „живыми“ или „мертвыми“, въ послѣднемъ случаѣ вліяніемъ аллегорической спеціализаціи „слѣпыми“, „глухими“, „нѣмыми“ и пр. Лат. *viva saepes* соответствуетъ русскому живая изгородь, франц. *haie vive*, англ. *live hedge*, нѣм. *lebendige hecke*. Временъ есть *vivus lapis* „живой камень“, раскаленные горячіе уголья „живутъ“ (англ. *live coals*), въ противополо-

16761 ж

ложность къ потухшимъ, которые считаются „мертвыми“ (чешск. mrtvý uhel). De la Calle (Glossologie I, 357), упоминаетъ о ребенкѣ, который спички, смотря по тому, годились ли онѣ къ употребленію или нѣтъ, называлъ „живыми“ или „мертвыми“ (allumettes vivantes и allumettes mortes), стѣна, отъ которой отражается эхо, принимается также за „живую“: словинск. žíva sténa (Erjavec, Letop. Matice Slovensk. 1880, 215) и такое же значеніе имѣетъ баск. arribicia, букв.—„живой камень“. Напротивъ, стоячая вода принимается за мертвую (англ. dead water, русск. мертвая вода, франц. eau morte, но также eau dormante „дремлющая вода“—ср. русск. дремучій лѣсъ); выдохлый, безвкусный напитокъ есть „мертвый“ (англ. dead drink; весьма остроумно англійские мошенники опорожненные бутылки называютъ dead men „мертвые люди“); лѣсъ, который засохъ (русс. мертвый лѣсъ), языкъ, на которомъ болѣе не говорятъ, который вышелъ изъ употребленія (нѣм. todte sprache, русск. мертвый языкъ), производительный капиталъ (франц. argent mort, нѣм. todtes kapital), неоживленная улица (нѣм. todte strasse), потухающая свѣча (франц. la chandelle se meurt), потухшая зола (чешск. mrtvý popel) потухающій или потухшій свѣтъ (франц. mourantes lueurs), неплодородная земля (персид. zemîn murdeh)—они всѣ мертвы. Умираютъ также блѣдные, неопредѣленные цвѣта (франц. bleu mourant блѣдно-голубой=„умирающій голубой“) и гнилое мясо (итал. carne morta—но въ англ. языкѣ proud flesh „гордое мясо“); у малайцевъ средній палецъ есть „мертвый“ džârî mâti), у карайбовъ каждая вещь, которая пропала или разломалась, называется „мертвою“ (Zeitschr f. vergl. Spr. II, 106). Въ баскскомъ языкѣ „сумерки“ выражаются черезъ ilhun, что сокращено изъ il-egun „мертвый день“ (Arno Grimm, Über die baskische Sprache 69); въ языкѣ Бунда приливъ зовутъ „водою жизни“ (meña ma muéñu), въ противоположность къ отливу, который называютъ „мертвою водою“. Въ меланезійскихъ и въ разныхъ полинезійскихъ языкахъ „потушить свѣчу“ выражаютъ черезъ „убить свѣчу“ и съ такою же метафорой встрѣчаемся и въ меланезо-англій-

скомъ жаргонѣ („What for lamp you make him dead?“ букв. „за что лампу ты сдѣлалъ ее мертвою?“ т. е. зачѣмъ ты потушилъ лампу?“). Крапиву, которая не жжется, романскіе народы называютъ „мертвою“ (фр. *ortie morte*, итал. *ortica morta*, исп. *ortiga muerta*), англичане зовутъ ее „слѣпою“ (*blind nettle*), чехи и русскіе—„глухою“ (*hluchá korřiva*), а венгерцы „осиротѣлою“ (*árva csalán*), колодезь, котораго отверстие закрыто, древніе индійцы называли „слѣпымъ“ колодцемъ (*andhakûra*); въ русскомъ языкѣ что нибудь неясное, тусклое, неразборчивое называется „слѣпымъ“: слѣпое стекло, слѣпое письмо, слѣпая печать, дождь при солнечномъ свѣтѣ есть слѣпой дождь, запрещенный товаръ—слѣпой товаръ (подобное значеніе имѣетъ и венгерск. *vak áru* „слѣпой товаръ“, тогда какъ *vak bor* «слѣпое вино» означаетъ вино, которое тайкомъ продается), забайк. слѣпой чай означаетъ чай, не имѣющій таможеннаго клейма; употребляемое въ франц. *Argot bouillon aveugle* означаетъ супъ безъ жиру (въ тонгайскомъ языкѣ не жирное мясо, любовину называютъ «мертвымъ мясомъ»: *kano mate*). Нетолько темные, непрозрачные предметы называются «слѣпыми» (чешск. *slépá noc* = темная ночь, *slépé sklo* = непрозрачное стекло), но также тѣ, которыхъ не видно—невидные подводные камни—нѣмецъ называетъ *blinde klippen* (ср. лат. *caeca vada*), скрытый пассажиръ, котораго никто не видитъ, есть *blinder passagier* и пр. Что неясно, невнятно, называется «глухимъ»: глухой шумъ, глухой звукъ, глухой колоколь; глухая игла есть игла безъ ушка (равно какъ лат. *caeci gami* «слѣпыя вѣтви» = вѣтви безъ почекъ) и глухой узелъ означаетъ простой узелъ (какъ будто у него одно только ухо вмѣсто двухъ), дорога глохнетъ, когда зарастаетъ сорною травой; темный цвѣтъ римляне называли «глухимъ» (*color surdus*) и нѣмецъ пустой, негодный предметъ называетъ «глухимъ»: пустой цвѣтъ есть *taube blüthe* («глухой цвѣтъ»), пустой орѣхъ—*taube nuss*, колосъ безъ зеренъ—*taube ähre*, яйцо безъ зародышка—*taubes ei*, выгорѣлый уголь—*taube kohle*. Въ еврейскомъ языкѣ глухота принимается за молчаніе ушей: *chêrêš* «глухой» про-

исходить отъ *châgêš* «молчать» (*aznêjhem techerašnâh* «ихъ уши молчать» — т. е. они глухи). Какъ русскій говорить о неблагодарномъ трудѣ, такъ римляне говорили о неблагодарномъ (т. е. скверномъ) напиткѣ (*ingratus liquor*), о неблагодарной волѣ (*ingratus cinis*) и пр. Малайцы дѣлятъ цвѣта, смотря потому, блѣдны ли они или темны, на «молодые» и «старые»: такъ *abang mûda* (блѣдно-красный) значитъ собств. «красный молодой» а *abang tûwah* (темно-красный) = «красный старый»; магнитъ они называютъ весьма характерно — «дерзкимъ камнемъ» (*bâtu brânî*). Вино, которое не бродитъ, есть «нѣмое», но и рука, которая лишена чувства также называется «нѣмою»; у русскаго нога «нѣмѣетъ», у нѣмца она «засыпаетъ» (*schläft ein*), тогда какъ у венгерца «засыпаетъ» сѣвшееся молоко (*aludt tej*). Нѣм. *mönch* «монахъ» употребляется также для обозначенія выхолощенныхъ животныхъ и франц. *hétaudeau* «каплунъ» (др. франц. *hestaudeau* — изъ др. в. нѣм. *hagastalt*) значитъ букв. «холостякъ», такъ какъ *hétaudeau* принимаютъ за животное, какъ бы присужденное къ холостой жизни; весьма оригинально — русскій приводитъ даже неодушевленные предметы въ отношеніе къ брачной жизни: зарядъ безъ пули есть холостой зарядъ, боковая труба, черезъ которую дымъ не проходитъ, есть холостая труба, яйцо безъ зародыша — холостое яйцо, въ языкѣ моряковъ дыра для гвоздя незабитая есть холостой гвоздь и пр.

Въ славянскихъ языкахъ живописное оживленіе предметовъ, сопровождаемое наглядной ихъ конкретностью, встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ; предметы ходятъ, чувствуютъ, страдаютъ, живутъ, умираютъ какъ человѣкъ: снѣгъ идетъ, солнце восходитъ и заходитъ, дорога спускается, берегъ всплываетъ, зубы, ногти, волосы лѣзутъ и даже одежда лѣзетъ, вино бросается въ голову, ржавчина сѣдаетъ, пожираетъ желѣзо, волны лижутъ берегъ, пламя лижетъ по стрѣху, буря воетъ, пустыня молчитъ, пирогъ сидитъ въ печи, хрѣнь кусается (щиплетъ), но и товаръ кусается или жжется (когда онъ дорогъ), виноградъ плачетъ (когда его весною подрѣзы-

ваютъ и изъ него течетъ сокъ), окна плачутъ (когда потѣютъ), небо улыбнулось (когда разясняется; испанецъ говорить о разсвѣтѣ: *el alva se ríe* утренняя заря смѣется), карета улыбнулась (когда она уѣхала или пропала); весною бываетъ сытая вода (въ рѣкѣ, не выступившей еще изъ береговъ), за тѣмъ рѣка дуритъ (т. е. разливается въ половодье), но наконецъ вода задумывается (т. е. болѣе не поднимается; оборотъ—вода задумалась употребляется преимущественно въ арханг. губерніи); мясо, которое начинаетъ гнить, трогається, яблонь завязываетъ почку (т. е. начинаетъ распускаться), земля пьетъ воду, цвѣты глохнутъ въ тѣни (т. е. вянутъ), малый, неблагонадежный якорь называется «большымъ» (на Волгѣ); родники, которые оттаяли, освободились отъ льда, вздохнули, но и море вздыхаетъ, когда бываетъ сильный приливъ во время полнолунія (въ Арханг. губ.). Въ русскихъ нарѣчіяхъ (такъ напр. въ Костр. губ.). «жить» часто употребляется въ значеніяхъ «быть, находиться» и по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ: лѣсъ живетъ тамъ (т. е. находится тамъ), дрова живутъ (= дрова есть), гдѣ ключъ живетъ? (гдѣ находится ключъ?). Подобно и негры слово «жить» въ значеніи «быть» примѣняютъ ко всѣмъ предметамъ: *he no live here* «его нѣтъ здѣсь», но также *oil live?* «масло живетъ?» (т. е. есть масло здѣсь?), *no live* «не живетъ» (т. е. нѣтъ его; Pott, Personennamen 490, anmerk.). Англійская дама приказываетъ своей африканской служанкѣ: «иди и принеси большую чайную чашку, она живетъ въ кладовой» (*go and fetch big teacup, he live in pantry*)—Key, Transact of t. Phil. Soc. vol. IV; Farrar Orig of Lang. 105) Весьма характерное оживленіе предметовъ встрѣчаемъ въ готтентотскомъ языкѣ, гдѣ меньшій предметъ или часть чего нибудь нерѣдко характеризуются суффиксомъ женскаго рода (-s), въ противоположность къ суффиксу мужскаго рода (-p-b): *napur* небо на *napus* облако, *hawoor* сапогъ, башмакъ—на *hawoos* башмачокъ, подметка *hajr* дерево, но *hais* палка. Въ Сибири о цыпленкѣ, который вылупляется изъ яйца, говорятъ, что онъ прочнулся, но прочнутъся ую-

требляється також о появляючихся молодихъ листяхъ; дерева и растенія болѣють (греч. *νοσείν* «болѣть» употребляется также о деревьяхъ), страдаютъ (въ Каз. губ. «робѣють»), супъ или напитокъ, начинающій прокисать, сватається (въ Псков. Тверск. губ.); кто старается скрыть какое нибудь дѣло, тушитъ его и пр. Такими метафорическими словами и другія славянскія нарѣчія весьма богаты; такъ, у поляковъ *trunek do głowy bije* (напитокъ бросается въ голову), *czas bieży, podobieństwo chramie* (сравненіе хромаетъ—нѣм. *der vergleich hinkt*, ср. англ. *a lame excuse*, «хромое», т. е. плохое извиненіе), *kochać się* («любить») употребляется о роскошномъ ростѣ растеній; *żyto już patrzy* «рожь уже глядитъ, смотритъ», т. е. созрѣваетъ (Микуцкій, Изв. Импер. Ак. Наукъ IV, 412), въ чешскомъ языкѣ: *obilí strlí* хлѣбъ стрѣляетъ (т. е. быстро поднимается, растетъ,—ср. нѣм. *schießt empor*), *zuby piští na něco* «зубы пищатъ на что нибудь» (т. е. желали бы отвѣдать), *rána se šklebí* «рана скалитъ зубы» (т. е. открывается), *lačný žaludek šteká* «тощій желудокъ лаетъ» *zárodky mlknou* «зародыши молчатъ» (т. е. пропадаютъ), *lívanec zpýchl* «блинъ возгордился» (т. е. надулся). Въ латинскомъ языкѣ, особенно у поэтовъ подобныя метафоры встрѣчаемъ чрезвычайно часто: морозы борются съ жаромъ. («*Figida pugnabant calidis*»—Ov. Met. I, 19), море видитъ пылающій царскій дворецъ («*flagrantem domum regis mare vidit*»—Ov. Met. VII, 395), колесница не слушается поводовъ («*neque audit curus habenas*»—Virg. Georg.) жадное пламя поглощаетъ тѣло («*sorbent avidae praecordia flammae*»—Ov. Met. IX, 172), законы молчатъ въ военное время («*silent leges inter arma*»—Cic. Mil. 4), честность и любовь уходятъ и влекутъ за собою стыдъ («*ibit rara fides amorque recti, et secum comitem trahet pudorem*»—Mart. X, 78), забота сидитъ за ѣздокомъ («*post equitem sedet atra Cura*»—Hor. Od.) и пр. Примѣры изъ нѣмецкаго языка: *der sturmwind zürnt* буря сердится, *die jugend verwelkt* молодость вянетъ, *das leben erlischt* жизнь гаснетъ, *die hoffnung grünt* надежда зеленѣетъ.

der morgen athmet утро дышитъ, die woge ächzt волна стонетъ (ср. у Гомера: *χῶμα μεγάλ' ἔαχε νηὸς ἰούσης* — II. I, 481), der wind schweigt вѣтеръ молчитъ, das laub flüstert листья шепчутъ, die fluren dürsten нивы жаждутъ, die wurzel sucht bessern boden корень ищетъ лучшей почвы das geld lacht aus allen truhен (Gutzkow) деньги смѣются изъ всѣхъ сундуковъ, das schwert schläft in der scheide мечъ спитъ въ ножнахъ, die sonne bricht hervor солнце пробивается наружу (ср. англ. «ere the sun advance his burning eye» «прежде чѣмъ солнце подвинетъ впередъ свое горящее око» — Shakesp. Romeo II, 3) и т. д. Греч. *δάχνειν* «кусаться» употребляется также о словахъ, о рѣчи въ значеніи «задѣть, донекать, оскорблять» и въ подобномъ смыслѣ употребляется и лат. *mordere* (ср. *valde me momorderunt epistolae tuae* — Cic. Att. 13, 12); у грековъ *δάχνειν*: II. V, 493. Soph. Ant. 317; злую, опасную рану англичанинъ называетъ «сердитою» (an angry sore), а отмерзшій палецъ — «глуноватымъ» (сбв. англ. gaumeless), венгерецъ называетъ ядовитый грибъ «сумасшедшимъ, глупымъ» (bolondgomba). Большіе камни или болваны, которые во время перевозки уронили и оставили на дорогѣ, перуанецъ называетъ «усталыми» (*sajkuska gumikuna* «усталые камни»); турецкое *işlemek* «работать» употребляется о множествѣ неодушевленныхъ предметовъ: дорога «работаетъ» (*işler*), когда она очень оживлена, дымовая труба работаетъ, когда она хорошо дымится, вино работаетъ, когда оно бродитъ (въ Арханг. губ. о пивѣ, которое бродитъ, говорятъ, что оно живетъ, въ Богеміи оно цвѣтетъ: *pivo kvete*), рана работаетъ, когда она гноится и т. д. У негровъ племени Сотхо событія принимаются за живыя существа; такъ, обороть «что новаго?» они выражаютъ черезъ *li tava li ren* «событія, говорятъ ли они что нибудь?» Если нѣтъ новостей, то они говорятъ *aoa, li rovetze* «нѣтъ, они (т. е. событія) спятъ» (Zeischr. f. Ethnol. VI, 34—35). У дакотовъ тѣсто, которое квасится, «дышитъ»: квасной хлѣбъ называется *agujařitačagu* т. е. «хлѣбъ съ легкими», въ водопадѣ они слышатъ смѣхъ воды (*haha* значить «смѣхъ»

и «водопадъ»); японцы о предметахъ, которые имѣютъ надлежащее дѣйствіе или соотвѣтствуютъ цѣли, говорятъ, что они слушаются: *kuszŕi wa joku kŕta* «лѣкарство хорошо послушалось» (т. е. оказало хорошее дѣйствіе, помогло), напротивъ: *kudŕi ga kikanu* «гвоздь не послушался» (т. е. не держалъ крѣпко, выпалъ, сломался и пр. Простѣйшія и употребительнѣйшія слова могутъ служить основаніемъ весьма распространеннымъ метафорамъ; такъ напр. глаголь *итти* въ русскомъ языкѣ въ переносномъ смыслѣ примѣняется ко множеству неодушевленныхъ предметовъ двигающихся или приводимыхъ въ движеніе: *снѣгъ идетъ, дождь идетъ, кровь идетъ, часы идутъ, товаръ идетъ съ рукъ*. Перенесеніемъ движенія изъ мѣстной сферы въ временную, напр. «*итти*» употребляется также о времени: *время идетъ, дни идутъ, ему идетъ десятый годъ, третій мѣсяцъ идетъ* и пр. *Итти* къ чему принимаетъ значеніе «годиться»: эти перчатки не идутъ къ черному платью; кромѣ того направленіе, протяженіе въ пространствѣ выражается также черезъ *итти*: эта дорога идетъ на Москву; оттуда идетъ на три версты непроходимый лѣсъ. Наконецъ и абстрактныя понятія соединяются съ глаг. *итти*: переговоры идутъ, слухъ идетъ, пошли толки да пересуды, дѣло не идетъ и т. д.

Метафора дѣйствуетъ однако и въ обратномъ направленіи, обозначая одушевленные существа черезъ неодушевленные предметы, служащіе символомъ ихъ занятій, ихъ общественнаго положенія, ихъ возраста и пр. или обнаруживающіе съ ними въ другихъ отношеніяхъ разныя черты сходства. Такъ, судомойку нѣмецъ называетъ «метлою» (*besen*), пьяницу—«горломъ» (*gurgel*), кучера англичанинъ зоветъ «кнутомъ» (*whip*), знаменитаго генерала французъ зоветъ «знатною шпагой» (*une illustre épée*), исп. *verdugo* палачъ значитъ букв. «розга» (итал. *boja* «палачъ» происходитъ отъ др. итал. *boja* «цѣпь, кандалы»); въ древности болтуновъ любили приравнивать къ безплоднымъ кипарисамъ (*Hehn, Kulturpflanzen* 249); Геродотъ (I, 114) называетъ персидскихъ царедворцевъ «глазами царя» (*ὀφθαλμοὶ βασι-*

λέως), въ аккадійскомъ языкѣ начальникъ имѣлъ названіе tig-gal «великій лобъ», генералъ id-an «высокая рука» (Lenormant, *Étud. Assad.* I, 42); бойкая, продувная дѣвица въ Сибири называется звѣздой, тверск. корень означаетъ скрагу, подѣ волною въ Архангельской губерніи подразумѣваютъ судебнаго слѣдователя («мужика убило бревномъ, на бѣжала волна»), нордск. meidhr (мужчина) «дерево, палка», ильск. gaothaine (болтунъ) = «вѣтеръ, паръ», lasag (сердитая женщина) = «пламя», leug (возлюбленная) = «драгоценный камень», итал. zito, zita (мальчикъ дѣвочка) = «сосокъ», исп. chaborra (дѣвочка) = «вѣточка, отростокъ», чешск. chomout (неуклюжій, неловкій человѣкъ) = «хомутъ», kladivo (олухъ) = «молотокъ», kluk (мальчишка) = «скверная пакля» (ср. русск. клокъ), польск. beben (толстый ребенокъ, негодяй) = «бубенъ, барабанъ», перс. châr (непріятель, врагъ) = «тернъ, жало», зырянск. akañ (красивая женщина) = «кукла», джагатайск. tişuk (самка) = «дира». татарск. түрәк (последнее дитя въ семьѣ) = «огарокъ», перуанск. kkuji (богато разряженная дама) = «радуга» и пр. Метафоры, въ которыхъ часть фигурируетъ въ смыслѣ цѣлаго, употребляются чрезвычайно часто; такъ, Eurip. (Phoen. 806) называетъ сфинкса παρθέμιον πτερόν «дѣвственное крыло», корабль ὥπλη «весло, ручка» (Iph T. 141); Ювеналь (I, 4, 25) подѣ squama «чешуя» подразумѣваетъ рыбу (hoc pretio squamat? «за такую цѣну рыбу?»); копыто употребляется въ значеніи «конь» fugax hippodromon ungula plaudit (Mart. XII, 50, 5). Какъ Гомеръ говоритъ о «милой, дорогой головѣ» (Τεῦχε φῖλη κεφαλῇ II. VIII, 281), такъ и Шиллеръ (Lied von der Glocke) употребляетъ такое же выраженіе «Und sieh! ihm fehlt kein theures Haupt» и пр.

7. Означеніе конкретныхъ предметовъ черезъ абстракта.

Последнюю степень въ семасіологической эволюціи языка представляетъ перенесеніе абстрактныхъ словъ на конкретныя: въ этомъ случаѣ тѣ конкретные предметы, ко-

торые возбуждаютъ извѣстные аффекты, получаютъ свое названіе отъ абстрактныхъ словъ, означающихъ произведенныя ими ощущенія. или абстрактныя слова, изображающія извѣстное состояніе, переносятся на тѣхъ людей, которые находятся въ такомъ состояніи, или же абстрактное дѣйствіе смѣшивается съ конкретною причиною, извѣстное лицо беретъ свое названіе отъ характеризующаго его свойства и пр. Такъ, въ латинскомъ языкѣ *juventus* употребляется вмѣсто *juvenes*, *senectus* вмѣсто *senes*, *coena* вм *coenantes*, въ такомъ же значеніи употребляются нѣм. *jugend*, *alter*, *adel* (дворянство, дворяне), *φιλότης* (Plut. Phaedr. p. 228) вм. *φίλε*, у Гомера (Π. XIV, 201) *γένεσιν* вм. *πατέρα* (*ὄψεανόν τε θεῶν γένεσιν* «отца боговъ»). Абстрактное животъ въ русскомъ языкѣ приняло уже конкретное значеніе «брюхо» (яросл. и моск. животъ означаетъ скотъ и венгерск. *élet* «жизнь» означаетъ зерновой хлѣбъ); въ латышскихъ нарѣчіяхъ *labība* (зерновой хлѣбъ) есть собственно «добро» (Voelkel, Lettische Sprachreste auf der Kurischen Nehrung 16), а *nauda* (деньги) = «барышъ, польза»; костр. бесѣда (множество, толпа народа) есть собств. «говоръ», и весьма знаменательно, что это же слово было перенесено на обозначеніе бесѣдки (и чешск. *beseda* означаетъ бесѣдку, но польск. *biesiada* = пиръ); франц. *gloriette* и исп. *glorieta* (бесѣдка) образованы посредствомъ уменьшительныхъ суффиксовъ изъ *gloria* (слава). Влад. говоръ означаетъ водяной пузырь; пакость есть человѣкъ очень небольшого роста, нов., орл., вор. боль означаетъ хвораго, больного человѣка, особенно роженицу; сибирск. благодать = пища, хлѣбъ, орл. мѹдрое = похлебка изъ простокваши съ гречневой мукой, малорусск. служба (или пан служба) обозначаетъ солдата вообще; пск. твер. разговорцу хватить значить «выпить немного водки»; кашубск. *sumnienie* (желудокъ) = сомнѣніе, совѣсть», гельск. *braman* (дьяволъ) = «несчастье», *gangaid* (легкомысленная женщина) = «шумъ, лукавство», др. англ. *bane* (убійца) = «гибель, смерть»; у турокъ веснушки, угри въ лицѣ получили оригинальное названіе *ergenlik* «безбрачіе», такъ какъ они чаще всего показываются у молодыхъ

и холостыхъ людей (въ Тиролѣ называютъ такіа веснушки saufbrüderl «бражники», намекая на происхождение ихъ отъ частаго употребленія хмельныхъ напитковъ — Schöpf, Tirol. Idiot. 583). Др. инд. okas сперва означало «обыкновеніе, обычай» вообще, но затѣмъ приняло значеніе «обычное мѣстопребываніе, жилище» (Ludwig, Rigveda V, 174); арабск. ghajhabân (животь) значить собств. «тьма» (и въ турко-татарскомъ языкѣ «утроба» выражается черезъ tün-erik, т. е. «тьма» — Vámbéry, Primitive Cultur d. turkotat. Volkes 55); al-lazzat (вино) = пріятный вкусъ, удовольствіе». Франц. jalousie изъ основнаго значенія «подозрѣніе, ревнивость» превратилось въ «ширмочки, заставки» (такъ какъ за ними ревнивой особѣ удобно слѣдить за чѣмъ-нибудь) и въ противоположномъ смыслѣ турокъ перила называютъ «страхомъ» (korkuluk).

В. Шерцль.

(Продолженіе).

Системы кельтскія. Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ нами системъ древне-кельтскія представляются наименѣе опредѣленными, хотя мы имѣли подъ руками, кажется, наилучшій трудъ изъ числа всѣхъ, трактующихъ о грамматической сторонѣ кельтскихъ языковъ. Трудъ этотъ (*Grammatica celtica. E monumentis vetustis tam hibernicae linguae quam britannicarum dialectorum cambricae, cornicae, aremoricae, comparatis gallicae priscae reliquiis, construxit I. C. Zeuss. Berolini, 1871². LI+1115 in 8vo*)—насъ убѣдилъ, что кельтовѣдѣніе въ наукѣ сравнительнаго индоевропейскаго языкознанія стоитъ даже въ худшемъ положеніи, чѣмъ изученіе только-что покинутыхъ нами новоэранскихъ языковъ. Это пренебреженіе кельтскими языками впрочемъ весьма понятно. Съ одной стороны—изученіе древне-кельтскихъ памятниковъ сопряжено съ огромными трудностями, благодаря главнымъ образомъ неопредѣленности и необыкновенному разнообразію грамматическихъ явленій этихъ языковъ, а съ другой—ожидать большіхъ результатовъ для исторіи индоевропейцевъ отъ этого изученія языковѣды не могли, благодаря поспѣшно состоявшемуся взгляду *).

*) De facto исторія кельтскихъ языковъ—самая темная изъ всѣхъ индоевропейскихъ. Укоренилось убѣжденіе, что эти языки генетически всего тѣснѣе связаны съ латинскимъ. Вотъ это самое убѣжденіе и отнимаетъ въ большой степени интересъ изученія языковъ кельтской вѣтви. Мы дѣлаемъ, какъ читатель увидитъ ниже,—иную догадку: не былъ ли кельтскій языкъ иско-ни языкомъ восточно-европейскимъ? всѣ черты, которыя сближаютъ его съ латинскимъ—въ томъ видѣ, въ какомъ кельтскій намъ теперь извѣстенъ,—не пріобрѣтены ли въ эпоху господства римлянъ? Зная удивительнѣйшую, безпримѣрную способность латинскаго языка къ ассимилированію чуждыхъ языковъ—съ одной стороны; имѣя въ виду, что въ кельтскомъ языкѣ, подобно нѣмецкимъ, «перегласовка», чуждая языку латинскому, несомнѣнно существовала въ склоненіи и спряженіи; зная другія явленія изъ области морфологій, сближающія кельтскій языкъ съ нѣмецкими; наконецъ, замѣчая теперь разительное сходство древнеирландскаго спряженія не только въ принципѣ, но и во многихъ частностяхъ съ новоэранскимъ,—кто рѣшится утверждать, что наше предположеніе не имѣетъ достаточныхъ основаній? Остается

Не смотря на всю обширность труда, Цейссъ въ своей грамматикѣ не далъ образцовъ полного спряженія кельтскихъ глаголовъ. Еще менѣе, конечно, этого можно требовать и ожидать отъ насъ. Вообще мы вынуждены ограничиться здѣсь сравнительно немногими свѣдѣніями о кельтскихъ системахъ, не смотря на то, что онѣ, какъ читатель убѣдится сейчасъ, представляютъ черты, въ высшей степени важныя и интересныя для славяновѣда.

Цейссъ различаетъ двѣ группы кельтскихъ диалектовъ или нарѣчій. Одна группа составляетъ *linguam hibernicam* въ обширномъ смыслѣ. Сюда относятся: а) *hibernica dialectus*, т. е. языкъ населенія острова Ирландіи (*Hibernia*), и б) то нарѣчіе, которымъ говорятъ въ горахъ Шотландіи—*gaëlica* *) или *gaedelica*. Другая группа кельтскихъ нарѣчій составляетъ *linguam britannicam*, къ ней относятся: а) *agremoriga dialectus*, на которомъ говорятъ во Франціи жители полуострова Бретани, б) *sambrica* въ Валлисѣ и в) *cornica*, недавно угасшій. Языкъ древнихъ

изучить исторію возникновенія «смѣшанныхъ» языковъ, каковы напр. гузварешъ, румынскій, англійскій, чтобы перестать удивляться тому, что можетъ удивлять насъ теперь въ кельтскомъ, если мы его исторію будемъ объяснять съ точки зрѣнія законовъ, управляющихъ жизнію языковъ самобытно развивавшихся. А съ этой точки зрѣнія именно и смотрѣли языковѣды на исторію кельтскаго языка. Несостоятельность этой точки зрѣнія обнаруживается изъ того, что кельтовѣдѣніе впередъ не подвигается и оставляетъ цѣлый ворохъ необъясненныхъ, темныхъ явленій. Такимъ образомъ, исторія кельтскихъ языковъ, съ нашей точки зрѣнія, пріобрѣтаетъ рѣдкій, чрезвычайный интересъ и обѣщаетъ обогатить историческую науку вообще многими новыми пріобрѣтеніями, которыхъ цѣнность, конечно, въ настоящее время предвидѣть невозможно (Срав. примѣчаніе на стр. 721—2).

*) Цейссъ пишетъ это слово безъ діэризи, но М. Стасюлевичъ въ своей «Исторіи среднихъ вѣковъ» (Спб. 1863) порусски передаетъ эти имена прямо: «Гаэлы, гаэльскій». I, 492, 500.

кельтовъ. современныхъ римлянамъ, отъ котораго памятниковъ никакихъ не осталось, былъ болѣе родствененъ съ нарѣчіями послѣдней группы, нежели первой. О степени древности дошедшихъ до насъ памятниковъ кельтскихъ нарѣчій Цейссъ замѣчаетъ, что они «*aetatem quidem non attingunt monumentorum germanicae linguae, incipientium a saeculo quarto, superant tamen haud dubie aetatem monumentorum slavicae linguae*». Изъ дальнѣйшаго списка этихъ памятниковъ видно, что они не восходятъ ко времени раньше VIII вѣка. (См. Цейссъ, р. V—VIII и д.) Взаимное отношеніе между *lingua hibernica* съ одной стороны и *britannica*—съ другой Цейссъ уподобляетъ тому, какое существуетъ между словянскимъ языкомъ и литовскимъ. Значить, родство все-таки довольно отдаленное, такъ что *hibernica* и *britannica* составляютъ дѣйствительно особые языки.

Для ознакомленія читателей съ спряженіемъ кельтскихъ языковъ мы сосредоточимъ свое вниманіе на системѣ древне-ирландскаго языка въ обширномъ смыслѣ (*linguae hibernicae*)—какъ на такой, которая у моего ментора Цейсса очерчена наиболѣе опредѣленно. Въ виду вышеупомянутыхъ свойствъ кельтскихъ нарѣчій мы признали за наилучшее въ своемъ очеркѣ какъ можно ближе придерживаться своего единственнаго пособія, т. е. труда Цейсса.

I. Общія замѣтки о кельтскихъ системахъ. Всѣ нарѣчія кельтскаго языка обладаютъ формами настоящаго времени, прошедшаго и будущаго. Эти формы существуютъ въ двоякомъ видѣ—первичномъ (*primariae formae*) и вторичномъ (*secundariae*), различаясь между собою какъ со стороны фонетической, такъ равно и по значенію. Первичныя формы выражаютъ три соответствующихъ временныя категоріи изъявительнаго наклоненія. Что касается вторичныхъ, то функція двухъ изъ нихъ совпадаетъ преимущественно съ функціями имперфекта и плюсквамперфекта какъ *indicativi* такъ и *conjunctivi* (*conditionalis potentia-*

lisque), тогда какъ третья обозначаетъ исключительно то, что въ романскихъ языкахъ выражается формою *futuri imperfecti vel conditionalis*. Хотя *formae secundariae* могутъ выражать категорію сослагат. наклоненія, тѣмъ не менѣе во всѣхъ кельтскихъ нарѣчіяхъ существуетъ особая форма для *conjunctivi praesentis*.—Для инфинитива существуетъ собственно лишь одна форма, равно какъ и для императива; причастій два и оба страдательнаго залога—*perfecti et necessitatis*. 410—11.

Въ ирландскомъ языкѣ существуютъ въ двоякомъ видѣ даже первичныя формы (а въ активѣ кромѣ того къ нимъ присоединяется третьяго сорта первичная форма для 3 pers. sing. et plur.—*relativa*). Изъ этихъ двоякаго рода первичныхъ формъ однѣ, болѣе полнозвучныя, употребляются въ предложеніяхъ независимыхъ и притомъ почти безъ всякихъ приставокъ (*formae absolutae*); другія, болѣе краткія, изъ коихъ образовались преимущественно флексіи современнаго ирландскаго языка,—всегда употребляются либо въ придаточныхъ предложеніяхъ либо съ приставками (*formae subjunctae*). Вслѣдствіе этого глаголы съ приставкой лишены возможности употребляться въ формахъ болѣе звучныхъ и полныхъ. Формы 3 pers. *relativae* образуются тоже лишь отъ глаголовъ безъ приставки. 423—4.

Примѣч. *Praesens secundarium* въ кельтскихъ языкахъ почти вполнѣ соотвѣтствуетъ имперфекту, *secundarium praeteritum*—времени преждепрошедшему (*plusquamperfecto*). Что касается будущаго, то оно въ *lingua britannica* совпадаетъ всегда съ настоящимъ *indicativi* (*cambrica*) или *conjunctivi* (*aremorica*), а въ нарѣчіяхъ ирландскихъ имѣетъ свои особыя формы.

Залогъ возвратный (*medium*) выражается или чрезъ приставку *im*—или чрезъ возвратное мѣстоименіе, которое не мѣняется, какъ и въ словянскомъ. *Passivum* сталъ рано терять свои простыя формы и выражаться описательно. Но-

вѣйшіе діалекты кельт. языка не только въ *pass.*, но и въ *act.* утратили по большей части простыя формы, выражая категорію лицъ чрезъ самостоятельно стоящіа мѣстоименія.

II. О глагольныхъ частицахъ *). Но что для насъ составляетъ особенный интересъ, такъ это то, что древне-кельтское спряженіе имѣло особыя приставки съ глагольною функціей и функціей очевидно видовой. Въ древне-ирландскомъ роль этихъ приставокъ не только въ общемъ, но и въ нѣкоторыхъ частностяхъ напоминаетъ невольно глагольные префиксы системъ новозранскихъ (курдской и новоперсидской). Тѣмъ не менѣе въ употребленіи кельтскихъ приставокъ есть много и неопредѣленнаго—особенно, если обращать вниманіе на ихъ значеніе во всѣхъ діалектахъ кельтскаго—какъ ирландскихъ такъ и британскихъ, новыхъ и древнихъ. Но мы остановимся болѣе или менѣе обстоятельно только на употребленіи ихъ въ *lingua hibernica*.

Древне-ирландскій языкъ имѣлъ двѣ глагольныхъ приставки: *gu-* (*go-*) и *pu-* (*po-*). Первая выражаетъ *actio-nem* «perfectam» и безъ сомнѣнія одного происхожденія съ лат. *pro*, гот. *fra-*, тогда какъ вторая, выражая *actio-nem* (*infectam*) «inficientem» (=imperfectam?), одного корня съ лат. *puisc*, греч. *ὑῦν*, гот. *pu* и стрел. *пунѣ*.

A. а) Приставка *gu-*, какъ признакъ дѣйствія оконченаго, преимущественно свойственна формѣ прошедшаго времени и принимается глаголами какъ простыми такъ и сложными; въ послѣднихъ ея мѣсто послѣ приставки лексической (какъ въ языкахъ курдскомъ и новпрс.). Примѣры:

«Ished rorelus duib (est hoc quod manifestavi vobis). — rochrochsath (circumfixerunt). — rochreitset do precept ihu (crediderunt doctrinae Jesu). — as-ru-burt (dixi), «asrubart (dixit), asrubartmar (diximus). — «asrochoili (destinavit). — atrothreb, adrothreb «(habitationem sumpsit). — dirogbat (=diro-

*) См. у Цейсса стр. 411—18 (I Particulae verbales hibernicae) и 418—25 (II Particulae verbales britannicae).

«gabat : desumptum est).—durolged, duroil—
«ged (= doroluged: remissum est)».

6) Присоединяясь къ формамъ conjunctivi praesentis et praesentis secundarii, частица ru- сообщаетъ имъ значеніе praeteriti (срав. въ новпр. praeteritum et imperfectum). Примѣры:

«Conjunctivi praesens: act ranglana (si quis emundaverit se).—act rocretem oipred doe (modo crediderimus operationem dei).—
«act rocretea deacht et doinecht cr. (modo crediderit deitatem et humanitatem Christi).—
«mani rochosca som amuntir (si non castigaverit ille familiam suam)».—«Praesens secundarium: risiu robeimmis etir (antequam fuisset *) omnino).—combad notire rodscirbad cosse (ut sit notarius, qui id scripserit hucusque).—iscumme di roberthe (est idem ei, feminae, acsi esset decalvata).—
«dunarructhae (cui non sit natus)».

в) Частица ru- далѣе участвуетъ въ формахъ futuri primarii et secundarii, а равно и въ формахъ conjunctivi, имѣющей значеніе болѣе или менѣе родственное съ будущимъ. Напр.

«Futuri primarii: robia indocbaal (erit gloria).—robiat sidi (erunt).—isglé limpsa rombia buáid (est persuasum mihi, fore mihi victoriam).—cách rotchechladar ocprecept (quicumque te audiet praecipientem, salvabis)».—«Secundarii: rondbiad failte libsi et robtis maithi formbesasi (futuram ei esse laetitiam apud vos et fore bonos vestros mores).—robad bethu dom dianchomalninn (fore vita mihi, si id implerem)».—Въ формахъ conjunctivi частица ro- появляется обыкновенно совмѣстно съ con-, co-: «conrochra cách alaile (deus det vobis id ipsum sapere in

*) Наоборотъ; «nobemmis» = essemus.

«alterutrum; i. e. ut amet quivis alterum).—
«conrogba cách desimrecht diit (ut sumat
«quivis exemplum de te).—corrochraitea so-
«chuide triit (ut ecclesia aedificationem acci-
«piat, fiat interpretatio).—corronertamni cách
«(ut nos confirmemus quemvis).—robe (sit).—
«roerthar duib uili (fiat vobis omnibus).—
«ronsoirni (salva nos)».—Это же самое соче-
тание conro- бываетъ и въ формѣ praesentis
secundarii (= imperfecti), которая, находясь
въ придаточномъ предложении дѣли, тогда вы-
ражаетъ дѣйствіе, тоже родственное будущему
времени: «conróbad ecoscc acheneóil foir (ut
«esset habitus in eo suae gentis).—conrobad
«ut esset).—conromiccad (ut salvaret me).—
«connaruchreteri ne rrederetis conrochreteri
«(ut crederetis)».

Всѣ упомянутые случаи употребленія частицы го-, гу
(ra-, r-) не могутъ противорѣчить ея перфективной функціи,
если предположимъ, что въ древне-ирландскомъ было два
будущихъ, какъ и въ словянскихъ языкахъ (futurum per-
fectivum et imperfectivum).

Б. а) Частица nu-, по-, какъ признакъ actionis
infectae (vel inficientis), т. е. дѣйствія начального — на-
ступившаго или наступающаго, «является», говоритъ Цейссъ—
«естественнымъ спутникомъ praesentis tam indicativi quam
conjunctivi et futuri». Она впрочемъ вовсе не употреб-
ляется въ глаголахъ сложныхъ, равно какъ и въ предло-
женіяхъ вопросительныхъ и отрицательныхъ, такъ что кругъ
употребленія ея гораздо ограниченнѣе предъидущей.

Praesens et futurum primaria принимаютъ эту ча-
стицу при двухъ условіяхъ:

1) Если форма заключаетъ въ себѣ личное мѣстоиме-
ніе *), тогда частица nu- необходима. Примѣры:

*) Кельтскія нарѣчія часто «агглютинируютъ» личные и от-
носительныя мѣстоименія. Этимъ обстоятельствомъ конечно объ-
ясняется и существованіе весьма оригинальныхъ формъ 3 pers.
sing. et plur.—«относительныхъ» (relativae), которыя дѣлаютъ

— Praesens primum: «nómmóidim (glorior, laudo me). — nonmóidemni (gloriamur). — «nóbguidet .i. nobbendachat (salutant vos omnes ecclesiae Christi). — nobettigetar (aemulantur vobis, non bene, pseudapostoli). — «nósguidsom (rogat eos). — intan asmbiursa (meus engraicigidir insin mó aimm diles 7 «nomrela et nomertagnigedar (si dico meus, «locum tenet hoc nominis mei proprii et manifestat me et notificat me). — nomglantar (emungor). — Futurum primum: nonsam- «lafammar frinn fesine (non in immensum «gloriabimur, sed secundum mensuram), — «nóbsóirfasi dia dinab fochidib (servabit vos «deus a tribulationibus). — nomlinfidersa (com- «plebor)».

2) Если предложіе придаточное — sententia relativa, то частица *nu* хотя и присутствуетъ въ тѣхъ-же формахъ, но необязательно. Присутствуетъ:

Первый случай безъ относительнаго мѣстоименія въ формѣ (praesentis primarii): «ished inso nochairigur itossuch (hoc est id quod vitupero primum). — ished noadamrugur (hoc est quod admiror). — ished inso anaithesce noberid uaimm (hoc est praeceptum quod fertis a me)». — Второй случай — съ мѣстоименіемъ относительнымъ, поглощеннымъ формою praesentis vel futuri primarii: «nonguidimse dia (quod precor ego deum), — comalnid annupredchim (implete id quod praedico). — nopredchimse (quod praedico). — nopredchob (quod praedicabo). — nonsóirfea (quod nos salvabit)». — Третій случай — послѣ разныхъ союзъ: «hore nocretim (quia credo). — hore no- comalnid et nopredchid sos. (quia impletis et

нендобнымъ употребленіе подчинительнаго реченія въ тѣхъ придат. предложеніяхъ, въ которыхъ стоитъ форма relativa.

praedicatis evaangelium).—intain nombiu (cum sum).—intain nonnguirtherni (quando ignimur)».

6) Secundarias formas—съ ихъ троякимъ модальнымъ значеніемъ: indicatiivi, conjunctivi, conditionalis vel potentialis,—эта частица сопровождаетъ весьма часто. Напр.

Praesens secundarium cum sensu indicatiivi (=imperfectum): «noscarinn (separabam me, secedebam).—nosenned (citharam percutiebat).—nufasiged (exhaustire consuevit).—nogigned (nascebatur)».—Praes. sec. cum sensu conjunctivi: «nongabthe (scitis quemadmodum oporteat).—combad arthoil doine nopredchinn (aut quaero hominibus placere? i. e. ut secundum voluntatem hominum praedicem).—nosroiglidle (flagellari .... permittit).—nofoirbthichthe (eum consummari .... decebat)».—Praes. sec. cum sensu conditionalis: «bid fíadib nocrochthe (acsi coram vobis crucifigeretur).—cenachomalnithe (si id impleretis, ut...)»—Futurum secundarium cum sensu conjunctivi et conditionalis: «nolinfed, (completura sit).—no imdbadaigfítis (lucrificarent, si...)—isdo inso noainfeda (ad hoc mansurus eras, maneres).—ropad far nóeñdeilb nobbiad (secundum eandem formam futurum erat).—ropad an. peneuilt noacuitig fide (feret antepaenultima quae acueretur)».

Во всѣхъ этихъ случаяхъ употребленіе частицы по не противорѣчитъ ея специальной функціи, если таковою будемъ считать категорію длительности или имперфективности. Но далѣе Цейссъ приводитъ два примѣра, въ которыхъ частица эта употреблена въ формѣ praeteriti secundarii (=plusquamperfecti) съ значеніемъ впрочемъ не indicatiivi: bid me féin notheised cucut (suscipe illum sicut me; i. e. acsi ego ipse venissem ad te).—comairle do abisolon

notésed (consilium Abesalonis ut contenderet). Въ этомъ (?) случаѣ, говоритъ онъ, частица го- уже не употребляется. Признаться, мы этого случая не понимаемъ и не въ состояніи себѣ объяснить тутъ *raison d'être* органа дѣятельной функціи. Можетъ быть, здѣсь кроется недоразумѣніе въ пониманіи формы или ошибка въ ихъ употребленіи?

Примѣч. Въмѣсто вышеупомянутыхъ частицъ, говоритъ Цейссъ, въ древне-ирландскомъ повиdimu употреблялись также и другія, какъ du- (do-) и mu- (mo-). Первая встрѣчается на мѣстѣ го-, послѣдняя же вмѣсто по- (приводится затѣмъ по два примѣра употребленія той и другой приставки).

Что касается кельтскихъ нарѣчій другой группы (*linguae britannicae*), то прежде всего нужно замѣтить, что эти нарѣчія вовсе не знаютъ глагольной частицы по-, а частица го- (или ея корреспонденты) употребляется въ каждомъ изъ нихъ болѣе или менѣе своеобразно. Здѣсь же мы встрѣчаемъ, съ другой стороны, глагольныя частицы и совершенно новыя.

Валлійское нарѣчіе (*cambrica*). Ro- въ большинствѣ случаевъ является въ видѣ гу- (*re-*). Сопровождаетъ *praeteritum primarium* (= *perfectum*, *aoristum*) et *secundarium* (= *plusquamperfectum*). *Conjunctivus* принимаетъ при ней значеніе *praeteriti*. Замѣчательно, что она является также и въ инфинитивѣ, въ отличіе отъ древне-ирландскаго, причемъ инфинитивъ, какъ въ языкѣ готскомъ при частицѣ *ge-*, выражаетъ дѣйствіе перфективное: *adnabot aoruc ryggaffel dyrnawt* (*cognoscere coepit se accepisse plagam*); *tybygu rylad kei* (*credere coeperunt caesum esse Caium*) и т. п. Такимъ образомъ, въ древне-валлійскомъ нарѣчій британскаго языка частица гу-, подобна древне-ирландской го-, является безспорно тоже органомъ перфективной функціи.

Но употребленіе другихъ глагольных приставокъ представляетъ для насъ загадку. Вотъ что Цейссъ говоритъ о нихъ: «*Servata ergo invenitur in libris, quos memo-*

ravimus, vetusta particula ut praeteriti index, in isdem tamen jam cedere solet communibus particulis verbalibus yd, y (ed, e) et a, quae tam in praeterito quam in ceteris temporibus usitatae sunt propriae dialectorum britannicarum, cum ex hibernicis ne no- quidem sit omnium temporum. Neque tamen hae particulae usurpantur nisi in sententia affirmativa, atque ea differentia, ut yd (ante vocales, y ante consonas servandas in statu primitivo) praecedat ante verbum, ubi hoc, si non primum locum obtinet sententiae, at ante subjectum positum est, etiamsi sententiam inchoant adverbia et conjunctiones quaedam (ut mal, noc, lle, megys etc.), contra a (destituens consonas sequentes) ante verbum praecedat, ubi idem e principio sententiae recessit post subjectum vel objectum. Particula a naturam relativam prae se fert, quamquam interdum y, yd quoque relativa videtur. Dici ergo potest y particula verbalis positiva sententiae absolutae, a particula positiva sententiae subjunctae, sicut est ny negativa particula sententiae absolutae, na negativa sententiae subjunctae» 421—2 *). При такомъ положеніи дѣла искать въ глагольныхъ частицахъ yd, y и a функціи видовой, кажется, надежды нѣтъ никакой. То-же самое значеніе эти

---

*) «Итакъ въ памятникахъ, о которыхъ мы упомянули, древняя частица сохранена въ качествѣ показателя praeteriti. Но уже въ тѣхъ же памятникахъ она обыкновенно уступаетъ свое мѣсто общѣ-британскимъ глагольнымъ частицамъ yd, y (ed, e) и a. Эти частицы въ британскихъ нарѣчійхъ употребляются какъ въ прошедшемъ, такъ и въ прочихъ временахъ, тогда какъ изъ ирландскихъ частицъ даже по- и та не употребляется во всѣхъ временахъ. Упомянутыя нами британскія частицы употребительны только въ предложеніяхъ утвердительныхъ. Разница между ними состоитъ въ томъ, что yd (предъ гласнымъ, y послѣ согласныхъ первоначальнаго вида) предшествуетъ глаголу, когда этотъ послѣдній, хотя и не занимаетъ перваго мѣста, то во всякомъ случаѣ стоитъ предъ подлежащимъ,—даже если предложеніе начинается извѣстными нарѣчійми и союзами; наоборотъ а предшествуетъ глаголу, стоящему послѣ подлежащаго или допол-

частицы, или ихъ корреспонденты, имѣютъ и въ остальныхъ двухъ нарѣчіяхъ британскаго языка.

Нарѣчія корнское и бретонское. Намъ остается сказать тутъ лишь объ употребленіи частицы *go-*. Употребленіе частицы *ge-* (*|| go-*) въ корнскомъ напоминаетъ языкъ древне-ирландскій. Она сопровождаетъ прежде всего *praeterita primum et secundarium*, при формахъ же *conjunctivi et praesentis secundarii* она выражаетъ будущее время, такъ какъ въ этомъ случаѣ данныя формы имѣютъ значеніе *optativi* или *imperativi*. Что касается діалекта бретонскаго, то тутъ корреспондентъ частицы *g-* является всегда признакомъ *optativi*. Съ древнею функціею бретонская частица имѣетъ связь очевидно чрезъ *futurum perfectivum* (предполагаемое нами въ древне-ирландскомъ).

III. Замѣтка о морфологическомъ строеніи формъ. Съ этой стороны кельтскія системы представляютъ весьма большое разнообразіе явленій. Тутъ встрѣчаемъ формы, образующіяся чрезъ удвоеніе (*praeteritum, futurum*), чрезъ суффиксы: *-t* или *-d* (*praeteritum primum*; срав. въ нѣмецкомъ *praeteritum* „слабаго“ спряженія), *-b* или *-f* (*futura primum et secundarium*; срав. латинскія формы) и чрезъ *-s* (*futurum et praeteritum primaria, conjunctivum* и нѣкоторыя формы *secundaria*, особенно *plusquamperfectum et imperfectum*).... Но мы вовсе не намѣрены здѣсь давать очерка морфологическаго строенія формъ кельтскихъ спряженій. Наша задача — опредѣлить, къ какому типу индоевропейскихъ системъ ихъ отнести. Но и эта задача нелегка. Дѣло въ томъ, что фонетическія явленія кельтскихъ нарѣчій весьма разнообразны, мало устойчивы и подвижны: здѣсь мы встрѣчаемся, какъ и въ языкахъ нѣ-

ненія. Частица *a* есть въ то-же время подчинительная, хотя иногда, кажется, *ud, u* тоже являются съ такимъ значеніемъ. — Итакъ можно сказать, что частица *u* есть утвердительная предложений независимыхъ, *a* — утвердительная предложений зависимыхъ, подобно тому какъ *pu* есть отрицательная частица для предложений главныхъ, а *na* отрицательная частица для предложений придаточныхъ.

мецкихъ, прежде всего съ перегласовкою корневыхъ вокаловъ, а затѣмъ—съ ихъ элизіей, съ опущеніемъ и переходомъ согласныхъ. Перегласовку Цейссъ называетъ *flexio interna* (въ противоположность *externa*—черезъ окончанія).

Не смотря однако на эту подвижность кельтской фонетики, мы, кажется, не будемъ далеко отъ истины, если скажемъ, что древне-кельтскія системы относятся къ одному типу съ нѣмецкими. Спряженіе *cum flexione interna* не столь обширно и вполнѣ соотвѣтствуетъ нѣмецкому „*starke conjugation*“, т. е. разноосновному. Спряженіе *cum flexione externa* есть обычное, къ которому въ древне-ирландскомъ относитъ Цейссъ два разряда глаголовъ, не считая глаголовъ т. наз. „отложительныхъ“ (*deponentia verba*); это послѣднее спряженіе соотвѣтствуетъ нѣмецкому „*schwache conjugation*“, т. е. одноосновному. Существенная разница между нѣмецкими языками и древнекельтскими состоитъ въ томъ, что въ первыхъ аугментъ былъ развитъ слишкомъ слабо. По употребленію аугмента древнекельтскія системы, особенно ирландскаго языка, поразительно близко подходят къ курдскому и новоперсидскому спряженію *).

Въ нарѣчіяхъ *linguae britannicae* спряженіе проще, чѣмъ въ языкѣ древнеирландскомъ: въ британскихъ діалектахъ нѣтъ особыхъ флексій для категоріи *futuri*, которая выражается формою *praesentis* какъ у глаголовъ съ приставкой такъ и безъ приставки; нѣтъ тамъ и особаго типа

*) Эта близость касается не только общаго принципа,—можно сказать, тождественнаго въ языкѣ древне-ирландскомъ,—но и частныхъ: 1) въ нарѣчіяхъ кельтскихъ существуетъ «аористъ» въ смыслѣ новозранскихъ языковъ; 2) подобно тому, какъ въ курдскомъ и новоперсидскомъ, приставка видовая занимаетъ мѣсто въ глаголахъ сложныхъ послѣ лексической; 3) частичка *go-* въ древнеирландскомъ обращаетъ нѣкоторыя имперфективные формы, именно *praesens conjunctivi et imperfectum* (*praes. secund.*), въ перфективные—подобно тому, какъ и частица *bi-* въ новоперсидскомъ; 4) въ курдскомъ и новоперсидскомъ существуютъ особые правила для спряженія отрицательныхъ глаголовъ; то же и въ древнемъ ирландскомъ, причемъ правила этого спряженія сильно напоминаютъ грамматику новозранскихъ языковъ.

спряженія *flexionis internae*, т. е. корневого. Въ правильномъ спряженіи Цейссъ не находитъ даже образцовъ больше одного. Въ этомъ правильномъ спряженіи бываетъ впрочемъ переменна корневого вокала, но она, какъ утверждаетъ Цейссъ, объясняется условіями чисто фонетическими и ограничивается, кажется, одними лишь корнями, заключающими гласный а.

Прилагаемъ къ этимъ замѣткамъ образецъ, хоть и неполный, древнеирландскаго спряженія съ одною основой, на половину составленный нами самими согласно теоретическимъ указаніямъ Цейсса и примѣрамъ изъ памятниковъ, приведеннымъ въ его трудѣ. См. таб. № 20.

Кельтскіе языки, на ряду съ новоэранскими, сколько намъ извѣстно, — совершенно оставляются въ сторонѣ словянской наукой. Нѣтъ сомнѣнія, что для большинства словянскихъ ученыхъ отмѣченныя выше видовыя явленія древнекельтскихъ и новоэранскихъ системъ составятъ весьма интересную новость — особенно послѣ того, когда нами было констатовано уже существованіе въ словянинѣ «спряженія съ наращеніемъ». Не одни древненѣмецкіе языки, оказывается, обладали явленіями, аналогичными нѣкоторымъ явленіямъ словянской видовой системы; гораздо больше это сходства открывается въ глаголѣ языковъ современнаго Эрана и древней Гиберніи. Такимъ образомъ замѣчательнѣйшее явленіе словянскихъ языковъ, — то, что доселѣ поражало ученыхъ своимъ изолированнымъ существованіемъ въ индоевропейской области, т. е. словянскія видовыя системы, — перестаетъ быть феноменомъ: въ большей или меньшей степени сходныя съ словянскою видовой системой явленія почти непрерывною цѣпью тянутся по бывшимъ или существующимъ языкамъ чуть не отъ самыхъ горъ Гималайскихъ (афганскій языкъ) и до Зеленаго Острова.

Другой вопросъ — доказать, существуетъ ли нѣтъ генетическая связь между сходными

образецъ спряж. древнеирландскаго

съ одною основой: car-и я люблю.

	Praes.-prim.	Eut.-prim.	Praet.-prim.	Conj. praes.
S. 1.	nocar-u	nocar-ub *)	rochar-us**)	nocar-a***)
2.	nocar-i	nocar-fe	rochar-is	nocar-a
3.	nocar-a	nocar-fa	rochar	nocar-a
P. 1.	nocar-am	nocar-fem	rochar-sam	nocar-am
2.	nocar-id	nocar-fid	rochar-sid	nocar-aid
3.	nocar-at	norar-fat	rochar-sat	nocar-at
	Praes.-sec.	Fut.-sec.	Praet.-sec.	Imperat.
S. 1.	nocar-inn***)	nocar-finn*)	rochar sinn	—
2.	nocar-tha	nocar-fetha	rochar-setha	car the
3.	nocar-ed	nocar fed	rochar-sed	car-ad
P. 1.	nocar-mis	nocar-fimmis	rochar-ismis	car-am
2.	nocar-the	nocar fithe	rochar-sithe	car-id
3.	uocar-tis	nocar-fitis	rochar-sitis	car-at

*) Принимаютъ также и частицу го-, у глаголовъ неправильныхъ прежде всего

**) Перемѣна с въ sh обусловлена конечно причиною фонетической.

***) При частичкѣ го- тѣ же формы обозначаютъ категорію praet. riti зависимыхъ наклоненій. Форма conj. при гогонго- выражаетъ также и imperativum (perfectivum?).

Формы secundariae составлены нами, равно какъ и нѣкоторыя другія отъ этого глагола. Forma praesentis absoluti, употребляющаяся обязательно безъ приставки, а также безприставочная форма 3 pers. relativa, — нами опущены. Темою глагола такимъ образомъ является car. — Цейссъ, придерживающійся исключительно взгляда историческаго на дѣленіе словъ, былъ поставленъ въ необходимость оставить формы спряженія безъ всякаго обозначенія частей.... Дѣленіе принадлежитъ намъ.

% 50

явленіями этихъ языковъ и въ какой степени существуетъ. Вопросъ этотъ слишкомъ трудный, чтобы то или другое рѣшеніе его на первыхъ порахъ не могло возбуждать противъ себя протеста или возраженій. Но мы увѣрены, что удовлетворительные результаты не заставятъ себя долго ждать, если за разрѣшеніе этого вопроса примутся словянскіе специалисты сравнительнаго языкознанія. Современнымъ европейцамъ Запада трудно подвизаться въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ ихъ уголь зрѣнія, выработанный подъ вліяніемъ родной рѣчи, слишкомъ далекъ отъ того, который тутъ требуется и который словянину данъ его родною средою.

Но вопросъ о генетическомъ родствѣ видовыхъ явленій въ разныхъ индоевропейскихъ языкахъ въ то-же время и въ высшей степени важный, который обѣщаетъ богатую жатву. Прежде всего становится возможнымъ предположить, что кельтскіе языки, въ силу только удивительной способности латинскаго племени къ ассимиляціи чуждыхъ элементовъ, — получили тотъ видъ, который сближаетъ ихъ всего больше съ латинскимъ языкомъ; раньше, въ своей первобытной натурѣ эти языки имѣли, быть можетъ, гораздо больше родства съ восточными языками Европы, чѣмъ съ южными. Эту догадку вызываетъ одно уже то обстоятельство, что по употребленію аугмента несравненно больше сходства съ новоэранскимъ спряженіемъ представляетъ система языка древнеирландскаго, который былъ наиболѣе удаленъ отъ вліянія римлянъ, чѣмъ діалекты языка британскаго. Въ этихъ послѣднихъ, какъ мы видѣли, употребленіе аугментовыхъ приставокъ весьма загадочно и во всякомъ случаѣ подчиняется инымъ правиламъ, нежели въ языкѣ курдскомъ, новопер-

сидскомъ и древнеирландскомъ *).—Впрочемъ на этомъ вопросъ о генетическомъ родствѣ видовыхъ явленій въ индоевропейскихъ системахъ мы будемъ имѣть случай остановиться еще разъ.

В. Добровскій.

*) Въ исторіи языковъ «смѣшанныхъ» самое живучее—грамматическіе принципы, т. е. симазіологическія категоріи и способы ихъ выражать. Фонетика, лексиконъ—мѣняются сравнительно быстро; усваиваются приставки, суффиксы; но все это принаравливается къ выраженію прежнихъ симазіологическихъ категорій, при чемъ сохраняется въ существѣ дѣла и самый способъ этого выраженія. Тѣло мѣняется, духъ, принципъ, остается. Поэтому нечего удивляться, что древнеирландскія приставки го- и по- очевидно латинскаго происхожденія. Шпигель въ Huzvazeš—grammatik указываетъ на подобное же явленіе: часто персидскій глаголъ сохраняетъ персидскій корень, а приставку имѣетъ арамейскую, и наоборотъ, приставка персидская, корень арамейскій... А сколько корней и суффиксовъ, сколько словъ заимствовала языкъ румынскій у словянъ (Кречугеско || Залѣвскій и др.)? Нѣтъ, мы положительно утверждаемъ, что языковѣды находились въ большомъ заблужденіи на счетъ исторіи кельтскаго языка. Мы представляемъ, что заселеніе Европы изъ Азіи шло двумя путями: греки и римляне пришли моремъ—чрезъ Дарданелльскій проливъ и Босфоръ; кельты, иѣмцы, словяне, литва двигались сухопутнымъ—чрезъ Кавказъ и рѣку Уралъ. И статочное ли дѣло, чтобы огромное кельтское племя, заселявшее всю Иберію, Трансальпинскую Галлію, Бельгію, Британію и Гиберию, двигаясь по одному и тому же пути съ римлянами, не оставило никакихъ осадковъ въ Архипелагѣ, на островахъ около Италіи и даже въ самой Италіи? Языкъ басковъ, живущихъ въ Пиринеяхъ, пріобрѣтаетъ теперь особенно важное значеніе въ дѣлѣ выясненія исторіи кельтовъ; но и этотъ языкъ нужно попытаться сравнивать не тому, кто знакомъ специально съ исторіею языковъ южной вѣтви Европы, а тому, кто знакомъ съ новозранскими и восточными языками... Мы лично ровно ничего не знаемъ пока объ особенностяхъ этого языка.—Срав. подстрочное примѣчаніе на стр. 707—8.

РУССКОЕ СЛОГОУДАРЕНІЕ.

(Продолженіе).

Б.

Изъ всего изложеннаго въ предъидущемъ отдѣлѣ (А) можно вывести то общее заключеніе, что въ значительномъ большинствѣ формъ съ двоякимъ удареніемъ, это послѣднее практикуется въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ разъ акцентъ обуславливается генетическимъ началомъ, а другой — аналогією, подчиняющеюся другимъ, вышеприведеннымъ, просодическимъ началамъ. Генетическое удареніе мы уже разсмотрѣли подробно въ первыхъ двухъ главахъ настоящаго выпуска. Теперь намъ предстоитъ разобрать вопросъ: что же такое именно просодическая аналогія, та аналогія, которая столь часто упоминалась въ продолженіе нашего труда?

1. Какъ общій научный терминъ, слово аналогія всѣмъ понятно. Въ такомъ именно общемъ смыслѣ мы и употребляли сказанный терминъ въ изложеніи своихъ изслѣдованій. Но если въ изслѣдованіяхъ вещественной природы аналогія выводится изъ явленій, подчиняющихся извѣстнымъ естественнымъ законамъ, то и въ области языкознанія она тоже должна подчиняться какимъ бы то ни было законамъ. Какіе же это законы? Основываясь какъ на лексическихъ, этимологическихъ и грамматическихъ данныхъ, такъ равно и на извѣстныхъ физическихъ и психическихъ явленіяхъ, явленіяхъ доступныхъ непосредственному наблюденію, мы уже вывели нѣсколько просодическихъ законовъ, изъ коихъ три (генетич. морфологич. и семазіологич. начала) относятся лишь къ нѣкоторымъ (въпрочемъ, болѣе или менѣе многочисленнымъ) категоріямъ словесныхъ формъ. Кромѣ этихъ трехъ началъ, имѣющихъ лишь частное значеніе, мы открыли и разъяснили (преимущественно въ III и IX гл.) еще одно общее начало — благозвучіе, благозвучіе, которое проникаетъ во весь строй нашего языка, господствуя во всевозможныхъ формахъ словеснаго выраженія и подчиняя своей власти вышеупомянутыя частныя начала. Тому же общему началу подчиняется и просодич. аналогія, въ частности же прилаживаясь, какъ мы наглядно видѣли въ настоящей же главѣ, то къ тому, то

къ другому изъ вышесказанныхъ трехъ соподчиненныхъ началъ. Мы не разъ указывали на то, что, не смотря на особенную подвижность русскаго ударенія, подвижность нерѣдко кажущуюся безпричинною, наша акцентація однако отличается замѣчательною послѣдовательностью какъ по отношенію вообще къ различнымъ просодич. даннымъ, такъ и въ частности по отношенію къ аналогіи. Но если и въ вещественномъ мірѣ постоянно встрѣчаются то тѣ, то другія явленія, уклоняющіяся отъ общихъ законовъ, то это тѣмъ болѣе естественно въ области духовныхъ проявленій, выражающихся въ словѣ, въ словѣ, въ коемъ какъ морфологическіе, такъ и фонетическіе законы обуславливаются не только физическими, но и—мало еще изслѣдованными—психическими факторами. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и просодическая аналогія представляетъ нѣкоторыя уклоненія отъ вышеупомянутыхъ началъ. Конечно, эти уклоненія находятся въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ причинъ. Ихъ необходимо раскрыть,—что мы и постараемся сдѣлать въ слѣдующемъ параграфѣ.

2. На основаніи собранныхъ нами фактовъ, общею причиною вышесказаннаго уклоненія мы считаемъ привычку артикулировать извѣстный рядъ словесныхъ формъ постоянно съ однимъ и тѣмъ же удареніемъ. Стало быть, намъ необходимо прежде всего установить правильный взглядъ на психо-фізіологическое явленіе, именуемое привычкою, привычкою, которая заключаетъ въ себѣ довольно обширное понятіе. Еще въ древнія времена говорили, что „привычка—вторая натура“. У нашего народа есть двѣ характерныя поговорки: 1) „Привычка не отопокъ—съ ноги не сбросишь“; 2) „По привычкѣ и въ аду живутъ“. Но привычки, какъ извѣстно, бываютъ весьма разнообразны—и хорошія и дурныя въ разныхъ степеняхъ. Привычка, какъ навыкъ, вырабатываемый съ дѣтства помощью извѣстныхъ педагогическихъ приемовъ, приносить въ жизни человѣка весьма хорошіе плоды. И, наоборотъ, вслѣдствіе ли извѣстныхъ прирожденныхъ и ничѣмъ не сдерживаемыхъ наклонностей, или вслѣдствіе вліянія дурныхъ примѣровъ окружающей среды въ дѣтскихъ и юношескихъ лѣтахъ, нерѣдко у взрослыхъ

людей укореняются весьма дурныя привычки. Такія привычки иногда въ организмѣ соціальной жизни составляютъ болѣзненные наросты и весьма губельныя паразитныя язвы, распространяясь или спорадически, или же и эпидемически, какъ напр. въ наше время повальное пьянство и кулачество. Подобные грустные пороки распространяются широко въ такія преимущественно эпохи государственнаго переустройства, когда, какъ говорится, отъ стараго не отстали, а къ новому не пристали и когда мало цѣнятся трудолюбіе и надъ этическими христіанскими принципами берутъ верхъ грубые животныя инстинкты. Но такое ненормальное теченіе жизни измѣняется къ лучшему, когда издаются цѣлесообразныя законоположенія такими государственными дѣятелями, которые, будучи одушевлены искреннимъ патріотизмомъ и одарены проницательнымъ умомъ, умѣютъ кстати воспользоваться уроками исторіи и соціологіи. Точно такъ же и въ организмѣ языка въ извѣстныя эпохи его развитія появляются болѣзненные наросты и появляются въ такія именно эпохи, когда, съ одной стороны, горсть ученыхъ занимается компилированіемъ и пережевываніемъ иностранной лингвистики, предпочитая, напр., археологическія изслѣдованія о древней эпиграфикѣ самостоятельному и основательному изученію родной рѣчи и когда, съ другой стороны, народныя массы или коснѣютъ въ невѣжествѣ или, получая образованіе, знаютъ, напр., разные *ablativi* и *aorist'y* и т. п., а не знаютъ даже того, какое удареніе носить столь обыденное слово, какъ напр. жилище. Мы были однажды свидѣтелями, какъ одинъ учитель гимназіи выбивался изъ силъ, требуя, чтобы ученики непременно произносили жилище, а не жилищѣ. И подобные грустные факты повторяются еще и теперь, когда уже есть положительныя указанія, могущія образумить господина учителя по крайней мѣрѣ настолько, что бы онъ не смѣшилъ людей. Итакъ, пренебреженіе къ изученію родного слова, слова, съ одной стороны, столь обильно богатаго, а съ другой—столь мало разработаннаго, повели къ нѣкоторымъ искаженіямъ фонетики нашей рѣчи. Мы уже видѣли такое искаженіе въ формахъ истецъ и истица (вм. истѣцъ, истіца).

(См. девят. глав. 1, 10). Такъ-какъ слово истецъ по своему значенію имѣетъ прямое соотношеніе съ словомъ искъ, носящемъ удареніе на гл. *и* (а не со словомъ искать), то произношеніе этого слова съ удареніемъ на той же гласной *и* можетъ быть оправдано лишь привычкою, привычкою, которая однако въ этомъ случаѣ не согласуется съ законами благозвучія.

3. Ниже мы приведемъ еще нѣсколько подобныхъ фактовъ, встрѣчающихся лишь изрѣдка, спорадически, особняками. А теперь намъ нужно еще замѣтить, что въ русскомъ языкѣ есть цѣлый рядъ (впрочемъ, немногочисленный) именъ на *ой* съ двоякимъ удареніемъ: разъ на этомъ же конечномъ слогѣ, а другой—на предъидущихъ слогахъ. По-крайней-мѣрѣ въ словарь Даля мы набрали съ полтора десятка такихъ именъ, какъ напр., вѣйгрышной и вѣйгрышнѣй, почтѣвой и почтѣвоѣй, удалой и удалѣй и проч. (стр. 12—3 вып. 1-й). Формы вѣйгрышной, почтѣвой, удалой и проч. составляютъ исключеніе изъ того общаго правила, по которому всѣ прилагат. имена на *ой* неизмѣнно держатъ удареніе не на какомъ иномъ, какъ только на конечномъ слогѣ и, наоборотъ, всѣ прилагательныя имена на *ый*, *ій* почти вовсе не допускаютъ акцента на этомъ послѣднемъ. На чемъ же основано сказанное исключеніе? На привычкѣ, которую можно назвать рутиною. И въ самомъ дѣлѣ: если простой нашъ народъ и выговариваетъ окончанія именъ прилагат. *ый*, *ій* какъ *ай*, *ой*, *ей*, то, во-первыхъ, такое произношеніе практикуется повсемѣстно, а во-вторыхъ, оно не только не оправдывается, но и грубѣйшимъ образомъ противорѣчитъ и общимъ законамъ благозвучія и столь послѣдовательной въ настоящемъ случаѣ аналогіи. И къ чему же въ такомъ случаѣ держаться народнаго говора, а не правильнаго произношенія, установившагося въ образованной части общества? Непослѣдовательность Далевской акцентаціи въ прилагат. вѣйгрышной, почтѣвой, удалой еще болѣе обнаружится, когда эти имена мы станемъ склонять. Такъ-какъ, съ одной стороны, всѣ прилагательныя во всемъ своемъ склоненіи рѣшительно не допускаютъ никакихъ измѣненій въ акцентѣ, а съ другой—всѣ эти имена съ примѣтою *ый* или *ій* въ родительномъ падежѣ оканчиваются на *ого* или *юго*, а имена

съ примѣтою ой — неизмѣнно оканчиваются на ого (что нынче окончательно рѣшено и нашимъ самымъ компетентнымъ филологомъ Я. Гротомъ), — то отъ вышеприведенныхъ именъ въ сказанномъ падежѣ должны выйти такія формы: вѣйгришнаго, почтѣоваго, удалаго. Но нынче никто изъ знающихъ основательно русскій языкъ такъ не говоритъ, а говорятъ: вѣйгришнаго, почтѣоваго, удалаго или удалѣго. Стало быть, послѣдняя изъ этихъ формъ можетъ носить двойное удареніе, но не иначе какъ съ двойкимъ же и окончаніемъ: удалый и удалой — что совершенно основательно и обозначено въ словарѣ Макарова. Но Макаровъ не выдержалъ вполне системы, оставивъ форму почтовой съ двойкимъ удареніемъ, хотя неблагозвучіе слова почтовой ясно сознается и слухомъ помимо какихъ бы то ни было просодическихъ правилъ. Есть и еще одно фактическое доказательство несостоятельности Далевской акцентаціи, доказательство, состоящее въ томъ, что, — какъ видно изъ нашего списка прилагат. именъ съ двойкимъ удареніемъ и двумя значеніями (стр. 28 и 29) — изъ всѣхъ этихъ именъ (числомъ тоже съ полтора десятка, какъ и вышепомянутыя съ однимъ значеніемъ) не нашлось ни одного такого, которое, оканчиваясь на ой, не держало бы ударенія на этомъ же конечномъ слогѣ. Итакъ, мы видимъ, что въ нашу акцентацію повременамъ закрадываются искаженія противу всякой аналогіи и законовъ благозвучія и закрадываются вслѣдствіе неустановившихся правилъ орѳографіи, и именно въ такія эпохи развитія языка, когда отъ стараго не отстали, а къ новому не пристали, — примѣры чему мы привели еще и раньше, ссылаясь на академическій словарь, въ коемъ и теперь еще находимъ слова: глухій, вмѣсто глухой, слѣпый вмѣсто слѣпой и проч.

4. Разсмотримъ, затѣмъ, формы, кои встрѣчаются лишь особняками и въ коихъ правильность акцентаціи сомнительна. Изъ такихъ формъ особеннаго вниманія заслуживаетъ форма *феноменъ*, коей удареніе въ слѣдующихъ словаряхъ обозначено различно: у Макарова — на срединномъ, а у Рейфа — на конечномъ слогѣ. Конечно, ни тотъ, ни

другой изъ помянутыхъ лексикографовъ не могъ слышать, какъ выговариваетъ это слово простой народъ. Чѣмъ же они руководствовались въ акцентаціи? Въ Академическомъ словарѣ этого слова вовсе нѣтъ, а у Даля оно не отмѣчено удареніемъ. Конечно, нельзя съ полною увѣренностью утверждать, что этотъ пробѣлъ въ словарѣ Даля не случайность. Но, основываясь на томъ обстоятельстве, что сказанный пробѣлъ повторился и во 2-мъ изданіи словаря, мы склонны думать, что Даль, всегда старавшійся соблюсти народный говоръ, не имѣя никакой возможности слышать гдѣ-либо этотъ послѣдній и боясь ошибиться, предпочелъ оставить разбираемое слово безъ отмѣтки ударенія. Нынче, на основаніи извѣстныхъ намъ законовъ, намъ уже не трудно рѣшить вопросъ: который именно изъ двухъ акцентовъ на словѣ феноменъ болѣе правиленъ? Оба эти акцента можно назвать генетическими: ибо одинъ изъ нихъ (на второмъ слогѣ) соотвѣтствуетъ лат. *phaenōmena*, а другой (на конечномъ слогѣ)—французск. *phénomène*. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія генетическаго начала и тотъ и другой акцентъ можно бы считать равно правильнымъ. Однако, если мы проартикулируемъ неторопливо и съ одинаковымъ напряженіемъ голоса какъ фено́м-енъ, такъ и феноме́нъ, то не трудно будетъ замѣтить, что фонетика перваго изъ этихъ словъ далеко неблагозвучна сравнительно съ фонетикою второго. Дѣлая этотъ опытъ, мы замѣчаемъ, что при произношеніи фено́м-енъ ударяемый слогъ выходитъ черезчуръ протяжнымъ: ибо переходъ отъ артикуляціи звукового комплекса *ном* къ артикуляціи звукового комплекса *енъ* очень затруднителенъ. А это происходитъ отъ того, что, съ одной стороны, согл. *м*, примыкая къ твердому звуку *но*, никакъ не можетъ смягчиться, а съ другой—твердый звукъ *м* не вяжется свободно съ мягкимъ звукомъ *е*. Конечно, силою воли, мы могли-бы слогъ *номъ* произнести и какъ *номъ*, т. е. смягчая *м*. Но такое произношеніе, какъ насиліе противу физическихъ законовъ, потребовало бы черезчуръ сильнаго напряженія органовъ и повело бы лишь къ тому, что послѣ артикуляціи сказаннаго слога произошелъ бы перерывъ, равняющійся по своей долготѣ полной остановкѣ. (Что звукъ *м*

дѣйствительно неспособенъ смягчаться въ словѣ феноменъ при подъемѣ въ этомъ послѣднемъ голоса на срединномъ слогѣ, это фактически доказывается тѣмъ, что во всемъ русскомъ языкѣ нельзя найти ни одной такой формы, въ которой бы звукъ *м*, входя въ составъ слога *ном*, произносился мягко). И поэтому, чтобы избѣгнуть вышеобъясненнаго излишняго протяженія, слово феном-енъ мы должны произносить не иначе, какъ придавая гл. *е* совершенно твердый звукъ, подобно польскому *fenómen*. Но такой говоръ уже вовсе не соответствуетъ духу русской фонетики,—что опять таки фактически доказывается тѣмъ, что въ нашемъ языкѣ нѣтъ ни одной такой формы, въ составъ которой входилъ бы звуковой комплексъ *мэнъ*, между-тѣмъ-какъ слогъ *мэнъ* встрѣчается довольно часто, по крайней мѣрѣ въ формахъ род. п. *мн*, ч., напр. *время*, *знамя*, *письмя* и проч. Итакъ, изъ всего этого выходитъ, что слово феноменъ мы должны произносить съ французскимъ, а не лат. акцентомъ, потому-то въ этомъ случаѣ звукъ *е* можетъ сохранить свой естественный мягкій выговоръ: ибо, когда мы удареніе ставимъ не на срединный, а на конечный слогъ и когда, слѣдовательно, вся сила напряженія голоса сосредоточивается не на звукѣ *ном*, а на звукѣ *мэнъ*, согл. *м*, примыкая непосредственно (безъ перерыва) къ гл. *е*, безпрепятственно приспосабливается къ мягкому звуку этой послѣдней.

5. Есть еще другое слово, акцентация котораго тоже, какъ и акцентация слова феноменъ, возбуждаетъ сомнѣніе—*плетень*. Хотя это слово чисто русское и довольно часто употребляется какъ въ простонародномъ, такъ и въ книжномъ языкѣ; но такъ-какъ въ словарѣ Даля оно обозначено лишь однимъ удареніемъ (на конечномъ слогѣ) не смотря на то, что какъ въ академическомъ, такъ и въ словарѣ Макарова оно ясно прописано дважды съ различною акцентациею, чего, конечно, Даль не могъ не замѣтить, то является вопросъ: почему же Даль принялъ только одно и отвергъ другое удареніе? Это случилось вѣроятно по тому, что Даль, самъ не зная никакихъ законовъ нашей просодіи, полагался не столько на нашихъ академиковъ, сколько на народный

говоръ, въ двучленныхъ формахъ предпочитающій удареніе на концѣ слова. Съ точки же зрѣнія нашей теоріи и фонетику плѣт-ень, говоря вообще, нельзя считать неблагозвучною: ибо здѣсь согл. *т*, составляющая связующее звено между первымъ и вторымъ слогами, произносится не иначе, какъ мягко; а потому переходъ артикуляціи отъ перваго слога (плѣть) къ артикуляціи втораго (ень), въ которомъ начальный звукъ *е* = *іэ*, совершенно свободенъ, плавенъ (*ь* = *і*). Однако, если мы примемъ въ соображеніе, что относительная долгота извѣстнаго слоговаго комплекса зависитъ безусловно отъ его морфологическаго состава, а можетъ также зависѣть и отъ степени интенсивности, обуславливающейся извѣстнымъ психическимъ настроеніемъ (см. главы III и VII, преимущественно стр. 58 и 59, 144 и 146): то въ тѣхъ случаяхъ, когда слово плетень произносится съ особенною энергіею и когда дѣлая на первомъ слогѣ обыкновенное (эстетическое) удареніе, въ тоже время силу этого послѣдняго мы увеличиваемъ до силы логическаго ударенія,—то въ такихъ случаяхъ акцентъ на первомъ слогѣ выйдетъ не совсѣмъ благозвучнымъ; ибо слоговой комплексъ плѣть, отличающійся особенною длительною звуковъ, при сильномъ подъемѣ на немъ голоса, выйдетъ слишкомъ протяжнымъ. И поэтому-то въ такихъ случаяхъ, хотя и безсознательно, но все-таки, подчиняясь руководству психическаго рефлекса, слово плетень мы произносимъ не иначе, какъ съ удареніемъ на конечномъ слогѣ. Итакъ двоякое удареніе можетъ обуславливаться въ иныхъ формахъ, между прочимъ, еще и психическою причиною. (Объ этой послѣдней у насъ еще будетъ подробное разсужденіе въ особой главѣ).

6. Гораздо проще объясняется акцентація слова *нюх-нуть*. Здѣсь мы, нисколько не колеблясь, можемъ рѣшительно сказать, что обозначеніе этого слова въ академическомъ словарѣ (вопреки другимъ словарямъ) съ удареніемъ на первомъ слогѣ совершенно ошибочно. Нюхать—дѣло другое: дѣлая подъемъ голоса на слогѣ *нюх*, мы свободно переходимъ къ артикуляціи послѣдующаго слога; ибо горт. звукъ *х* очень легко вяжется съ гортан. же звукомъ *а* и,

поэтому, протяженіе перваго изъ этихъ звуковъ (нѣх-х-ать) выходитъ весьма плавное. Совсѣмъ не то выйдетъ, если мы и слово нѣх-х-нуть станемъ произносить съ тѣмъ же акцентомъ, что и нѣх-х-ать: при произнесеніи съ удареніемъ звука *нѣх* дѣлается сильное вдыханіе, вслѣдъ за которымъ должно произойти и соотвѣтственное (тоже сильное) выдыханіе съ протяженіемъ звука *х*; а такъ-какъ этотъ послѣдній, какъ мы уже объяснили, легко вяжется съ смежнымъ съ нимъ звукомъ *а*, то, по закону инерціи, слогъ *нѣх* въ словѣ нѣх-х-ать не требуетъ такого сильнаго напряженія голоса, какъ въ словѣ нѣх-х-нуть; напротивъ, въ этомъ послѣднемъ, при подъемѣ голоса на слогъ *нѣх*, звукъ *х* съ большимъ трудомъ вяжется съ послѣдующимъ звукомъ *н*; вслѣдствіе чего сказанный слогъ принимаетъ черезчуръ долгое протяженіе. Что одинъ и тотъ же слогъ *нѣх* произносится съ различнымъ напряженіемъ органовъ, смотря по тому, куда онъ относится—къ формѣ-ли нѣх-х-ать, или нѣх-х-нуть, въ этомъ читатель легко можетъ убѣдиться, сдѣлавъ опытъ отчетливой артикуляціи того и другого слова: онъ легко замѣтитъ, что при произношеніи нѣх-х-нуть губы сначала принимаютъ округленную форму, вытягиваясь впередъ, а затѣмъ опускаются и размыкаются съ черезчуръ сильнымъ напряженіемъ; при чемъ языкъ какъ-то неестественно болтается въ полости рта. По этой-то причинѣ между первымъ и вторымъ слогами и происходитъ слишкомъ протяжный перерывъ, производящій въ артикуляціи слова нѣх-х-нуть дисгармонію. Итакъ, изъ всего сказаннаго въ этомъ параграфѣ выходитъ, что инныя формы съ двоякимъ удареніемъ появляются въ словаряхъ совершенно безпричинно и вовсе не согласно ни съ народнымъ говоромъ, ни съ просодич. законами. И, наоборотъ, есть такія формы, которыя въ словаряхъ обозначены лишь съ однимъ акцентомъ, между тѣмъ какъ онѣ совершенно основательно могутъ носить двоякое удареніе. Примѣромъ сказанному явленію можетъ служить форма *скирда*. Родившись и много лѣтъ проживъ въ Литвѣ, я часто слышалъ это слово съ удареніемъ на первомъ слогѣ

и, поэтому, не справившись съ словарями, съ такою же фонетикою привелъ это слово въ числѣ существ. именъ на *да* (II в. стр. 22). Мнѣ замѣтили, что это ошибка. Но такъ-ли это на самомъ дѣлѣ? Подъ вліяніемъ-ли литовскаго акцента или нѣтъ, но какъ бы тамъ ни было, въ Ковенской губ. говорятъ: *скірда*, а не *скирдá*. Говорятъ-ли еще гдѣ-нибудь въ какой бы то ни было мѣстности *скірда* въ формѣ именит. падежа—это мнѣ неизвѣстно. Но что такая акцентація, съ одной стороны, вовсе не противорѣчитъ законамъ благозвучія, а съ другой—практикуется и въ другихъ областяхъ Россіи, кромѣ Литвы, хотя и въ иной (грамматической) формѣ, это доказываетъ другая этимологическая форма—*скирдъ*—форма, какъ по происхожденію, такъ и значенію совершенно тождественная съ формою *скірда*: отъ *скирдъ* род. падежъ, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ *скірда*, а не *скирдá*. А если возможно *скірда* въ род. пад., то почему же невозможно такъ же и въ именительномъ, подобно тому, какъ напр. *нѣжда*, *нѣжды* и *нуждá*, *нужды*? Между-тѣмъ, какъ намъ кажется, форма *скирдъ* болѣе употребительна, чѣмъ форма *скірда* (у Макарова есть только первая—*скирдъ*, а второй—*скірда*—нѣтъ).

7. Разсмотримъ еще одну форму и именно—*гѹторитъ* и *гѹтѹритъ*, форму, въ коей двоякое удареніе представляется трудно объяснимымъ, потому-что и сама морфологія ея весьма своеобразна. Слово *гѹторитъ*, повидимому, можетъ имѣть два происхожденія: или оно беретъ свое начало отъ франц. *guttural*, гортанный (лат. *guttur*, горло), или же это лишь случайное созвучіе, а наше *гѹторитъ* образовалось изъ звуко-подражательнаго междометія *гу* (поговорка: ни *гу-гу*—ни слова) и глагола *втѹрить* (т. е. повторять *гу-гу*—болтать). Мы полагаемъ, что это послѣднее словопроизводство гораздо правдоподобнѣе, потому-что, во-первыхъ, слово *гѹторитъ* въ такомъ только случаѣ могло имѣть свое происхожденіе отъ иностраннаго языка, если бы оно было не народное, а книжное и, во-вторыхъ, въ этомъ случаѣ было бы вовсе непонятно, откуда въ словѣ *гѹторитъ* взялись два ударенія и при томъ оба несогласныя со словомъ *guttural*; между-тѣмъ какъ при при-

нятомъ нами вышеобъясненномъ словопроизводствѣ оба ударенія объясняются очень просто: очевидно, что оба они обуславливаются генетическимъ началомъ (какъ гласная *у*, такъ и гласная *о* принадлежатъ къ корню). Такое объясненіе тѣмъ болѣе можно считать вѣрнымъ, что есть еще и другое слово—тараторить—которое совершенно аналогично со словомъ гуторить какъ по способу образованія, такъ и по значенію: тараторить = повторять тара (болтать). Но не смотря на сказанную аналогію, форма тараторить носитъ только одно удареніе: ибо она, во-первыхъ, по числу слоговъ, сложнѣе формы гуторить, а во-вторыхъ, звуковые комплексы *тара*, протяжнѣе звукового комплекса *гу*; поэтому, ни тараторить, ни тѣмъ болѣе тараторить неблагозвучно (см. гл. VII, общій выводъ, стр. 146). Не возможно также и гуторить, по аналогіи съ другими малосложными глаголами: ибо въ этомъ случаѣ при подъемѣ голоса на послѣднемъ слогѣ это слово лишилось бы своей выразительности, потому что смыслъ его главнымъ образомъ сосредоточивался бы на представленіи дѣйствія, между тѣмъ какъ здѣсь болѣе важную роль играетъ представленіе, выражаемое основою—звукоподражаніе. Само собою разумѣется, что какъ по этой же, такъ еще и по другой (морфологической) причинѣ, тѣмъ менѣе возможно тараторить. Итакъ, мы видимъ, что въ русскомъ языкѣ изрѣдка попадаются и такія своеобразныя формы, въ коихъ двоякое удареніе обуславливается, помимо всякой аналогіи, особыми исключительными причинами, впрочемъ, все-таки согласующимися какъ съ генетич., такъ и эстетическимъ началами.

8. Въ заключеніе разбираемыхъ нами вопросовъ о причинахъ двоякаго ударенія, нельзя не коснуться и тѣхъ формъ, кои носятъ *троякое* удареніе (см. вып. А, стр. 32). Разсматривая эти формы, мы находимъ лишь подтвержденіе тому, что выше сказано о двоякомъ удареніи. Такъ, напр., форма *низвъѣ* носитъ удареніе: а) на первомъ слогѣ согласно съ генетикою (низъ); и б) на второмъ же, а равно и на третьемъ—по аналогіи со многими другими существи-

тельными на *ье*, какъ это мы уже видѣли выше (А, § 3, п. 6). Но между этими именами встрѣчаются и такія, въ коихъ троякое удареніе не совсѣмъ соотвѣтствуетъ извѣстнымъ требованіямъ благозвучія. Такъ, (по Далю) вѣтровой, мачтовой, а равно вѣтрово́й, мачтово́й, вмѣсто вѣтровый, вѣтрово́й и проч.—неправильно, о чемъ, впрочемъ, мы уже говорили раньше (въ настоящей же главѣ, В, § 3). Далѣе, перевертень несовсѣмъ благозвучно, хотя и оправдывается семазіологическими причинами; перевертѣнь же ничѣмъ не оправдывается (гл. VII), кромѣ неправильнаго народнаго говора. Затѣмъ, если гусыня согласуется съ генетикою (гусь), а гусы́ня—съ аналогіею (какъ имя на и(ы)ня), то гусы́нй можетъ быть оправдано развѣ семазіологическимъ началомъ: придавая посредствомъ ударенія особенную выразительность конечному слогу, мы тѣмъ самымъ сосредоточиваемъ наше мышленіе на равно-значащемъ съ гусы́нй понятіи—гусы́ (а гусы́ не одно и то же, что гусы́ня или гусы́ня). Но гусы́нй—неблагозвучно. Оттого-то во всемъ нашемъ языкѣ, за исключеніемъ аналогичной формы порося, вовсе нѣтъ словъ на *ся* съ удареніемъ на этомъ слогѣ. Да и эти два слова, обязанныя своимъ происхожденіемъ дѣтскому неразвитому лепету, мало употребительны и притомъ—въ одной только формѣ именительнаго падежа.

Изъ всего изложеннаго въ настоящей главѣ мы приходимъ къ слѣдующимъ общимъ выводамъ.

Двоякое удареніе обусловливается многими причинами, изъ коихъ однѣ—генетическое и аналогическое, а равно семазіологическое начала—повторяются въ болѣе или менѣе многочисленныхъ формахъ, подходящихъ подъ одну или этимологическую или грамматическую категоріи, а другія встрѣчаются лишь въ формахъ, попадающихся изрѣдка, спорадически, особняками. Между прочимъ, нельзя отрицать безусловно и предположеніе Дала о зависимости нашей акцентаціи отъ мѣстныхъ говоровъ. Но эти послѣдніе сравнительно съ вышеизложенными фактами имѣютъ са-

мое ничтожное значеніе. При томъ, надо замѣтить, что простонародные говоры нерѣдко представляютъ противу законовъ просодіи такія же грубыя искаженія, какія часто замѣчаются въ просторѣчьи и вообще противу этимологической фонетики, какъ напр. фатера, вм. квартира. Но если, съ одной стороны, и въ словари могутъ попадать такія искаженія, какъ нюхнутъ (вм. нюхнутъ), чего уже вовсе не слѣдовало бы допускать, то съ другой — вовсе не будетъ никакой бѣды, если со временемъ списокъ словъ съ двоякимъ удареніемъ увеличится: напротивъ, чѣмъ больше подвижности въ акцентѣ, чѣмъ богаче просодическая фонетика, тѣмъ больше выигрываетъ языкъ въ благозвучіи, музыкальности тоновъ. Вспомнимъ, что только необыкновенная гибкость нашего акцента дала намъ возможность ввести столь прекрасный тоническій способъ стихосложенія. Понятно, что слова съ двоякимъ удареніемъ и однимъ значеніемъ чрезвычайно облегчаютъ технику въ воспроизведеніи мѣрною рѣчью художественно поэтическихъ образовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что за надлежащею разработкою нашей просодіи и выясненіемъ ея основныхъ началъ, наши поэты чаще будутъ пользоваться сказаннымъ достояніемъ языка, не опасаясь обвиненій въ уродованіи народной фонетики, на которую нашъ слухъ во всякомъ случаѣ не можетъ полагаться больше, чѣмъ на научныя указанія точно опредѣленныхъ просодическихъ законовъ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Окончивъ настоящій III-й вып. „Русскаго Слогуударенія“, гдѣ главнымъ образомъ разсматривались лексикальныя стороны нашего русскаго языка, въ слѣдующемъ затѣмъ выпускѣ я постараюсь представить вниманію читателя разрѣшеніе тѣхъ вопросовъ, надъ которыми я давно уже тружусь и которые теперь я успѣлъ настолько разработать, что нахожу возможнымъ напечатать, и именно:

- 1) Общее фізіологическое и физико-динамическое значеніе акцента для всѣхъ языковъ;
- 2) Изслѣдованіе нашего ударенія сравнительно съ акцентомъ другихъ языковъ (преимущественно литовскаго, польскаго и французскаго); и
- 3) Затѣмъ, сдѣлаю общіе выводы изъ всего моего труда, имѣя въ виду главнымъ образомъ практическую сторону языка, т. е. удобоприимчивость выведенныхъ мною законовъ къ учебному дѣлу. Причемъ, будутъ сдѣланы и крайне необходимыя для учебника слѣдующія дополненія: а) списокъ словъ съ двоякимъ удареніемъ будетъ значительно увеличенъ, такъ-какъ тотъ, который напечатанъ въ I-мъ выпускѣ, оказался далеко неполнымъ, и б) будетъ приложенъ списокъ словъ съ подвижнымъ удареніемъ какъ въ этимологическихъ, такъ и въ грамматическихъ формахъ,—безъ чего всякія „правила“ будутъ лишь бесполезными и почти ни къ чему непригодными реценентами для учащихся.

I. Шарловскій.

Январь 1889.

Севастополь.

ИЗЪ ЗАНЯТІЙ ПО ЯЗЫКУ ЛАВРЕНТЬЕВСКАГО СПИСКА НАЧАЛЬНОЙ ЛѢТОПИСИ.

I.

О ЯЗЫКѢ СОВРЕМЕННЫХЪ ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ ГРАМОТЪ.

Многіе памятники древней нашей письменности еще всѣмъ не обследованы со стороны своего языка, обо многихъ памятникахъ до сихъ поръ существуютъ лишь однѣ общія замѣтки или указанія, между тѣмъ какъ каждый памятникъ древней русской письменности имѣетъ свое значеніе и занимаетъ свое мѣсто среди матеріаловъ для исторіи русскаго языка. Правда, въ послѣднее время сдѣлано сравнительно много въ области историческаго изученія русскаго языка, въ области изученія русскихъ нарѣчій, но за всѣмъ тѣмъ до сихъ поръ еще нѣтъ спеціальнаго изслѣдованія языка начальной нашей лѣтописи, напр., по Лаврентьевск. списку, равно какъ нѣтъ изслѣдованій по языку другихъ, не менѣ важныхъ въ исторіи русскаго языка, памятниковъ письменности.

Намъ кажется, что историческое изученіе русскаго языка будетъ стоять на болѣе прочныхъ основаніяхъ тогда, когда будетъ достигнута сознаваемая всѣми учеными цѣль, заключающаяся пока въ томъ, чтобы разобрать и подготовить матеріалъ, находящійся въ памятникахъ нашей письменности, и тѣмъ облегчить изысканія и намѣтить какъ важныя, такъ и любопытныя пункты въ исторіи нашего языка, подлежащіе изслѣдованію. Изученіе исторіи нашего языка будетъ развиваться и опредѣляться относительно своихъ задачъ и своего плана, когда всѣ или, по крайней мѣрѣ, большая часть важнѣйшихъ памятниковъ нашей письменности не толь-

во древней, но и болѣе поздней, будетъ образцово издана ¹⁾ и обслѣдована со стороны языка и содержанія ²⁾. Языкъ памятниковъ нашей письменности XVI-го и XVII-го вв. настолько интересенъ, что заслуживаетъ особыхъ обстоятельныхъ изслѣдованій, полезные результаты которыхъ не замедлили бы сказаться въ общей исторіи русскаго языка.

Желательно было бы также, чтобы языкъ cadaго крупнаго памятника былъ изслѣдованъ въ особомъ сочиненіи, какъ это мы имѣемъ пока для очень немногихъ памятниковъ; доказывать значеніе общеизвѣстныхъ трудовъ въ этомъ направленіи нѣтъ надобности: подобные труды доставляютъ громадный матеріалъ при всѣхъ научныхъ работахъ по русскому и славянскому языкамъ. Но, кромѣ этого, каждый изъ значительныхъ памятниковъ нашей письменности долженъ бы былъ имѣть свой словарь: эта словарная работа заключала бы цѣнный матеріалъ для занятій по исторіи нашего языка, по русской лексикологіи, по исторіи быта и состоянія культуры нашего народа въ періодъ написанія памятника ³⁾. Словомъ, при подобныхъ подготовительныхъ работахъ, въ скоромъ появленіи которыхъ нельзя сомнѣваться, лексическій составъ нашего языка и самый языкъ, какъ выразитель всей духовной жизни человѣка, сталъ бы болѣе ясенъ и прозра-

¹⁾ Нельзя не видѣть въ образцовыхъ изданіяхъ Археографической комиссіи фотолитографическимъ способомъ прочныхъ началъ филологическаго изученія памятниковъ нашей древней письменности. По такимъ, именно, изданіямъ удобнѣе всего заниматься языкомъ.

²⁾ Мы не перечисляемъ здѣсь общеизвѣстныхъ ученыхъ изданій и изслѣдованій языка памятниковъ др. письменности, т. е. эти всѣ труды касаются преимущественно памятниковъ славянской, а не русской письменности.

³⁾ Кромѣ извѣстныхъ словарей, напр., при изданіи Остр. Евангелія—Востокова, при изслѣдованіи языка XIII Слово Гр. Богослова—Будиловича, при изданіи др.-сл. памятника, Маріинскаго (Григоровичева) Евангелія,—Лича и нѣкр. другихъ, намъ встрѣтилась работа по языку Ипатьевского списка лѣтописи: „Опытъ словаря изъ Ипатьевской лѣтописи“—Чернышевскаго, помѣщенная въ Изв. Ак. Наукъ. Т. II. 512—576; но эта работа только начата, неполна. Въ прошломъ году подобная работа,—составленіе словаря къ Домострою,—была дана, какъ извѣстно, въ Новорос. Университетѣ на соисканіе медалей.

ченъ, такъ какъ матеріалъ для изслѣдованій былъ бы богаче обставленъ, систематизированъ и распределенъ.

На ряду съ языкомъ нашихъ лѣтописей не изслѣдованъ языкъ и нашихъ грамотъ ⁴⁾, а между тѣмъ грамоты, какъ увидимъ ниже, представляютъ совершенно самостоятельный источникъ для разработки исторіи русскихъ нарѣчій и говоровъ. Мы вовсе не хотимъ сказать, что языкъ грамотъ и древнѣйшихъ списковъ нашихъ лѣтописей совершенно не былъ затронутъ въ ученой литературѣ; мы постоянно встрѣчаемъ ссылки на эти памятники у извѣстныхъ нашихъ ученыхъ въ трудахъ по русскому языку. Напр., А. А. Потебня въ своемъ трудѣ „Изъ записокъ по русской грамматикѣ“ (I и II Воронежъ и Харьковъ 1874 г.) больше другихъ подвергъ изслѣдованію языкъ древнѣйшихъ списковъ нашей лѣтописи, но только со стороны синтаксиса. проф. Соболевскій въ свою очередь, занимаясь исторіей русскаго языка и изслѣдуя вопросъ о русскихъ говорахъ, посвятилъ особую статью, написанную исключительно на основаніи нашихъ грамотъ (см. Р. Ф. В. 1886 г. № I.), подъ заглавіемъ „Смоленско-Полоцкій говоръ въ XIII—XV вѣкахъ,“ именно, вопросу о говорахъ. Но все это еще не отдѣльныя и полныя изслѣдованія, которыя бы представляли всестороннюю характеристику языка даннаго памятника или цѣлаго отдѣла письменности—грамотъ. Нужно при этомъ замѣтить, что нѣкоторыя недавно вышедшія работы уже обнаруживаютъ интересъ къ изученію языка одѣльныхъ памятниковъ русской письменности: таковы, напр., работы, о которыхъ сдѣлалъ свой отзывъ проф. Соболевскій на страницахъ Журнала Мин. Нар. Просв. ⁵⁾, но это, конечно, только начало работъ въ такомъ направленіи.

⁴⁾ Недавно появилось сочиненіе *Шахматова*: О языкѣ Новгородскихъ грамотъ XIII-го и XIV-го вѣка. Спб. 1886 г. Отзывъ объ этомъ сочиненіи сдѣланъ проф. Соболевскимъ въ Ж. М. Н. Пр. за ноябрь мѣсяць 1887 года. Изслѣдованіе касается только Новгородскихъ грамотъ.

⁵⁾ См. Ж. М. Н. Пр. 1888. № 2. О Шимановскомъ: „Къ исторіи др. р. говоровъ.“ Варш. 1887. Затѣмъ о Шахматовѣ въ № 11 1887.

Въ виду всего вышесказаннаго мы думаемъ, что изслѣдованіе языка Лаврентьевскаго списка нашей начальной лѣтописи, даже простое изложеніе грамматики этого списка должно имѣть свой научный интересъ и свою цѣнность.

Мы намѣрены представить посильное изслѣдованіе языка Лаврентьевскаго списка нашей начальной лѣтописи ⁶⁾, но предварительно въ видѣ общаго взгляда на изученіе языка лѣтописи мы скажемъ нѣсколько словъ о томъ, какъ мы понимаемъ отношеніе языка лѣтописи въ списокъ, напр., 1377 года къ языку современныхъ грамотъ XIV-го вѣка, и какое значеніе при изслѣдованіи языка Лаврентьевскаго списка имѣетъ языкъ современныхъ этому списку грамотъ. Затѣмъ мы скажемъ о томъ состояніи вопроса о языкѣ лѣтописи, въ которомъ намъ представляетъ его современная ученая литература по вопросу о лѣтописи вообще.

Языкъ XIV-го вѣка представляется намъ главнымъ образомъ въ памятникахъ двухъ родовъ: въ грамотахъ и лѣтописяхъ. Само собой разумѣется, что грамоты, какъ памятники гражданской письменности, заключающіе въ своемъ содержаніи явленія современной имъ обыденной жизни, могутъ быть писаны лишь на языкѣ живомъ, современномъ самому письму данной грамоты: оригиналовъ не было; каждая грамота должна была по мыслямъ и по языку складываться тѣмъ человѣкомъ, который ее сочинялъ и писалъ. Словомъ, всякій грамотникъ, писывавшій грамоты, излагалъ ихъ современнымъ разговорнымъ языкомъ. Слѣдовательно, искать слѣдовъ мѣстнаго говора, дѣлать заключенія о живомъ разго-

⁶⁾ Мы занимались изслѣдованіемъ языка только той части Лавр. списка, которая издана фотолитографическимъ способомъ Археографической комиссіей, т. е.—языкомъ Повѣсти временныхъ лѣтъ, т. к. печатнымъ изданіямъ не всегда можно довѣряться при занятіяхъ языкомъ: образцовое сравнительно изданіе начала Повѣсти временныхъ лѣтъ, проф. Тимковскаго. М. 1824 г., и то не безъ недосмотровъ, которые открываются при сравненіи этого изданія съ фотолитографированнымъ. Поэтому всѣ ссылки сдѣланы ниже изъ фотолитограф. изданій: Повѣсть временныхъ лѣтъ. Спб. 1872. Лѣтопись по Ипатскому списку. Спб. 1871. и Новгородская Лѣтопись по Синодальному Харатейному списку. Спб. 1875 г.

ворномъ языкѣ и объяснять формы нынѣшняго литературнаго и разговорнаго языка можно полезнѣ всего на основаніи грамотъ; по крайней мѣрѣ, кажется намъ, искать объясненія многимъ современнымъ выраженіямъ и словамъ можно успѣшнѣ въ грамотахъ, чѣмъ въ произведеніяхъ духовной литературы или даже въ лѣтописяхъ, языкъ которыхъ—наслѣдіе тѣхъ же литературныхъ трудовъ духовенства. Правда, грамоты очень немного дадутъ намъ матеріала для объясненія нынѣшняго правописанія, но этого съ нихъ и требовать нельзя: грамота важна въ исторіи развитія звукового и формальнаго богатства языка, въ исторіи развитія формальной и семазіологической эластичности языка, а правописаніе—дѣло иногда условное и далеко не всегда историческое.

Въ виду такого значенія грамотъ для исторіи языка остается пожалѣть о томъ, что пока нѣтъ полного изслѣдованія языка нашихъ грамотъ ⁷⁾, если не считать единственной работы по этому вопросу г. Шахматова (см. прим. 4).

Въ грамотахъ особенно XIV-го вѣка языкъ близко подходитъ къ нынѣшнему, что доказываетъ собой обнаружившуюся вполне въ XIV-мъ вѣкѣ отдаленность языка свѣтскаго отъ церковнаго, книжнаго. Съ этой стороны XIV-й вѣкъ представляетъ особый интересъ: полный расколъ между двумя направленіями въ языкѣ, особенности мѣстной рѣчи, языкъ живыхъ людей и языкъ церковныхъ книгъ—все это выступаетъ рельефно въ самой письменности; литература

⁷⁾ Мы должны еще разъ оговориться, что также не пишемъ изслѣдованія языка грамотъ вообще: насъ интересуетъ теперь языкъ грамотъ только XIV вѣка, какъ языкъ того-же вѣка, отъ котораго мы имѣемъ древнѣйшій списокъ начальной лѣтописи. Поэтому мы будемъ говорить ниже только о языкѣ грамотъ XIV вѣка; по этой-же причинѣ мы ограничились сравнительно небольшимъ количествомъ изданій нашихъ грамотъ. У насъ подъ руками были: Собраніе Государств. грамотъ и договоровъ. Тт. I и II. М. 1813 и 1817., Акты Историческіе. I. Спб. 1841 г. Дополненіе къ актамъ историческимъ. I. Спб. 1846. Акты Археологической Экспедиціи. I. Спб. 1836. *Напѣерскій*. Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи... Спб. 1857 г. *В. Антоновичъ* и *К. Козловскій*. Грамоты великихъ князей московскихъ съ 1390 по 1569 г. К. 1868 года.

сама помогаетъ намъ различать живые элементы языка XIV-го вѣка и искусственный школьный слогъ; синтаксисъ народной рѣчи, проглядывающей въ грамотѣ, во многомъ отклоняется отъ синтаксиса языка въ книжной литературѣ.

Таково вкратцѣ значеніе грамотъ XIV в. для ист. рус. яз.

Конечно, грамоты XIV-го вѣка не вдругъ даютъ намъ такой обильный матеріалъ: языкъ грамотъ этого столѣтія есть лишь одна изъ стадій развитія разговорнаго начала въ языкѣ русской письменности; это разговорное начало, надо полагать, проявляло себя и въ первое время нашей письменности, но дѣло въ томъ, что прослѣдить по грамотамъ все движеніе языка, хотъ, напр., съ XI-го вѣка, мы не можемъ, потому что такихъ раннихъ грамотъ нѣтъ въ наличности: отъ XII-го вѣка мы имѣемъ всего лишь три грамоты: грамота кн. Мстислава Новгородскому Юрьеву монастырю 1130 года, грамота Варлаама Хутынского 1192 года и грамота Ярослава Владиміровича съ Новгородцами 1195 года⁸⁾.

Количество грамотъ XIII-го вѣка значительно больше⁹⁾, но выводы о языкѣ этого времени все-таки болѣе затруднительны и не могутъ быть такъ плодотворны, какъ выводы о языкѣ XIV-го столѣтія, отъ котораго сохранились рядомъ съ грамотами и списки лѣтописей. Насколько языкъ грамотъ идетъ, такъ сказать, „съ вѣкомъ наравнѣ“, настолько языкъ лѣтописи отстаетъ отъ своего вѣка: въ этомъ смыслѣ, именно, языкъ лѣтописи можно назвать консервативнымъ¹⁰⁾; языкъ лѣтописи въ силу особыхъ условій, подъ которыми надо разумѣть и автора—духовное лицо, и

⁸⁾ Грамота 1130 г. помѣщена *Срезневскимъ* въ Изв. Академіи Наукъ. Т. VIII. 337—360. Объясненія ея см. въ статьѣ *митр. Евгенія* „Примѣчанія на грамоту Мстислава Владиміровича“ и проч.—Труды и Записки Импер. Общества Ист. и Др. Рос. III. I. М. 1826 года, стр. 3—65. Вторая грамота 1192 г. помѣщена въ Дополненіи къ актамъ историческимъ. Т. I. № 5. Третья грамота 1195 г. находится въ собраніи *Папирскаго*. О. с. № IV.

⁹⁾ Объ этомъ см. у *Колосова*. Очеркъ исторіи звуковъ и формъ... Варшава. 1872. Стр.

¹⁰⁾ *Колосовъ*. Ibidem. Стр. 120.

самый составъ лѣтописи, и громадный періодъ времени, охватываемый всякой лѣтописью, сохранилъ традицію въ правописаніи отъ первыхъ временъ письменности, когда, именно, существовала церковная литература по преимуществу. Отсюда и самый складъ рѣчи въ лѣтописи совершенно иного типа, чѣмъ въ грамотахъ: въ лѣтописи складъ рѣчи по преимуществу шаблонный, общій всѣмъ древнимъ памятникамъ духовнаго содержанія (особенности и отличія языка лѣтописи мы увидимъ въ свое время), тогда какъ складъ рѣчи въ грамотахъ обуславливается въ большинствѣ случаевъ самымъ содержаніемъ грамоты. Правда, что лексическій матеріалъ въ грамотахъ довольно бѣденъ: онъ вскорѣ опредѣляется самой практикой и очень долго стоитъ безъ всякаго движенія, зато синтаксисъ — такой-же живой, какъ и сама живая рѣчь: значеніе и употребленіе частицъ очень разнообразно, построеніе предложеній свободно, какъ при разговорѣ.

Ниже мы представляемъ нѣкоторыя данныя изъ языка грамотъ XIV-го вѣка, какъ матеріалъ, изъ котораго мы вывели вышеизложенныя свои заключенія ¹¹⁾.

Выдающіяся черты фонетива въ грамотахъ XIV-го вѣка представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Гласные звуки:

е=ѣ. върхъ, купцѣви (Торговый договоръ 1330 г. Напѣерскій. № VII.)

въ законѣ (Ярлыкъ 1313 г. Собр. Госуд. Гр. и Договор. II. № 7.)

на дорозе (Ярлыкъ 1379 г. *ibid.* № 12.)

¹¹⁾ Языкъ нашихъ грамотъ довольно обстоятельно изслѣдованъ въ названномъ сочиненіи Колосова, въ чемъ и заключается, по нашему мнѣнію, достоинство этого сочиненія, т. е. всѣ остальные памятники письменности изслѣдованы неполно и поверхностно. Особенно въ этомъ можно упрекнуть отдѣлъ о Лавр. и Ипатскомъ спискахъ нашей лѣтописи. Дѣйствительно, „Очеркъ“ самъ по себѣ очень необъемистъ, чтобы представить полное изслѣдованіе языка памятниковъ письменности съ XI по XIV или даже по XV ст. включительно. Понятно, что и на долю грамотъ не могло придтись большаго изслѣдованія, но этотъ отдѣлъ не имѣетъ своей литературы, а изслѣдованіе Колосова цѣнно.

хрѣсть, хрестъ; ездити, ѣздити (Грамота Новгорода 1305—1308 гг. Собр. Госуд.

Гр. и Догов. I. № 6.)

мѣншихъ (ibid. Собр. I. № 8.) мѣншихъ—ib.

№ 9. (ь—е см. ниже.)

смѣрда (ib. № 9.) смѣрдъ—ib. № 7.

целовали (Грамота 1341 г. ib. № 23.)

казначѣвъ (Грамота 1356 г. ib. № 26.)

по дензе (Грамота 1381 г. № 32 ibid.)

Эта мѣна е и ѣ приходится въ XIV вѣкѣ главнымъ образомъ на Москву и Новгородъ. Что касается взаимнаго чередованія е и ѣ, то Колосовъ ¹²⁾ считаетъ эту особенность, равно какъ и чередованіе в и у, особенностями древне-русского языка вообще ¹³⁾; но это едвали справедливо: насколько мѣна е и ѣ, дѣйствительно, характеризуетъ русскій языкъ ¹⁴⁾, настолько взаимное чередованіе в и у вовсе не можетъ быть постановлено въ числѣ особенностей, именно, русского языка. (См. примѣч. 13.)

ь—и—е: отъ тѣхъ волости (Собраніе Гос. Гр. I. № 6.)

бещестье (Грам. 1375 г. ib. № 17.)

до кончанью, по благословенью (Гр. 1353 г. ib. № 24.)

¹²⁾ Колосовъ. Очеркъ... Стр. 14.

¹³⁾ Что касается мѣны звуковъ в и у, то она, кажется, не столько общерусская, сколько общеславянская. См. Срезневскаго. Обзоръ главныхъ чертъ сродства звуковъ въ нарѣчіяхъ славянскихъ. Ж. М. Н. Пр. 1845 года. № 12. стр. 15—16.

¹⁴⁾ Колосовъ. Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народ. русск. языка. Варшава. 1878 г. стр. 22. Сравн. Лавровскаго. О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей. Спб. 1852. стр. 114. 115. Мѣну е и ѣ Лавровскій признаетъ за особенность др. русского языка и вноситъ въ: см., напр., его Описание семи рукописей Имп. Публичной Библиотеки (Чтенія въ Общ. Ист. и Др. Рос. 1858 г. IV. 63), гдѣ сказано, что ѣ въ произношеніи равно е съ древнѣйшаго времени въ русскомъ языкѣ. О мѣнѣ же в на у Лавровскій ничего не упоминаетъ.

Педешевъ въ своемъ соч. „Обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ“ (Врш. 1884) считаетъ эту мѣну общерусскою еще съ доисторич. времени.

Житецкій (Очеркъ звуков. исторіи малор. нарѣчія. К. 1876), какъ и Срезневскій, считаетъ ее общеславянскою. Стр. 7.

Дмитрю, но сии вѣкъ (Грам. 1326 г. ib. № 25.)
 безъ ослушанья (Грам. 1362 г. ib. № 27.)
 по целованью, еси, съ нима (Гр. 1368 г. № 28.)
 опроче (Грам. 1388 г. ib. № 33.) опрочѣ
 (Грам. 1338 г. Акты Арх. Эксп. I. № 4.)
 докончанье (Грам. 1330 г. Собр. Госуд. Гр.
 и Договор. II. № 8.)

но: утверждение (ярыкъ 1357 г. ib. № 11.)

далѣе: братьи (Грам. 1338 г. Акты А. Э. I. № 4.)
 житья, отрочью (Грам. 1361 г. А. А. Э. I. № 5.)

Эта мѣна занимаетъ въ XIV вѣкѣ большой районъ свр. и ювр. говоровъ: она приходится по преимуществу на Новгородъ, Тверь, Москву и Смоленскъ.

По поводу мѣны *е* и *ѣ* мы затронули вопросъ и о мѣнѣ *ѡ* и *ѣ*, такъ какъ нѣкоторые ученые (см. примѣч. 13-е и 14-е) считаютъ эти замѣны одинаково принадлежностью всего русскаго языка; другіе, наоборотъ, признають эти замѣны общеславянскими, оставляя въ сторонѣ вопросъ о принадлежности ихъ всѣмъ нарѣчіямъ русскаго языка. Само собой понятно, что чередованіе *ѡ* и *ѣ*, составляя общеславянскую особенность, можетъ вовсе не быть общерусской.

Рѣшеніе этого вопроса возможно лишь на почвѣ подлиннаго знакомства со всѣми современными намъ рус. нарѣчіями на мѣстѣ ихъ употребленія, но и то это рѣшеніе установить лишь фактъ современнаго произношенія, ничего не утверждая относительно произношенія древняго, такъ какъ измѣненія такого рода въ языкѣ живомъ всегда возможны.

Въ виду этого мы подвергаемъ обсужденію вопросъ о чередованіи *ѡ* и *ѣ* исключительно на основаніи мнѣній, высказанныхъ уже ранѣе учеными—специалистами по этому вопросу, и на основаніи языка грамотъ.

Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ разобраться въ этихъ мнѣніяхъ. Считать-ли чередованіе *ѡ* и *ѣ* особенностью всѣхъ нарѣчій русскаго языка, или не всѣхъ? Общерусское-ли это чередованіе, или не общерусское?

Обращаемся къ языку грамотъ:

в—у: ¹⁵⁾ оузати—Напіерскій. № VII.

Ноугородци—Собрание Госуд. гр. I. № 28.

оуноукъ—Собр. II. № 8.

„оу вѣсѣхъ. и оу торговли и во всемъ торговомъ дѣлѣ“—*ibid.* № 14.

оу Полоцкоу—*ib.*, оу четверкъ—*ibid.*

Замѣчательно, что эта особенность наиболѣе распространена въ нарѣчіи сѣверо-западной Россіи, хотя знакома и Москвѣ и Твери.

Тоже можно сказать и о вставочномъ или приставномъ *в*, отличительной особенности бѣлорусскихъ говоровъ. См., напр., грамоты въ Собраніи Госуд. Гр. и Догов. I. № 8, 35; въ А. А. Э. I. № 4.

Объ этой особенности Колосовъ говоритъ въ двухъ мѣстахъ: въ своемъ Очеркѣ (стр. 14) онъ считаетъ мѣну *у* и *в* отличительной чертой древне-русского языка вообще, а въ Обзорѣ (стр. 84) онъ говоритъ, что эта мѣна принадлежитъ южно-велико-русскому, бѣлорусскому и малорусскому нарѣчіямъ, и что ея нѣтъ только въ сѣверно-великорусскомъ нарѣчіи. (стр. 85). Такъ-же говоритъ и Недешевъ въ своемъ сочиненіи: „Историческій обзоръ важнѣйшихъ звуковыхъ и морфологическихъ особенностей бѣлорусскихъ говоровъ“ ¹⁶⁾, которое написано, вѣроятно, подъ вліяніемъ „Обзора“ Колосова. Мнѣнія Срезневскаго и Житецкаго (см. выше, стр. 5), какъ мнѣнія, выведенныя изъ разбора этого вопроса съ другой точки зрѣнія, не исключаютъ вышеприведенныхъ.

Принимая во вниманіе, что образованіе великорусскаго и малорусскаго нарѣчія произошло ранѣе, что два нарѣчія отдѣлились ранѣе ¹⁷⁾, чѣмъ нарѣчія или говоры велико-

¹⁵⁾ Объ этой же звуковой особенности см. *Буслаева. Палеография. и Филологич. Матеріалы. М. 1855. Стр. 31.*

¹⁶⁾ Издано въ Варшавѣ въ 1884 году.

¹⁷⁾ *Ламанскій* (О нѣкоторыхъ слов. ркп. Стр. 80) думаетъ, что уже въ XI вѣкѣ обнаружались главнѣйшія черты великорусскаго и малорусскаго нарѣчій.

русскіе (ювр. свр. и блр.) ¹⁸⁾, изъ которыхъ новгородское сѣверно-великорусское нарѣчіе начало выдѣляться уже съ XII-го вѣка ¹⁹⁾, вышеприведенныя мнѣнія возможно свести къ слѣдующему: до XII-го вѣка мѣна *е* и *у* могла быть и общерусской, т. е. встрѣчалась одинаково и на пространствѣ южнорусскаго, и на пространствѣ сѣвернорусскаго говора, но съ XII-го вѣка, при выдѣленіи изъ сѣвернорусскаго говора болѣе мелкихъ говоровъ, мѣна *е* и *у* переставала быть общерусской, оставаясь лишь за нѣкоторыми говорами русскаго языка.

Теперь перейдемъ къ слѣдующимъ звуковымъ особенностямъ въ языкѣ грамотъ.

И—Ѣ: со всеми города (Собр. Гос. Гр. I. № 8.)
со всѣмъ Новымъ городомъ (Грам. 1367 г. № 12.)
со всихъ (Грам. 1375 г. ib. № 17.) См. также №№ 21. 28.
боярьскіи люди (Грам. 1353 г. ib. № 24.)
слободскіи волостели (Грам. 1389 г. ib. № 34.)
творилъ есма, цѣловалъ } Грамота 1360 г.
спустилъ, доконцалъ, григорѣи } Дополн. къ акт.
человалъ, привелъ-Собр. Гос. Гр. и Дог. I. № 17. } историч. I. № 7.

На этой особенности (мѣна *ъ* и *и*) слѣдуетъ остановиться въ виду ея распространенности почти на всемъ пространствѣ рус. рѣчи. съ одной стороны, и въ виду того, что

¹⁸⁾ Бѣлорусское нарѣчіе выдѣлилось, кажется, позже другихъ: *Недешевъ*. О. с. стр. 53—54 полагаетъ начало выдѣленія блр. нарѣчія къ XIV вѣку, а весь періодъ образованія блр. нарѣчія въ теченіе отъ XIV до XVI вѣка.

¹⁹⁾ *П. А. Лавровскій* (Описаніе семи ркл.) относитъ появленіе нарѣчій русскаго языка къ доисторическому времени. (стр. 67.), причемъ говоритъ, что новгородское нарѣчіе появилось ранѣе другихъ, а въ частности, — о чередованіи *ъ* и *и*, — что оно начало развиваться съ XII вѣка, какъ особенность новгородскаго нарѣчія. Стр. 68. Намъ кажется, что относитъ появленіе нарѣчій русскаго языка ко времени доисторическому можно только а priori, теоретически: необходимо признать такую тѣсную общность нарѣчій въ раннее время письменности, не только во время до ея появленія, что говоритъ о нарѣчіяхъ русскаго языка до XII вѣка, какъ о нарѣчіяхъ съ отдѣльными звуковыми особенностями, едвали возможно безъ увлеченія.

объ этой особенности высказано уже много мнѣній — съ другой.

Намъ кажется, что покойный И. И. Срезневскій высказался по этому вопросу вѣрнѣе другихъ, хотя и ранѣе всѣхъ; его поддержалъ П. А. Лавровскій въ своемъ трудѣ: „О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей“ Спб. 1852, написанномъ на основаніи труда Срезневскаго „Мысли объ исторіи русскаго языка.“ Спб. 1849 ²⁰⁾, гдѣ онъ вполне соглашается съ мнѣніемъ Срезневскаго по этому вопросу: Срезневскій говоритъ: „Замѣненіе *ъ* посредствомъ *и* обычно и въ русскомъ во всѣхъ краяхъ; на сѣверозападѣ въ великорусскомъ и малорусскомъ оно сдѣлалось необходимою принадлежностью выговора“ ²¹⁾. Лавровскій еще рѣшительнѣе замѣчаетъ, что эта особенность выговора въ XIV—XV вѣкѣ вовсе еще не составляетъ отличительной черты какого нибудь нарѣчія, такъ какъ встрѣчается совершенно одинаково въ сѣверныхъ и южныхъ лѣтописяхъ ²²⁾.

²⁰⁾ Теперь вышло новое изданіе. Спб. 1887 годъ.

²¹⁾ Срезневскій. Мысли... Стр. 113.

²²⁾ Лавровскій. О языкѣ сѣв. русск. лѣт. Стр. 13—18. То-же онъ говоритъ и объ особенностяхъ *ы=и*; *у=в*; *ц=ч*. *ibidem*. Замѣтимъ, что въ этомъ сочиненіи Лавровскій затрудняется даже и въ XIV вѣкѣ строго разграничить нарѣчія русскаго языка. Спустя 6 лѣтъ Лавровскимъ сдѣлано „Описаніе“, въ которомъ гораздо менѣе ученаго скептицизма, чѣмъ въ изслѣдованіи „О языкѣ сѣв. р. лѣтописей“, между тѣмъ какъ этотъ скептицизмъ и тотъ фактъ, что Лавровскій при изслѣдованіи др. р. письменности не говорилъ о данныхъ др. русскаго правописанія и языка болѣе, чѣмъ эти данныя сами о себѣ могли сказать, ставить, по нашему мнѣнію, его диссертацию очень высоко. Сравни, напр., о раздѣленіи русскаго языка на два нарѣчія: Лавр. *ibid.* 18. и Ламанскій. О. с. Стр. 80. Согласить эти два мнѣнія довольно трудно: если въ лѣтописяхъ до самаго XIV вѣка (включительно, конечно) не видно никакого отдѣленія русскаго языка на два нарѣчія, то, стало быть, для памятниковъ письменности XI вѣка трудно предполагать что-нибудь о нарѣчіяхъ русскаго языка; въ противномъ случаѣ лѣтописи, не смотря на консервативность своего языка, дали бы значительный матеріалъ для заключеній о нарѣчіяхъ русскаго языка, и черты двухъ главныхъ нарѣчій получили бы большее распространеніе и развитіе въ письменности XIV вѣка (хотя бы и въ лѣтописяхъ), чѣмъ въ XI вѣкѣ (въ письменности тоже по духу одинаковаго характера съ лѣтописью). Во всякомъ случаѣ можно сказать, что тѣ звуковыя явленія, которыя въ разное время принадлежали всей области русскаго языка, лишь впоследствии ограничиваютъ свое обнаруженіе отдѣльными

Позднѣе ученые стали считать эту замѣну *ъ* и *и* (равно какъ и *и* вм. *ы*) принадлежностью сѣвернаго, новгородскаго нарѣчія русскаго языка съ XII-го вѣка²³): проф. Кочубинскій въ своей брошюрѣ „Какъ долго жилъ русскій супиць“ на стр. 3 о замѣнѣ *ъ* посредствомъ *и* говорить: „Замѣна звука *ъ* звукомъ *и* есть одна изъ отличительныхъ чертъ какъ современнаго намъ, такъ и стараго новгородскаго нарѣчія;“ а проф. Потебня (Къ исторіи звуковъ р. яз. Воронежъ 1876 Стр. 9) выражается условно: *ъ*—*и* есть явленіе сѣверное, если рѣчь идетъ, напр., объ Ипатьевской Лѣтописи. Слѣдовательно, въ другомъ случаѣ *ъ*—*и* можетъ быть явленіемъ и южнымъ?

Для того, чтобы остановиться на чемъ-нибудь, помнимъ, чѣмъ отличаются другъ отъ друга два мнѣнія Лавровскаго по этому вопросу, высказанныя имъ въ 1852 и въ 1858 году (см. здѣсь стр. 7 и прим. 19): сперва Лавровскій сказалъ, что эта особенность выговора не принадлежитъ никакому нарѣчію отдѣльно, а потомъ онъ говоритъ, что эта особенность принадлежитъ новгородскому нарѣчію отъ XII-го до XIV-го вѣка.

Есть-ли въ концѣ концовъ мѣна *ъ* и *и*—явленіе общерусское издавна, или оно стало общерусскимъ съ XIV-го вѣка, о чемъ можно говорить на основаніи списковъ лѣтописей? Если понять буквально слова Лавровскаго и сопоставить эти два мнѣнія, (О языкѣ. стр. 13—18. Описание семи ркп. стр. 68.), то придется полагать, что *ъ* и *и* было особенностью одного новгородскаго нарѣчія до XIV-го

мѣстностями. Объ этомъ намъ придется еще говорить въ текстѣ какъ по поводу этой же замѣны *ъ* посредствомъ *и*, такъ и по поводу другихъ замѣнъ въ звукахъ. Въ самомъ дѣлѣ, это заключеніе находить для себя оправданіе и въ слѣдующемъ: древнѣйшій славянскій языкъ богаче въ звукахъ новыхъ своихъ нарѣчій и богаче русскаго языка: въ памятникахъ др. славянскаго языка можно встрѣтить почти всѣ звуковыя замѣны, распредѣлившіяся впоследствии по отдѣльнымъ не только славянскимъ, но и русскимъ нарѣчіямъ. Вотъ еще причина пожалѣть, что у насъ пока мало работъ по изслѣдованію языка отдѣльныхъ памятниковъ.

²³) Колосовъ. Очеркъ... Стр. 81. О XIV вѣкѣ см. стр. 107:

вѣка, а съ XIV-го в. это звуковое явленіе не составляетъ особенности какого-нибудь одного нарѣчія, становится общерусскимъ. Но такое заключеніе было бы противно общему явленію, замѣчаемому въ исторіи звуковъ русскаго языка: общее явленіе состоитъ въ томъ, что языкъ, теряя въ звукахъ, приобретаетъ въ мысли, въ развитіи начала логической послѣдовательности; логическія достоинства языка выражаются формами и синтаксисомъ, отчего въ языкѣ преобладаетъ формальное развитіе надъ звуковымъ.

Слѣдовательно, естественное заключеніе о данномъ звуковомъ явленіи было бы такое, что данное звуковое явленіе мало-по-малу теряетъ характеръ всеобщности съ распредѣленіемъ звучности древнѣйшаго языка по новымъ нарѣчіямъ. Мы думаемъ, что въ виду свидѣтельства памятниковъ древнерусской письменности²⁴⁾ особенность эту (ъ смѣшивается съ и) нужно признать издавна общерусскою, что можно понять и изъ словъ Срезневскаго, высказанныхъ въ „Мысляхъ объ исторіи русскаго языка“ на стр. 113²⁵⁾.

Переходимъ теперь къ другимъ гласнымъ звукамъ въ грамотахъ XIV-го вѣка.

²⁴⁾ Мѣна ъ и и встрѣчается уже въ Изборникѣ 1073 г. (*Буслаевъ*. Христ. 264).

²⁵⁾ Интересно посмотрѣть, какія мнѣнія вызывало это чередованіе ъ и и въ ученыхъ, занимавшихся языкомъ др. русскихъ памятниковъ. Мы видѣли, изъ словъ Срезневскаго и Лавровскаго, что эта замѣна ъ посредствомъ и вовсе не составляла прежде особенности южнаго произношенія, такъ какъ сплошь и рядомъ встрѣчается въ сѣверныхъ по письму памятникахъ, между тѣмъ *Дубенскій* въ примѣчаніяхъ къ Русской Правдѣ по сп. Общества Исторіи и Древ. Рос. XIII вѣка (см. Русск. Достои. II стр. 7) говоритъ: это указываетъ на южное происхожденіе памятника.“ (ср. *Потебни*. Къ исторіи ав. р. яз. Вор. 1876 стр. 9 о возможности такого чередованія и для сѣвера. Или ср. *Кочубинскаго*. О. с. Л. с. и друг.). Въ Русской Правдѣ (*ibidem*) читаемъ: кромѣ, нить, надоби, бижить, нализууть, всимъ, во рти, раздѣлѣть (3-е л.). Но и: нѣтъ (нѣтуть), бѣжить, налѣзуть, налѣзеть, вылѣзуть, кромѣ и проч. Слово „всимъ“ съ такимъ произношеніемъ есть и въ грамотѣ 1229 г., которая, по словамъ *Потебни*, (Къ ист. зв. *ibidem*. 41—42), принадлежитъ сѣверному говору. (Эта грамота вмѣстѣ съ Русской Правдой составляетъ одинъ списокъ изданный *Дубенскимъ*).

Чередованіе и замѣна **а** и **о**:

затваряти, розмирье — Собр. Гос. Гр. I. № 8.

розратье — *ib.* № 12. роздадять — *ib.* № 21.

стоканъ — *ib.* № 25.

розбойника — *ib.* № 28. также: Дополн. I. № 7.

А. А. Э. I. № 4.

Олексѣй — А. А. Э. I. № 9. и друг.

Эта особенность наиболѣе распространена, судя по грамотамъ, въ Новгородской, Тверской и Московской губерніяхъ.

Напрасно Колосовъ (Очеркъ. Стр. 104.) относитъ эту особенность къ XIV-му вѣку: въ Русской Правдѣ мы читаемъ: словѣннѣ²⁶⁾, боранъ — *ib.* Особенно часто встрѣчается въ памятникахъ Олександръ (грамота 1300 г. Смоленская. Напѣерскій № VIII), розбой — грам. 1229 г. (Дубенск. Русск. Достоп. II.) и друг.

Колосовъ (о. с. 104) считаетъ въ грамотахъ замѣну **а** посредствомъ **о** особенностью какого-нибудь мѣстнаго говора, между тѣмъ какъ эта же замѣна не въ грамотахъ признается *общерусскою* особенностью народнаго языка вообще. (Колосовъ. Обзоръ. 62. 65.) Если это звуковое явленіе повсемѣстно на всемъ пространствѣ разговорнаго русскаго языка, то почему оно же въ языкѣ грамотъ признается явленіемъ мѣстнымъ? Замѣну неударяемаго **а** посредствомъ **о** обыкновенно принимаютъ за особенность свр. нарѣчія, между тѣмъ произношеніе слова „стоканъ“, какъ указываетъ написаніе, встрѣчается въ XIV-мъ вѣкѣ и въ ювр. грамотахъ, въ Москвѣ. (Собр. Госуд. Грам. и Дог. I. № 25.)

Если въ настоящее время дѣйствительно замѣна неударяемаго **а** звукомъ **о** замѣчается въ свр. нарѣчіи, то не будетъ ли неправильнымъ заключеніе, что эта замѣна принадлежала и раньше одному свр. нарѣчію? Быть можетъ, эта замѣна прежде, въ XIV-мъ вѣкѣ и ранѣе, встрѣчалась на большемъ пространствѣ русскаго говора, чѣмъ те-

²⁶⁾ Издано Дубенскимъ въ Русск. Достопамятностяхъ. II.

перъ; здѣсь нѣтъ ничего невозможнаго: вѣдь, замѣна ѣ посредствомъ и, оставшаяся теперь почти исключительно за окраинами (свр. и млр.) рус. говора, принадлежала же нѣкогда всему русскому языку, какъ говорить и И. И. Срезневскій.

Другія замѣны гласныхъ тоже, какъ мы видѣли, признаются безъ особеннаго затрудненія общерусскими для ранняго времени. Весьма вѣроятно, что древне-русскій языкъ вообще былъ богаче звуками, чѣмъ современный; подобно тому, какъ и древне-славянскій былъ богаче древне-русскаго точно такъ же вѣроятно, что въ общерусскомъ языкѣ заключалась такая-же возможность звуковыхъ замѣнъ и чередованій, не обнаруживавшихся до выдѣленія нарѣчій и распространявшихся послѣ выдѣленія русскихъ нарѣчій по разнымъ мѣстностямъ и говорамъ, каковая возможность существовала въ общеславянскомъ языкѣ, проявившись впоследствии въ видѣ фактовъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ. Въ этомъ, именно, смыслъ, кажется намъ, надо понимать богатство звуковъ въ древнѣйшихъ родоначальныхъ языкахъ, возмѣщаемое впоследствии богатствомъ мысли и синтаксиса въ языкахъ болѣе молодыхъ и развитыхъ по способности стать точнымъ выразителемъ всѣхъ оттѣнковъ нашей мысли. Поэтому мы того мнѣнія держимся, что нельзя не согласиться въ вопросѣ о состояніи русскаго языка до выдѣленія нарѣчій съ г. Житецкимъ ²⁷⁾, который говоритъ, что „русскій праязыкъ (общерусскій языкъ) заключалъ въ себѣ зачатки діалектической розни“, что онъ въ своей жизни, какъ и всякій другой языкъ, испытывалъ одновременно и параллельно два процесса: фонетическій упадокъ ²⁸⁾ и діалектический ростъ. (Житецк. *ibid.* Стр. 38.)

²⁷⁾ Житецскій. Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія. Кіевъ. 1876. Стр. 38.

²⁸⁾ Потебня. (Изъ записокъ по русской грамматикѣ. Воронежъ. 1874. Т. I. стр. 77) называетъ этотъ процессъ *перерожденіемъ*, что, конечно, правильнѣе, такъ какъ богатство языка въ сущности не уменьшается.

Теперь о другихъ звукахъ въ грамотахъ:

е—о: пѣшеходовъ—Собр. Гос. Гр. I. № 32. чор-
ныхъ—*ibid.* № 13.

е—а: слышевъ—Собр. Гос. Гр. I. № 35.

Въ этомъ нельзя не видѣть живаго выговора знакомаго намъ московскаго нарѣчія; въ этихъ случаяхъ грамоты доставляютъ намъ прямо дорогой матеріалъ для обозрѣнія особенностей говора данной мѣстности. Само собой разумѣется, что эти замѣны опять играли въ былое время болѣе обширную роль, чѣмъ въ настоящее время: отвердѣніе шипящихъ, измѣненіе *е* въ *о* послѣ шипящихъ подъ вліяніемъ ударенія—факты, извѣстные изъ древнѣйшихъ памятниковъ письменности.

и (е)—и: до твоего княжение—Собр. Гос. Гр. I. № 15.
у нее—*ibid.* № 24. (выговор., какъ и сейчасъ).
своее купли, у моее княгини—*ibid.* и № 34.
по ее животъ—*ib.* № 25.
нашие Москвы—*ib.* № 28.
сабли золотыѣ—*ib.* № 30. (*е=ѣ=а=и*).
безъ всякии хитрости—*ib.* № 35.

И въ этомъ правописаніи мы видимъ близкій къ теперешнему московскій и новгородскій выговоръ. Какъ видно, прежде выговоры свр. и ювр. были гораздо ближе другъ къ другу; исторія литературы новгородской и московской даетъ намъ право сдѣлать то-же заключеніе о языкѣ свр., какое мы извлекли изъ данныхъ самого русскаго языка: подъ новгородскимъ нарѣчіемъ, вѣроятно, понималось нарѣчіе, на которомъ говорили не одни новгородцы, а и москвичи; вообще, новгородское нарѣчіе и начало жить ранѣе образовавшагося нѣсколько позже московскаго, и своимъ названіемъ противопоставалось, какъ мы думаемъ, сначала южнорусскому, или кievскому нарѣчію въ общемъ значеніи. Такимъ образомъ, грамоты, представляя одинаковый выговоръ для Москвы и Новгорода, объединяютъ нарѣчіе русскаго языка въ имени сѣверно-великорусскаго, сѣвернаго или просто новго-

родскаго по первенствующей въ политическомъ смыслѣ Новгородской области въ противоположность южнорусскому, кievскому или просто южному нарѣчію. Словомъ, дѣленіе политическое на Киевскую и Новгородскую Русь до выдѣленія говоровъ соотвѣтствовало и дѣленію русскаго языка на двѣ половины, на два нарѣчія. Далѣе:

ое въ род. падежѣ именъ прилагат. женскаго рода: володимерьское волости—Собр. Гос. Гр. I. № 24. безо всякое хитрости—ib. № 27. ср. № 35. святое Богородицы—А. А. Э. I. № 5.

Эта особенность тоже принадлежитъ области Москвы и Твери. Вообще, послѣднія особенности легко провѣряются и на языкѣ недавно записанныхъ былинъ на пространствѣ сѣверно-великорусскаго нарѣчія по извѣстнымъ сборникамъ Кирѣевскаго, Рыбникова и Гильфердинга.

Что касается прочихъ звуковыхъ особенностей, то по отношенію къ языку лѣтписи слѣдуетъ еще обратить вниманіе на звуки **ъ** и **ь**: они сохраняются, судя по языку грамотъ, изрѣдка слѣды глухого произношенія въ XIV-мъ вѣкѣ, но чаще, конечно, служатъ уже службу чистыхъ **о** и **е**, съ которыми и чередуются²⁹⁾.

Изъ написаній такихъ: *Торожку*, *Перемь*—Собран. Госуд. Гр. I. № 1 (XIII-го вѣка) выводимъ заключеніе, что въ живомъ говорѣ слышался на второмъ мѣстѣ въ этихъ словахъ глухой звукъ, который иногда сохранялся и на письмѣ въ специальномъ видѣ: *Торъжку*—ib. № 9 и *съ Торъжку*—ib. № 10 и 11. Срви. *кормолу*—ib. № 23. *жеребей*—№ 24.

О томъ же свидѣлствуютъ написанія: *отоимуть*—ib. № 22. *отоималь*—ib. № 34. *ото княгини*—ib. № 23. ср. № 28. *старини*—ib. № 34, гдѣ виденъ слѣдъ глухого произношенія **ь**. Отъ того времени—ib. № 32 и друг.

Объ исчезновеніи глухихъ въ говорѣ заключаемъ изъ слѣдующихъ написаній: *истца*—Собр. Гос. Гр. I № 8. по-

²⁹⁾ О звукахъ **ъ** и **ь** мы говоримъ послѣ другихъ гласныхъ потому, что рѣчь идетъ о XIV вѣкѣ.

дѣлятся, зъ бармами—ib. № 21. зъ бортью—ib. № 24.
зъ дадею—ib. № 27. покараютца, повинуютца—II. № 7.

Изъ слѣдующихъ примѣровъ: Вольтга—I. № 10 и 11.
Въльгдѣ, тѣрговати, Пѣрьмь—ib. № 10 и 11. коры-
лене—ib. № 27. верьста—ib. № 28. и друг. заключа-
емъ, что въ этихъ словахъ послѣ плавнаго слышался какой-
то еще звукъ, который изображенъ начертаніемъ для глу-
хого гласнаго звука. Это тоже, быть можетъ, остатокъ древ-
нѣйшаго произношенія, остатокъ глухихъ звуковъ въ жи-
вомъ языкѣ.

Въ области согласныхъ звуковъ отиѣтимъ употребленіе
мягкихъ гортанныхъ звуковъ на ряду съ твердыми:

какий, любѣцскій—Напіерскій, № VII.

поручники—Собр. I. № 6. поручники, должники—ib. № 16.

по двѣ долгѣи—Собр. I. № 7. княгинѣ—ib. № 8.

хитрости—ib. № 17. хитрости—ib. № 27.

Гюргя—ib. № 9. Гюрги—ib. № 14.

повѣргя, новгородскимъ хлѣбомъ—ib. № 10 и 11.

новгородскимъ—ib.

други, всяки—ib. № 12. великимъ, даншики—ib. № 33.

Новоторскихъ, на порукѣ—ib. № 13. пѣгни—ib. № 34.

съ великимъ княземъ—ib. № 14. боярьскій—ib. № 24.

Оки—ib. № 25. по Оцѣ—ib. № 32.

городскими, кимъ—ib. № 21. великии, съ кимъ—ib. № 23.

книги, намѣстники, тѣрьскіи—ib. № 28. Но и: на-

мѣстници—ib. № 35.

смоленскіи—Собр. Госуд. Гр. II. № 8.

великии—Дополн. I. № 8. годьцѣ—ib. № 7. хитрости—№ 7.

вѣки—А. А. Э. I. № 4.

дворьски, монастырьскіи—А. А. Э. I. № 5. намѣст-

ници—ib. № 5. ср. № 9.

Эти факты правописанія очень краснорѣчивы: рядомъ
съ громаднымъ количествомъ случаевъ потери смягчаемости
гортанныхъ при посредствѣ ихъ перехода въ свистящіе и
шипящіе мы видимъ немало случаевъ древняго смягченія

е, г. и х. Очевидно, что борьба между посредственной и непосредственной смягчаемостью гортанныхъ, разъ начавшись въ языкѣ, продолжалась въ живой рѣчи все съ большей силой такъ, что съ теченіемъ времени формы съ посредственно смягченными гортанными звуками стали составлять область архаизмовъ. XIV-й вѣкъ по отношенію къ гортаннымъ согласнымъ звукамъ составляетъ, именно, вѣкъ рѣшительнаго перелома, кризиса къ новой фазѣ гибкости гортанныхъ. Окончательная потеря посредственной смягчаемости гортанныхъ произошла въ XV-мъ вѣкѣ.

Колосовъ въ своемъ Очеркѣ подъ XIV-мъ вѣкомъ помѣщаетъ, какъ особенность, сочетаніе гортанныхъ съ гласной я, но мы видѣли выше, что гортанные сочетаются очень удобно со всѣми мягкими гласными въ XIV-мъ вѣкѣ, слѣдовательно, непосредственное смягченіе гортанныхъ лучше прямо относить къ XIV-му вѣку, чѣмъ къ XV-му, какъ это у Колосова въ Очеркѣ ³⁰⁾.

Обратимъ вниманіе также на мѣну ц и ч, которая строже другихъ выдержана въ грамотахъ Новгорода и Твери. Эта мѣна, кажется, съ очень давнихъ поръ служить особенностью свр. нарѣчія, именно, Новгородскаго, которое ранѣе прочихъ и выдѣлилось изъ общаго состава русскаго языка. Есть случаи такой мѣны и въ московскомъ нарѣчій, см., напр., въ словѣ „чепи“ — Собраніе Гос. Гр. и Дог. №№ 21. 25. и еще слово „оприсъ“, которое послѣдовательно употреблено въ такомъ видѣ и произношеніи въ нѣсколькихъ грамотахъ.

Напр. тысячкого — Собр. I. №№ 6. 8. 9.

истъча — ib. № 7. въ нѣмѣчкомъ дворѣ — ibidem.

купчины, съ нѣмчи, чѣловаль — ib. № 8. проць — ibid.

³⁰⁾ Приводимъ примѣры правильнаго посредственнаго смягченія гортанныхъ изъ грамотъ XIV вѣка; эти случаи смягченія въ XIV вѣкѣ еще уживаются рядомъ съ случаями непосредственнаго смягченія: владыцѣ — Собр. I № 6. въ свертцѣ — ib. № 21. послуи — ib. №№ 21. 25. 30. по Бозѣ, въ вѣцѣ — ib. № 24. въ ташцѣ — ib. № 25. князи велиции — ibidem. № 28. данщици — ib. № 29. Мѣстный надежъ по древнему склоненію грѣ(е)сѣхъ — Собр. Гос. Гр. и Догов. II. № 12. По Волоцѣ, въ брезѣ — см. Акты Археогр. Экспедиціи. I. № 4.

Костянтиновица, Ярославичю—ib. № 10 и 11.

Новотързкой земли—ibidem. купецскыи—ib. № 12.
двѣнадцать, полутрътиядчати—ibidem.

Новгородѣчь, челованью—ib. № 13.

кончевъ, до Новоторьского взятъя—ibidem.

чеши—ib. №№ 21. 25.

опришь вм. опричь—ib. № 35. См. также А. А. Э. I. № 4.

кажненъ казнью—Собр. II. № 7.

съ Ризьскимъ—ibidem № 8.

гоцкого, гоцкого—Дополн. I. № 7.

Мы внесли сюда-же случаи замѣны ж—з—с или ч—ц (тс)—с, какъ случаи однородные съ замѣной ч—ц, (шепелявый выговоръ).

Въ грамотахъ московскаго нарѣчія особенно замѣчается отвердѣніе шипящихъ, такъ что произношеніе живите, животь, держить, служыти, жомчюгомъ—Собр. Госуд. Гр. I. № 34.—составляетъ самое обыденное явленіе въ живой рѣчи. Ср. Новгородцовъ—ib. № 17. межы—ib. № 31. Но рядомъ живетъ еще: пишю, молодшую—ib. № 34. нашу—ib. № 28. сельця—ib. № 22. отца—ib. № 27. рубежю, межю—ib. № 14. и др. (Срвн. Колосова, Очеркъ. Стр. 106.)

Изъ другихъ особенностей живого говора того времени отмѣтимъ переходъ звучныхъ согласныхъ въ отзвучные передъ отзвучными.

сопча—Собр. I. № 25, но собча—ib. № 21. вобчой—А. А. Э. I. № 9. (въ Москвѣ).

жерещевъ, коропка—ibidem № 25.

молотшимъ—ib. № 29. дватцать—ib. № 33.

Мѣна в и л: свобода (слобода) свободка—Собр. I. № 21.

Переходъ мягкаго к въ т: крестьяньстии, Ярославъстии—Собр. I. № 28.

Отмѣтимъ также к въ х: хрестъ—Собр. I. №№ 9—11.

Это произношеніе прямо дышитъ современностью: видно, что грамоты писались такъ, какъ говорили въ эпоху, имъ современную. На этихъ особенностяхъ ясновидно, въ чемъ

заклѣчается значеніе грамотъ, какъ матеріала для изученія современнаго имъ языка и для изслѣдованія языка современныхъ грамотамъ лѣтописей: въ послѣднихъ мы не увидимъ такихъ особенностей или увидимъ, какъ исключеніе.

Интересно также въ Грам. замѣчаемое отвердѣніе л:

болший, печалникъ—Собр. I. №№ 21. 29.

соколничий—ib. № 21. 23. 34. волны—ib. № 28.

жалованныхъ—ib. № 29. А. А. Э. I. № 5 (Тверь).

мельницею—Собр. I. № 34.

сильнымъ, велможамъ, удѣльнымъ, мельницы—Собр. II. № 7.

Почти все это количество случаевъ отвердѣнія л выпадаетъ на долю области московскаго говора, между тѣмъ теперь этой особенности въ московскомъ говорѣ не слышно. (См. объ этомъ Колосовъ. Очеркъ. 108.) Мы думаемъ отвердѣніе л объяснять потерей гласности въ глухомъ ъ, который началъ служить специальнымъ цѣлямъ мягкаго выговора предъидущей согласной послѣ того, какъ окончательно потерялъ способность звучать гласнымъ звукомъ. Приведенные случаи изъ грамотъ относятся къ тому времени, когда если не глухіе ъ и ь, то, по крайней мѣрѣ, ихъ слѣды были въ живой рѣчи, слѣдовательно, написать *ль* (напр., „мельницы“) было рискованно: это слово должно было звучать, какъ теперь звучитъ: ни „меленицы“, ни „мелницы“, между тѣмъ какъ написаніе *ль* въ XIV вѣкѣ могло вызывать или произношеніе *лѣ*, или просто л (напр., церковныхъ и церковныхъ—А. А. Эксп. I. № 9. въ Москвѣ), но не л' (теперешнее *ль*). Слѣдовательно, меньше отклоненія отъ живаго слова было въ правописаніи „мельницы“ [= *ль* въ значеніи л: церковныхъ и церковныхъ. См. выше случаи исчезновенія ъ изъ выговора]. Между прочимъ написанія такого рода, какъ вышеприведенные изъ языка грамотъ, служатъ доказательствомъ того, что азбука со всѣми своими знаками всегда останется недостаточной для письменнаго выраженія всѣхъ оттѣнковъ въ звукахъ живой рѣчи, которая очень легко въ разныхъ мѣстностяхъ и въ разное время принимаетъ звуковыя колебанія.

Такимъ образомъ, распредѣляя особенности языка грамотъ XIV-го вѣка по мѣстностямъ, мы получимъ слѣдующіе несомнѣнные признаки нарѣчій этого времени.

Для Новгорода, Твери и Москвы—чередованіе и замѣна *а* и *о*. Слѣдовательно, это *о* вм. *а* должно считаться не только свр. особенностью въ былое время, но и южно-великорусскою.

Для Смоленска, Полоцка и Москвы—*у* и *е*, которое является въ былое время не общерусскимъ.

Для Москвы—замѣна *е* посредствомъ *о* главнымъ образомъ послѣ шипящихъ.

Въ сущности говоря, въ XIV вѣкѣ нельзя еще строго отдѣлять сѣверно-великорус. отъ южно-великорусскаго нарѣчія.

Ниже мы увидимъ, дасть-ли языкъ лѣтописи, напр., въ Лаврентьевс. списокѣ, такіе результаты, какіе получили мы изъ разсмотрѣнія языка современныхъ лѣтописи грамотъ.

Выводъ, который мы получили относительно языка грамотъ XIV-го вѣка, будетъ такой: грамоты XIV-го вѣка въ сравненіи съ любой рукописью XI-го, XII-го и XIII-го вѣка, съ любымъ памятникомъ церковной письменности, представляютъ намъ болѣе развитые оттѣнки каждаго отдѣльнаго звука, въ которыхъ уже можно признать мѣстные говоры русскаго языка. Что же касается формы и синтаксиса, то въ этой области въ грамотахъ XIV-го вѣка мы положительно узнаемъ близкое къ намъ по оборотамъ нарѣчіе.

Въ сравненіи же съ лѣтописью-памятникомъ XIV-го столѣтія—видимъ, что грамота и лѣтопись, принадлежа къ одному и тому-же вѣку, представляютъ по языку далеко не одни и тѣ-же явленія. Если грамота каждаго новаго вѣка, даже полувѣка, представляетъ на письмѣ новыя звуковыя сочетанія и измѣненія, соответствующія живому произношенію, и этимъ самымъ идетъ въ параллель съ живою рѣчью, то лѣтопись XIV в. вовсе не оставляетъ впечатлѣнія языка XIV вѣка: она гораздо древнѣе своего времени по языку.

Это объясняется тѣмъ, что событія и рассказы, состав-

ляющіе предметъ лѣтописи, предполагаются уже готовыми во время переписки лѣтописнаго свода XIV-го столѣтія. Повѣсть временныхъ лѣтъ въ спискѣ 1377 года (Лаврентьевскомъ, да и въ другихъ сходныхъ) представляется, какъ сводъ ³¹⁾ отдѣльныхъ литературныхъ элементовъ, отдѣльныхъ сказаній, существовавшихъ ранѣе составленія этого свода ³²⁾ въ разрозненномъ видѣ. Само собой разумѣется, что оригиналы-источники лѣтописи—уже имѣли свою форму, свое правописаніе, соотвѣтствовавшее выговору (конечно, въ опискахъ) своего времени, и переписчикъ послѣдняго свода лѣтописи являлся рабскимъ копировщикомъ оригинала, ошибающимся лишь изрѣдка въ смыслѣ уступки языку и произношенію своего времени.

Кромѣ этого, самое содержаніе лѣтописныхъ повѣствованій и тѣ условія, въ которыхъ развилась лѣтописная дѣятельность (монастырь, монашество), въ достаточной мѣрѣ обуславливали собой типъ правописанія, такъ хорошо знакомый нашимъ грамотникамъ изъ священныхъ книгъ, изъ духовной литературы прошлыхъ вѣковъ.

Вотъ почему языкъ лѣтописи кажется намъ анахронизмомъ, языкомъ искусственнымъ, консервативнымъ, какъ объ этомъ говорятъ изслѣдователи гг. Срезневскій ³³⁾, Лавровскій ³⁴⁾ и Колосовъ ³⁵⁾.

Евгеній Будде.

(Продолженіе будетъ).

³¹⁾ *Бестужевъ-Рюминъ*. О составѣ русскихъ лѣтописей. Спб. 1868. Стр. 20. 33.

³²⁾ *Костомаровъ*. Лекціи по русской исторіи. Спб. 1861. Ч. I. Стр. 34. См. также *Срезневскаго*. Чтенія о древне-русскихъ лѣтописяхъ. (Зап. Ак. Наукъ. Приложение ко II-му тому). 1862 г. Стр. 2—3. Сводъ составленъ въ XII вѣкѣ см. *Бестужева-Рюмина*. о. с. Стр. 58. ср. 44.

³³⁾ *Срезневскій*. Мысли... Стр. 139. (по изд. 1849 г.).

³⁴⁾ *Лавровскій*. О языкѣ сѣвер. р. лѣтоп. 88. 93.

³⁵⁾ *Колосовъ*. Очеркъ... Стр. 120. ср. 101. 102 и 116.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О РУССКОМЪ ПРАВОПИСАНІИ ВЪ РУССКОЙ ШКОЛѢ.

Обученіе правописанію составляетъ, какъ извѣстно, одну (очень важную) изъ задачъ преподаванія отечеств. языка въ средней школѣ.

Какъ же выполняется эта задача? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ отчеты о письменныхъ испытаніяхъ зрѣлости по рус. языку: достаточно сказать, что о такихъ ошибкахъ, какъ ошибки при переносѣ словъ, отчеты «по обычности» этихъ ошибокъ, не считаютъ нужнымъ и упоминать и перечисляютъ лишь болѣе грубые промахи, очень убѣдительно говорящіе о неустойчивости (чтобъ не сказать рѣзче) въ правописаніи выпускаемыхъ изъ гимназій. Происходитъ эта неустойчивость прежде всего, конечно, по тому, что слишкомъ мало обращается въ нашей школѣ вниманія на историческія основы русск. правописанія—на исторію языка и его формъ, на фонетику и морфологию рус. языка, т. е. на изученіе его звуковыхъ и словообразовательныхъ законовъ, и филологическое развитіе ученика сводится къ знанію номенклатуры, терминологіи, таблицъ склоненій, таблицъ съ буквой ѣ и другихъ принадлежностей обычныхъ учебниковъ по грамматикѣ русскаго языка.

Нѣсколькими уроками поканчиваютъ обыкновенно съ ученіемъ о звукахъ, о происхожденіи и составѣ словъ во 2-мъ классѣ, да за тѣмъ, въ 4-мъ кл., кое-какъ, на скоро проходятъ краткую церк.-славянскую грамматику. Главныя же надежды возлагаются, на разныя механическія упражненія (въ родѣ диктовки, списыванія съ книги), которыми, дѣйствительно, нѣсколько и «нашколиваютъ» ученика... Но чего достаточно, можетъ быть, для языка иностраннаго, того мало, конечно, для языка родного. Изученіе этого послѣдняго должно, по нашему мнѣнію, при первой возможности, переходить на почву историческую. Пусть русскій ученикъ изучаетъ исторію

рус. языка, какъ изучаетъ онъ прошлое своего отечества. (Въ классической школѣ вполне возможнымъ, прибавимъ, является и то, что называется сравнительнымъ изученіемъ языка). Но для всего этого необходимы, конечно, и иная постановка предмета — (увеличеніе числа уроковъ, продленіе курса «теоріи» языка до 8 кл. включительно, установленіе устнаго испытанія по рус. языку), и иныя пособія для учащихся.

На необходимости продленія курса по „теоріи“ рус. языка, на необходимости бѣльшей научности этого курса мы особенно останавливаемся. Съ одной стороны, „теорія“ языка, — по самому уже существу, — предметъ отвлеченный, доступный, въ требуемой постановкѣ, конечно не дѣтскому возрасту, съ другой — прохожденіе „теоріи“ языка, только при условіи строгой научности, можетъ получить свое глубоко-образовательное значеніе.

Что—до учебниковъ по рус. грамматикѣ, которыми теперь пользуются учащіеся, намѣченнымъ выше цѣлямъ, они, конечно, не удовлетворяютъ. Въ большинствѣ случаевъ, это—какіе-то сколки съ пособій для языковъ иностранныхъ (напр. съ греч., лат. грамматикъ). Непригодность къ спеціальнымъ цѣлямъ изученія отечественнаго яз., отсутствіе стройной и научной системы въ изложеніи, отчетливыхъ и ясныхъ опредѣленій, постоянное смѣшеніе принциповъ (логическаго и грамматическаго)—вотъ почти общія черты этихъ изданій и старыхъ, и новыхъ, не говоря уже о томъ, что новѣйшія изслѣдованія, монографіи по теоріи рус. языка какъ бы не существуютъ для авторовъ этихъ учебниковъ. Ученикъ, и думающій, и говорящій по русски, узнаетъ изъ этихъ учебниковъ, что, напр., какіе-то предлоги, какіе-то глаголы управляютъ такими-то падежами, что „при отрицаніи не предъ глаголомъ винит. пад. дополненія обращается въ родит. и т. п.,—„новости“, но родной языкъ останется для него, конечно, такимъ же слѣпымъ орудіемъ, какимъ былъ и до знакомства съ учебникомъ такого типа. Такъ обыкновенно и бываетъ, если преподаватель отеч. языка стоитъ въ зависимости отъ

того или другаго учебника и въ сторонѣ отъ движенія науки по своему предмету. Уроки по теоріи языка сводятся, въ этомъ послѣднемъ случаѣ, къ долбленію, правилъ, опредѣленій въ учебникѣ (часто никуда не годныхъ), къ безжизненному грамматическому разбору и къ тому подобнымъ, только поселяющимъ отвращеніе къ предмету, механическимъ упражненіямъ.

Не такихъ, конечно, «пособій» по рус. языку ждетъ русская школа. Отъ души желая скорѣйшаго появленія строго-научнаго, построеннаго на послѣднихъ результатахъ сравнительнаго языкознанія, и въ тоже время приспособленнаго къ спеціальнымъ цѣлямъ изученія отеч. языка въ средней школѣ *) курса русской грамматики, а также коренпроизводственнаго словаря, мало-по-малу разрабатывающагося въ «Фил. Зап.», мы отмѣтимъ, въ заключеніе замѣтки, другое немаловажное условіе успѣховъ учащихся въ правописаніи—это серьезное и внимательное отношеніе къ письменнымъ работамъ учащихся. Регулярность въ веденіи этихъ работъ, достаточное ихъ количество и, что особенно важно, тщательное ихъ исправленіе—все это не мало обуславливаетъ ту или другую степень успѣховъ учащихся въ знаніи, о которомъ идетъ рѣчь. Рѣдко, къ сожалѣнію, помогаютъ въ этомъ учителю рус. языка учителя другихъ предметовъ, обращая слишкомъ мало вниманія на русское правописаніе учениковъ въ письменныхъ работахъ по своему предмету, какъ о томъ справедливо замѣтилъ г. Лиловъ въ своей статьѣ (см. «О мѣрахъ къ успѣш. преподав. древн. языковъ» Фил. Зап. вып. VI. 1888).

С. Воскресенскій.

Марта 4-а
1888 г.

*) Объ этихъ цѣляхъ нѣсколько подробнѣе говорили мы въ замѣткѣ «О преподаваніи отечественнаго языка въ младшихъ классахъ гимназій» въ III—IV вып. «Фил. Зап.»

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЯ И ГРАММАТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Опытъ объясненія реченія: шаромыга
(шеромыга).

Существуетъ у насъ на Руси слово это еще съ двойнымъ правописаніемъ, хотя и не весьма тонкое, но тѣмъ не менѣе получившее право гражданства въ словарѣ.

Откуда оно взялось? вотъ вопросъ, который мы попытаемся разрѣшить въ нижеслѣдующихъ строкахъ. Наиболѣе сходства оно имѣетъ съ реченіемъ босомыга, которое по Миклошичу, образовалось будто бы изъ нарѣчія босомъ (=босикомъ), съ помощью суффикса ыга. Не станемъ спорить, хотя намъ таковое безпримѣрное производство именъ существительныхъ чрезъ приставку суффикса ыга къ творительному падежу первообразнаго или даже предполагаемаго лишь другаго имени существительнаго, кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ.

Мы склонны считать реченіе босомыга сложнымъ, принимая вторую половину его (мыга) за смягченіе формы мыка въ реченіи горемыка, отъ корня мѣк-, откуда мыкать, ся и мчать, ся. Таковое смягченіе у насъ не рѣдкость: сравни мотыга и мотыка, оба слова съ однимъ и тѣмъ же значеніемъ земледѣльческаго орудія.

Но какъ бы то ни было, таковое приравненіе реченія шаромыга (шеромыга) къ реченію босомыга, рѣшительно не можетъ имѣть мѣста, не смотря даже на существованіе у насъ, въ видѣ нарѣчія, поговорки шаромъ-даромъ, т. е. на даровщинку. Оно не можетъ имѣть мѣста уже потому, что полагать въ первой половинѣ этого реченія основу им. сущ. шаръ никакъ не возможно, вслѣдствіе рѣшительнаго различія значенія. Скорѣе можно бы допустить тамъ глагольную

основу шар- (шарить) въ соединеніи со смягченною изъ мыка формою мыга, такъ что тогда шаромыга значило бы: шаря мыкающійся, т. е. шатающійся.

Но и таковое объясненіе оказывается несостоятельнымъ, ибо въ такомъ случаѣ шаромыга означало бы человекъ, обшаривающаго всѣ углы, не лежить ли гдѣ что плохо, съ цѣлью потихоньку стаянуть что, означало бы, стало быть, тата или, по просту, вора, дѣйствующаго тайкомъ, между тѣмъ какъ шаромыга (шеромыга) подлипааетъ ко всякому явно, даже нахрапомъ, съ цѣлью угоститься на даровщинку или вообще поживиться даромъ. Мы считаемъ выраженіе: шаромъ-даромъ простою игрою словъ, образовавшеюся уже подъ вліяніемъ реченія шаромыга (шеромыга), которое, по нашему мнѣнію, возрасло на русской почвѣ не изъ общеславянскихъ или, по крайней мѣрѣ, чисто-русскихъ корней. Мы увѣрены, что имѣемъ дѣло съ иноземщиной, наряженной лишь на русскій ладъ.

Шаромыга (шеромыга) ко всякому лѣзетъ въ дружбу, всѣ ему друзья да пріатели! Посему мнится намъ, что реченіе это есть порожденіе французской фразы: «cher ami», любезный другъ, укоренившееся на русской почвѣ лишь въ ту пору минувшаго столѣтія, когда стало у насъ распространяться знаніе и употребленіе французской рѣчи, осколки коей доходили и до народа, довольно мѣтко пріурочивавшаго къ нимъ свое творчество облеченіемъ ихъ какъ будто бы и въ русскую одежду *).

---

*) Хотя у насъ и существуетъ какое-то предвзятое мнѣніе относительно сближенія слова «шаромыга» съ французскимъ выраженіемъ «cher ami», но едва ли можно съ этимъ согласиться, такъ какъ ни то, ни другое—ни по образованію, ни по значенію не соотвѣтствуетъ другъ-другу: «шаромыга» не то, что cher ami. Мало ли какое русское слово можно бы сопоставлять съ иностраннымъ, и то только для шутки, а раціональнаго основанія никакого не будетъ, это выйдетъ нѣчто въ родѣ смѣси француз-

Недомолвка нашихъ учебниковъ относительно употребленія именъ прилагательныхъ качественныхъ.

Грамматическіе наши учебники сплошь да рядомъ проповѣдуютъ, что полное окончаніе именъ прилаг. кач. употребляется лишь въ смыслѣ опредѣленія, усѣченное же лишь въ смыслѣ сказуемаго.

Между тѣмъ, въ живомъ говорѣ зачастую въ послѣднемъ смыслѣ употребляется и полное окончаніе. Не говоримъ уже о такихъ оборотахъ, глаза у него черные, голубые, каріе и т. под., гдѣ можно еще

скаго съ нижегородскимъ, въ родѣ того, какъ cabinet—какъ-бы нѣтъ! «Шаромыга» можно сопоставить только съ русскими же словами хотъ бы напр.—съ забулдыга, забулдыжникъ, мотыга, мотыжникъ, ярыга, ярыжникъ, или еще лучше съ «мыкалка», мыкальникъ (человѣкъ, который мычется, шмыгаетъ туда и сюда, шляется, суется вездѣ, лѣзетъ къ кому незванно,—тутъ покрайней мѣрѣ есть подходящее значеніе къ шаромыга, какъ вообще его понимаютъ. Съ другой стороны слова «шаромыжникъ», «на шаромыжку» еще болѣе указываютъ на полное, опредѣленное понятіе и значеніе слова «шаромыга». Кромѣ того у насъ есть выраженіе: «онъ бѣгаетъ, катается какъ шарикъ» (вотъ и шаръ тутъ у мѣста), такъ говорятъ о маленькомъ мальчикѣ, или и о взросломъ, о человѣкѣ юркомъ, праворномъ, расторопномъ, вездѣ успѣвающимъ. Другіе комментаріи здѣсь будутъ излишни. Стало-быть, слово «шаромыга» ни по образованію, ни по смыслу нельзя и не слѣдуетъ приурочивать къ cher ami,—оно образовалось чисто на русской почвѣ изъ шаръ и мыга отъ мыкать (мыгать, шмыгать, мыкаться, вертѣться проворно какъ шарикъ. Что въ «шаромыга» участвуетъ слово «шаръ», это подтверждается и другими сложными словами, каковы—шаровидный, шарокать и пр.

Не выдавая, впрочемъ, этого бѣлаго наброска за рѣшеніе вопроса о происхожденіи слова «шаромыга», мы предлагаемъ свой взглядъ на обсужденіе.

Ред.

считать имя прилагат. опредѣленіемъ имени существительнаго, хотя и довольно далеко отъ него поставленнымъ.

Но развѣ такимъ способомъ можно объяснить употребленіе полнаго окончанія такіе обороты: онъ блѣдный-преблѣдный, красный-раскрасный; умирающій на половину уже былъ холодный, я весь мокрый, ты такой веселый! какой онъ глупый!

Что же это такое? грубыя ошибки, или же примѣненіе свойственнаго русской рѣчи употребленія, о коемъ большинство нашихъ учебниковъ и не заикается, повторяя принятую разъ навсегда голословную формулу?

Мы держимся послѣдняго мнѣнія, а потому полагаемъ, что крайне необходимо было бы вкленить въ наши учебники правило, что при обозначеніи мѣры качества, выражаемой не чистыми нарѣчіями, а мѣстоименіями или обстоятельственными выраженіями, т. е. косвенными падежами съ предлогами и безъ предлоговъ, имя прилаг. какъ полагается, и въ смыслѣ сказуемаго съ полнымъ окончаніемъ.

Дат. пад. именъ числительныхъ: *сорокъ* и *сто* въ смыслѣ распредѣлительныхъ въ сочетаніи съ предлогомъ *по*.

Наши грамматическіе учебники обыкновенно учатъ, что числительныя *сорокъ* и *сто*, кромѣ винит. и зват. пад., сходныхъ съ именительнымъ, имѣютъ всѣ остальные падежи на *а*.

Между тѣмъ, это вовсе неосновательно: въ изустномъ употребленіи рѣшительно никогда не услышишь: *по ста рублей*, а всегда: *по сту*, да и: *по сорока копѣекъ*, что то отзывается искусственностью, потому что въ устахъ народа всегда слышится *по сороку*.

Въ соединеніи съ другими числами, предыдущими или послѣдующими то же самое; только, если они скло-

няются по другому образцу, то слѣдуетъ повторять предлогъ по: мы получили по тысячѣ, по сту рублей, по двѣ тысячи, по триста пудовъ. Но вполне правильно и законно говорится: по двадцати пяти копѣекъ, по пятидесяти шести человекъ, потому что оба числительныя склоняются одинаково по образцу именъ существ. ж. р. на ъ.

Стало быть, обороты: по сорока пяти человекъ, по ста двадцати тысячъ и т. под. совершенно неумѣстны.

Необходимость повторенія предлога по передъ каждымъ числительнымъ, если оно склоняется отлично отъ предъидущаго, выкажется еще ярче, если послѣдующими числами бываютъ два, три, четыре, какъ употребляются, при обозначеніи распредѣленія съ тѣмъ же предлогомъ по, но не съ дат. пад., а съ винит. Обороты: по сорока два рубля, по пятидесяти три копѣйки, по двадцати четыре фунта, рѣшительно немыслимы, ибо рѣжутъ русское ухо. Говорятъ и слѣдуетъ говорить: по сороку по два рубля; по пятидесяти по три копѣйки, по двадцати по четыре фунта.

Замѣчательно, что имя нарицательное, при обозначеніи распредѣленія съ предлогомъ по, ставится вездѣ въ род. пад. мн. ч., за исключеніемъ того случая, если, послѣднее къ числительнымъ бываетъ два, три, четыре, когда имя нариц. согласуется съ ними въ вин. падежѣ, а числит. одинъ, одна, одно полагаются разумѣться въ дат. пад. ед. числа.

Отчего же всѣ прочія числительныя представляютъ такое рѣзкое уклоненіе, что слѣдующее за ними имя существительное съ ними не согласуется?

Отвѣтъ очень простъ: потому что, за исключеніемъ числительныхъ: одинъ, одна, одно, два, три, четыре, всѣ прочія, по своему образованію, всегда были и остаются въ сущности именами существительными,

при коихъ можетъ быть дополненіемъ другое имя существительное въ род. пад. и, разумѣется, множ. числа.

Намъ кажется, что все это должно бы встрѣчаться въ каждомъ учебникѣ русской грамматики, потому что, безъ этого, господствуетъ рѣшительный произволъ, ни на чемъ не основанный, а слѣдствіемъ того является полнѣйшій сумбуръ, въ коемъ даже и мыслящему, и пытливому ученику трудно разобраться. Въ устахъ народа онъ слышитъ одно, а учебникъ толкуетъ ему совсѣмъ другое или же просто не даетъ никакого положительнаго разъясненія.

Винительный падежъ числительныхъ два, три, четыре съ предшествующими ему другими числительными.

Употребляясь отдѣльно, числительныя два, три, четыре слѣдуютъ у насъ, относительно винит. пад., общему правилу: если предметъ одушевленный, то винит. пад. сходитъ съ род. пад., если же нѣтъ, то съ именительнымъ.

Между тѣмъ, въ связи съ предшествующимъ имъ винит. падежомъ другихъ именъ числительныхъ, зачастую, или даже большею частію, и при названіяхъ предметовъ одушевленныхъ винит. пад. сихъ реченій полагается сходно съ именительнымъ, такъ что говорятъ и пишутъ безразлично: я купилъ двадцать два аршина и я убилъ двадцать два зайца и т. под.

Откуда взялось такое вопіющее и ничѣмъ не оправдываемое уклоненіе отъ общаго грамматическаго закона?

Намъ кажется, что, относительно числительнаго два, двѣ, тутъ повліяло употребленіе церковно-славянскаго языка, гдѣ существовало особое двойственное число, въ коемъ падежи: имен., винит. и зват. были со-

вершено одинаковы. Въ русскомъ же языкѣ подобное сочетаніе, совершенно уже беззаконно, распространилось и на числит. три, четыре.

Между тѣмъ таковое употребленіе насилуетъ строй русской рѣчи и подрываетъ основной законъ русской грамматики, сильно идучи въ разрѣзъ съ употребленіемъ въ томъ же падежѣ числит. одинъ. Всякъ и каждый говоритъ же: я убилъ двадцать одного зайца и никогда не скажетъ: я убилъ двадцать одинъ заяцъ. Такъ отчего же пишущему люду и при употребленіи числит. два, три, четыре не слѣдовать неизмѣнно тому же общему грамматическому закону?—церковно-славянскій языкъ самъ по себѣ, а русскій самъ по себѣ. Пусть себѣ недоучки, недоумки и недодумки коверкаютъ естественный строй языка! образованнымъ же людямъ не слѣдовало бы подчиняться прихотямъ толпы.

Ив. Желтовъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТРЕЧЕННЫХЪ КНИГАХЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Директоръ Калужской гимназіи П. Θ. Симсовъ, имѣющій въ своемъ книгохранилищѣ значительное количество рѣдкихъ и даже единственныхъ старинныхъ рукописей, въ недавнее время приобрѣлъ рукописный сборникъ, заключающій въ себѣ мѣсяцесловъ, служебникъ и канонникъ. Этотъ письменный памятникъ, по палеографическимъ даннымъ, можно съ полною вѣроятностію отнести ко второй половинѣ XVI вѣка: письмо полууставное, почти слитное; юсь большой (Ж) употребляется нерѣдко, хотя и не вездѣ правильно; глухіе гласные Ъ и Ь при плавныхъ употребляются правильно, какъ въ памятникахъ болгарскаго извода; характеръ начертанія нѣкоторыхъ буквъ также говоритъ въ пользу древности рукописи.

Въ концѣ рукописи *) (нѣсколько листовъ, къ сожалѣнію, утрачено) помѣщенъ раздѣленный на двѣ главы весьма полный индексъ апокрифической и отреченной литературы (болѣе 70 названій), замѣчательный въ томъ отношеніи, что въ немъ кромѣ перечисленія (въ нѣкоторыхъ случаяхъ съ измѣненіемъ редакціи) апокрифовъ и вообще памятниковъ «богоотметной» литературы, главія которыхъ находятся въ «Памятникахъ отреченной литературы» профес. Тихонравова, встрѣчаются такіа наименованія, которыхъ нѣтъ въ такомъ почтенномъ трудѣ, каковымъ заслуженно считается выдающійся по отреченной литературѣ трудъ проф. Тихонравова. Эти названія слѣдующія: 1) Сифова молитва (не Іосифова ли?); 2) Хоженіе Петрово по вознесеніи Господни; 3) Что Христа отрочатемъ продавалъ; 4) Что рыбы по суху ходили (если только 3) и 4) не глоссы къ «Хоженію Петрову по вознесеніи Господни»), и 5) И было въ навехъ на рзиковѣ колѣ (въ самомъ памятникѣ такое начертаніе: и было въ навехъ на рзиковѣ колѣ. Смыслъ первыхъ

*) По каталогу библ. П. Θ. Симсона отд. II № 58.

четырёхъ заглавій апокрифической литературы нѣсколько понятенъ, но смыслъ 5-го кажется вовсе непонятнымъ. Для удобства разъясненія заглавія (но не содержанія, которое неизвѣстно) этого памятника, заключающаго въ себѣ какое-либо народное суевѣріе, мы раздѣлимъ заглавіе на двѣ части: *внавѣ* и *нарзиковѣколѣ*, хотя, по построенію фразы, имѣющей общій смыслъ, такого раздѣленія, въ логическомъ отношеніи, дѣлать не слѣдуетъ, такъ какъ смыслъ означеннаго заглавія, по всей вѣроятности, равняется такому современному выраженію: И было (это случилось, произошло) въ такое-то время и въ такомъ-то мѣстѣ.

Внавѣ = въ навехъ; въ—предлогъ и навехъ предл. пад. множ. ч. отъ навъ (*на́вье*), мертвецъ, покойникъ, усопшій. Въ «Стоглавѣ» въ главѣ 41, въ вопросѣ 25 говорится: «А о велицѣ дни окличка на родоницы» *). Радунца (родоница) и есть Навій день, празднованіе котораго въ глубокую старину совпадало съ началомъ обновленія природы; этотъ Навскій Великъ день и до сихъ поръ празднуется во многихъ мѣстностяхъ Россіи во вторникъ на Троицкой недѣлѣ. «Въ окличкѣ», замѣчаетъ проф. Буслаевъ, «окликиваютъ съ разными причитаньями весну, покойниковъ» **). Это краткое замѣчаніе почтеннаго ученаго къ 25 вопросу 41 главы «Стоглава» важно въ томъ отношеніи, что празднованіе по поводу пробуждающихся силъ природы, т. е. праздникъ Ярилы—бога оплодотворителя (въ это же время праздновалась такъ называемая Красная горка, Великъ день русалокъ съ разными играми), совпадало, какъ мы уже и замѣтили, съ праздникомъ Радунцы—чествованія покойниковъ. Въ XVI столѣтіи, какъ видно изъ «Стоглава» (вопросъ и отвѣтъ 27) чествованіе Ярилы было отнесено къ болѣе позднему весеннему времени, а именно—къ первому понедѣльнику

*) Стоглавъ, изд. Кожанчикова 1863 г. стр. 141.

**) Русск. христ. Памяти. древне-рус. лит. и нар. слов. стр. 242.

Петрова поста; въ это время въ рощахъ и Наливкахъ (урочище въ Москвѣ) «творили бѣсовскія потѣхи, эллинское бѣснованіе и прелесть бѣсовскую». Праздникъ въ честь Ярилы, какъ бога оплодотворителя, сопровождался самыми безнравственными потѣхами: опьяненіе отъ вина, бѣшенныя пляски, непристойныя жесты, неистовый хохотъ (реготаніе, рзаніе) и безстыдныя пѣсни напоминали древнія вакханаліи; не даромъ соборъ 1551 года даже остатки этого празднества называетъ «эллинскимъ бѣснованіемъ», которое «православнымъ христіаномъ не подобаеъ творити»; но это «бѣснованіе» такъ нравилось народу, что, напр. въ Воронежѣ, оно было уничтожено только въ 1765 году благодаря энергіи Святителя Тихона.—То мѣсто,—по нашему мнѣнію,—гдѣ водили хороводъ (коло) и исполняли другія «бѣсовскія» игры, сопровождаемыя неистовымъ хохотомъ (реготаніемъ, рзаніемъ) участвовавшихъ въ празднествѣ Ярилы, и есть рѣзилово *) (рзалово) коло. Такимъ образомъ смыслъ заглавія интересующаго насъ памятника отреченной литературы, содержаніе котораго касается какого-то русскаго суевѣрія, по нашему мнѣнію, таковъ: И было (случилось, произошло) въ Навій день (по тексту памятника внаве, какъ говорятъ,—это было въ ноци) на томъ мѣстѣ, гдѣ происходили неистовыя празднества съ хороводами въ честь Ярилы **) (по тексту рукописи: на рѣзилово колѣ).

Думаемъ, что въ интересахъ науки слѣдовало бы напечатать весь индексъ, заключающійся въ приобрѣтенномъ П. О. Симсономъ рукописномъ памятникѣ. Это вызвало бы ученое сужденіе специалистовъ, посвятившихъ себя научному изслѣдованію памятниковъ отреченной литературы.

И. Четыркинъ.

---

*) рѣзати, рѣзаніе (въ Златост. XVI в.) См. Lexicon Miklosich'a, стр. 808.

**) О безнравственномъ чествованіи Ярилы см. Афанасьева «Поэтич. Возвр. славянъ на природу» ч. 1, стр. 432—448.

ВУКЪ КАРАДЖИЧЪ И ЕГО СБОРНИКЪ НАРОДНЫХЪ СЕРБСКИХЪ ПЪСЕНЪ.

(Продолженіе).

V.

Ко второму отдѣлу относятся пѣсни, предметомъ которыхъ служить разсказъ о дѣяніяхъ королей изъ дома Немани. Пѣсень съ такимъ содержаніемъ замѣчательно мало. Изъ всѣхъ дѣлъ Неманичей упоминаются только монастыри, къ которымъ сербы питали священное и глубокое уваженіе. Одинъ изъ такихъ монастырей, самый замѣчательный, монастырь Хилиндарскій на Аео-нѣ, основанъ, по преданію, Неманей. Въ години бѣдствій и тяжкихъ испытаній онъ служилъ прибѣжищемъ для серба; подлѣ него сербъ легче забывалъ настоящее и не терялъ надежды на лучшее будущее. Такое важное значеніе монастырей не могло не уцѣлѣть въ народной памяти; между тѣмъ какъ всѣ кровопролитныя войны первыхъ королей Неманичей прошли для сербовъ безслѣдно и не оставили по себѣ никакого почти воспоминанія. Самый блистательный Сербскій царь *Imperator Romanorum et Serborum*, Стефанъ Душанъ Сильный, при которомъ Сербія достигла высшаго политическаго могущества, стоитъ какъ бы въ сторонѣ отъ народнаго эпоса. Пѣсни затрогиваютъ не подвиги его, а скорѣе его частную семейную жизнь.

Такъ пѣсня «Женидба Душанова» повѣствуетъ о женитьбѣ Стефана Душана на Роксандѣ, дочери латинскаго царя Михаила. Царь Стефанъ, говорится въ пѣснѣ, посылаетъ своего вѣрнаго визиря Тодора къ латинскому царю Михаилу для переговоровъ о сватбѣ. Будущій тестъ запрещаетъ жениху въ числѣ сватовъ приводить храбрыхъ родственниковъ Войновичей. Душанъ соглашается и отправляется изъ Призрена за не вѣстой. Когда онъ былъ подѣ Вучитрномъ, Войновичи увидали его и, хотя сами не были приглашены, все-таки рѣшили послать за царемъ младшаго изъ Войновичей, Милоша. Братья одѣваютъ Милоша въ болгарскую одежду и учатъ его на случай, если спросятъ откуда онъ, сказать, что изъ земли Каравлашской и служилъ у Радулъ бега. Милошъ во все время выдерживалъ роль бол-

гарина. Онъ совершилъ нѣсколько геройскихъ подвиговъ, назначенныхъ Латинскимъ царемъ: 1) перескочилъ черезъ трехъ осѣдланныхъ коней, съ мечами на сѣдлахъ, обращенными къ верху остріемъ, 2) попалъ стрѣлою сквозь перстень въ яблоко, 3) узналъ изъ трехъ одноликихъ дѣвушекъ невѣсту. Пѣсня эта бросаетъ нѣкоторый свѣтъ на отношеніе сербовъ къ болгарамъ въ древнія времена. Вездѣ въ пѣснѣ слышится нѣкоторая насмѣшка, даже отчасти презрѣніе серба къ болгарину.

Другая пѣсня «Какъ се крсно име служи» интересна въ томъ отношеніи, что характеризуетъ нѣкоторымъ образомъ отношеніе народа къ политической дѣятельности Стефана Сильнаго. Достигнувъ апогея своей силы и славы, Душанъ хотѣлъ измѣнить государственнй образъ Сербіи. Онъ плѣнился роскошью и блескомъ Византійскаго двора и пожелалъ ввести нѣчто подобное въ своемъ государствѣ. Народъ отнесся къ этому холодно и несочувственно, что и выразилъ отчасти въ пѣснѣ «Какъ се крсно име служи». Въ день своихъ именинъ царь Стефанъ созываетъ на пиръ гостей. По народному, для всѣхъ обязательному, сербскому обычаю, царь самъ прислуживаетъ своимъ гостямъ. Сидѣвшее за столомъ духовенство, зараженное уже византійскими взглядами, замѣчаетъ Стефану, что имъ смотрѣть на это зазорно и обидно и что у царя есть на то слуги. Царь соблазнился рѣчами духовенства и сѣлъ за столъ, а обносить гостей виномъ и яствами заставилъ слугъ.

«Какъ стоялъ Стефанъ передъ гостями,

«За плечами его стоялъ Архангелъ,

«Крыльями его приосѣняя;

«А какъ сѣлъ Стефанъ съ гостями рядомъ,

«Прогнѣвился на него Архангелъ,

«По лицу крыломъ его ударилъ

«И съ трапезы царской удалился“.

Никто не видѣлъ того, что произошло. Одинъ только старецъ удостоился видѣть. Онъ увидѣлъ и заплакалъ. Къ нему подошелъ царскій прислужникъ и, замѣ-

тивъ у него слезы на глазахъ, спросилъ о причинѣ плача. Старецъ передалъ прислужнику чудное видѣніе, а прислужникъ въ свою очередь передалъ царю Стефану. Царь поспѣшно всталъ изъ за трапезы и вмѣстѣ съ духовенствомъ сталъ молиться о прощеніи грѣха

«И царя помиловалъ Угодникъ,

«Отпуская грѣхъ ему великій,

«Что съ гостями сѣлъ онъ за трапезу,

«Въ честь святаго не наполнилъ чаши

«И о Богѣ духомъ не смирился».

Въ пѣснѣ «Смрт Душанова» разсказывается о послѣднихъ минутахъ жизни Стефана. Когда Сербскій царь опасно занемогъ, царица Роксанда сзываетъ всѣхъ воеводъ на совѣтъ по вопросу о престолонаслѣдованіи. Воеводы собрались и застали еще въ живыхъ царя Стефана. Царь обвелъ глазами всѣхъ воеводъ и, остановившись на Вукашинѣ, обратился къ нему съ такими словами: «Вукашинъ, кумъ мой милый! Завѣщаю тебѣ мое царство. Завѣщаю тебѣ всѣ города мои и всѣхъ воеводъ моихъ. Завѣщаю тебѣ моего слабаго Уроша, семь лѣтъ царствуй, а на осьмой годъ отдай царство мое Урошу». Вукашинъ сталъ отказываться. «Немогу я, говорилъ Вукашинъ, царствовать: у меня есть сынъ самовольный, Маркъ Краевичъ, куда идетъ, никого онъ не спрашиваетъ, гдѣ ни сядетъ, всюду пьетъ вино и все хлопочетъ о томъ, какъ бы ссору затѣять.» Стефанъ Душанъ все-таки продолжаетъ просить его принять престолъ и сына; повторяя эти слова, онъ и умеръ. По смерти Душана правителемъ Сербіи сдѣлался Вукашинъ. Народная сербская пѣсня выставляетъ его въ несочувственномъ свѣтѣ. Не смотря на то, что по смерти Душана прошло уже не семь лѣтъ, а шестнадцать.

Вукашинъ продолжалъ править царствомъ. Народъ терпѣлъ много несправедливостей и замѣтно бѣднѣлъ. Когда Урошъ вполнѣ возмужалъ, онъ заспорилъ съ Вукашиномъ о правахъ на престолъ. Въ пѣснѣ «Урошъ и Мрѣлавчевићи» такъ изображается споръ за престолъ. На Косовомъ полѣ собрались претенденты на Серб-

скій престолъ: Урошъ, сынъ Душана, Вукашинъ и два его брата—Угнѣша и Гойка, которыхъ мы уже встрѣчали въ пѣснѣ «Зиданье Скадра». Споръ чуть не дошелъ до ножей. Юный Урошъ сидѣлъ тоже и молчалъ. Вукашинъ, чтобы разрѣшить споръ, пишетъ письмо въ Призрень къ священнику Недѣлкѣ, который исповѣдалъ и причастилъ царя и у котораго, по всей вѣроятности, находятся книги, гдѣ сказано, кому долженъ послѣ смерти Душана принадлежать престолъ. Священникъ явился и заявилъ спорившимъ, что онъ не можетъ этого рѣшить, а если имъ угодно знать правду, то пусть спросятъ у Марко Кралевича, который знаетъ, кому должно принадлежать царство. Претенденты посылаютъ за Марко Кралевичемъ. Марко беретъ книги и отправляется.

Отецъ радуется такому случаю. На другой день по прибытіи Марко-Кралевича, всѣ, выслушавши обѣдню, вышли изъ церкви и сѣли за столъ. Марко раскрылъ книги, читаетъ ихъ и вмѣстѣ упрекаетъ какъ отца, такъ и дядей въ незаконномъ и несправедливомъ домогательствѣ чужаго царства. Престолъ, прочелъ онъ, принадлежитъ Урошу, ему назначилъ при смерти Душанъ, отецъ его. Вукашинъ пришелъ въ ярость отъ такого рѣшенія и бросился на сына съ ножомъ. Марко пустился бѣжать, обѣжалъ три раза церковь, вотъ уже почти настигнулъ его Вукашинъ, какъ изъ церкви послышался голосъ: «бѣги въ церковь, Королевичъ Марко». Марко вбѣжалъ, дверь захлопнулась, отецъ ударилъ ножомъ по церковной двери, и изъ двери закапала кровь. «Погубилъ я своего сына», закричалъ онъ. «Нѣтъ», отвѣчалъ голосъ изъ церкви: «ты не Марко поразилъ, поразилъ Божьяго Ангела». Мысль о карѣ, которая можетъ ему грозить за подобное преступленіе, вмѣсто того чтобы смирить Вукашина, подстрекаетъ его только отомстить виновнику-сыну самую ужасною местию: проклясть сына, обрекая его на служеніе туркамъ: «Сынъ Марко, да убьетъ тебя Богъ! Будь лишенъ и града и потомства, а душѣ твоей не выйти изъ тѣла, пока вдоволь не послужишь ты турецкому царю. Злое заклятіе Вукашина

сбывается. По первобытному народному повѣрью, всякій заговоръ, съ какимъ бы умысломъ онъ не соединялся, сбывается въ точности. Злому заклятію Вукашина противопоставляются благословенія благодарнаго ему Уроша:

«Кумъ мой Марко, Богъ тебѣ на помощь!

«Чтобъ лице твое сіяло въ думѣ,

«А копье въ бою не уставало.

«Чтобъ сильнѣе не было юнака,

«И пока луна и солнце свѣтять,

«О тебѣ жива была бы память!».

Благословеніе Уроша дѣйствуетъ съ тою же силою, какъ и проклятіе Вукашина. Вскорѣ Урошъ погибъ отъ руки Вукашина. Убійца его сдѣлался царемъ. Вукашинъ не долго царствовалъ, онъ въ 1371 г. палъ въ одной битвѣ съ турками. Со смертію Вукашина Сербія начала замѣтно слабѣть отъ внутреннихъ неурядицъ. Явилось много претендентовъ на Сербскій престолъ, между которыми возвысился Лазарь.

VI.

Съ именемъ Лазаря связано величайшее событіе Сербской исторіи—Косовская битва, бывшая 15-го іюня 1389 г. Пѣсни о Косовской битвѣ составляютъ особый циклъ и начинаютъ собою третій отдѣлъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Во главѣ пѣсенъ этого цикла мы поставимъ ту пѣсню, въ которой заключаются пророческія слова о будущемъ порабоженіи сербовъ турками и объ окончательномъ паденіи Сербскаго государства. Эта пѣсня носитъ названіе «Зиданье Раванице». Въ день именина царя Лазаря собрались къ нему всѣ баны, князья и воеводы. Во время пира вышла къ пирующимъ царица Милица и предложила Лазарю, по примѣру своихъ предковъ, построить церковь на поминъ души. Предложеніе царицы понравилось Лазарю, и онъ далъ обѣщаніе построить такой храмъ, какого не бывало еще въ Сербскомъ царствѣ.

«Изъ свинцу солью основу,
«Изъ сребра поставлю стѣны,
«Краснымъ золотомъ покрою,
«А внутри весь изукрашу
«Крупнымъ жемчугомъ заморскимъ
«И каменѣмъ самоцвѣтнымъ.
«Да во славу христіанамъ
«Онъ на всю сіяетъ землю».

Повставали съ своихъ мѣстъ всѣ князья, баны и воеводы, похвалили мысль цареву. Одинъ только воевода Милошъ, по прозванію Обиличъ, не всталъ съ своего мѣста и не выразилъ своего одобренія. Царь Лазарь замѣтилъ это и спросилъ о причинѣ его грусти. Милошъ быстро поднялся съ своего мѣста и, обращаясь къ царю, сказалъ:

«Прочиталъ ли ты въ писаньи,
«Во святыхъ старинныхъ книгахъ,
«Что стоитъ про наше время?
«Наше время на исходѣ:
«Близокъ часъ, въ онъже турокъ
«Придетъ на нашу землю,
«Царство Сербское разрушить,
«Поплѣнитъ народъ въ работу».

Далѣе, Милошъ Обиличъ продолжаетъ, что если царь дѣйствительно приведетъ свое намѣреніе о построеніи задуманной имъ церкви въ исполненіе, то придетъ поганый турокъ и разнесетъ все прекрасное зданіе: изъ свинцу нальетъ ядеръ, которыми будетъ громить сербскіе города, серебряныя стѣны употребитъ на сбруи лошадамъ, драгоценныя камни вдѣлаетъ въ эфесы сабельныя, золото и жемчугъ заберетъ своимъ женамъ и наложницамъ на мониеты и повязки. Затѣмъ Милошъ предлагаетъ Лазарю вмѣсто задуманной имъ церкви построить церковь изъ камня сѣраго, которая бы сіяла, вмѣсто золота и серебра, небесной свѣтлой славой. На такую церковь не польстится турокъ и она будетъ стоять и послѣ разрушенія Сербскаго царства и плѣненія сербскаго народа.

Главными дѣйствующими лицами знаменитой Косовской битвы, по пѣснямъ, были: князь Лазарь, Милошъ Обиличъ, или по другому прозвищу Кобыличъ, Югъ Богданъ со своими девятью сыновьями, Янко Юришичъ, воевода Владета и измѣнникъ Вукъ Бранковичъ. Самая битва воспроизведена во многихъ пѣсняхъ въ высшей степени яркими и художественными красками. Мы передадимъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ такихъ пѣсень. Наканунѣ Косовской битвы собрались у Лазаря всѣ выдающіеся лица Сербскаго княжества. Всѣ сидятъ за столомъ. Съ правой стороны старый Югъ Богданъ и съ нимъ девять Юговичей, съ лѣвой Вукъ Бранковичъ и всѣ остальные господа. Противъ Лазаря воевода Милошъ, а около Милоша двое сербскихъ воеводъ: одинъ Иванъ Косанчичъ, другой Миланъ Топлица. Поднимаетъ царь золотой кубокъ и говоритъ гостямъ: «За чье здоровье выпить мнѣ этотъ кубокъ вина? Если пить по старшинству, выпить слѣдуетъ за стараго Югъ-Богдана, по господству за Вука Бранковича, по любви за братьевъ Юговичей, по красотѣ—за Косанчича, по росту—за Топлицу, по удали и храбрости—за воеводу Милоша. Не стану пить ни за кого другого, вынью за здоровье Милоша-Обилича. Будь здоровъ, Милошъ! вѣра и не вѣра, сперва вѣра, а потомъ невѣра! Завтра выдашь ты меня на Косовѣ, перебъжишь ты къ турецкому царю Мурату. Будь же здоровъ и выпей здравицу: вино выпей, а кубокъ въ даръ тебѣ». Вскочилъ Милошъ, поклонился до земли и сказалъ: «Спасибо тебѣ, славный князь Лазарь за твою здравицу и за подарокъ, а не спасибо тебѣ на такой бесѣдѣ! Клянусь тебѣ вѣрой, я невѣрой никогда не былъ, никогда и не буду. Завтра на Косовомъ за христіанскую вѣру я думаю голову сложить. А невѣра у тебя подлѣ колына сидитъ, изъ-подъ полы пьетъ холодное вино, проклятый Вукъ Бранковичъ! Завтра Видовъ день, на полѣ Косовомъ будетъ видно, кто вѣра и кто невѣра. Богомъ Великимъ клянусь! Пойду я завтра на Косово и заколю турецкаго царя Мурата и наступлю ему ногою на горло. А если допустить меня

Богъ вернуться съ битвы въ Крушевацъ, схвачу я Вука Бранковича, привяжу его къ копыю боевому, да и понесу на Косово поле».

Царица Милица, накануне роковой битвы, сидя за ужиномъ вмѣстѣ съ своимъ Лазаремъ, обратилась къ нему съ такой просьбой: «Ты послушай, Государь мой Лазарь, золотая сербская корона! Ты завтра уходишь на Косово, берешь съ собою воеводу и слугъ, а здѣсь никого не оставляешь, кто бы могъ съ письмомъ къ тебѣ отъѣхать на Косово и назадъ вернуться. Ты уводишь моихъ девять братьевъ, Юговичей храбрыхъ; хоть одного бы изъ нихъ оставилъ мнѣ». Царь Лазарь предлагаетъ назвать того изъ братьевъ, котораго бы она желала имѣть при себѣ. Милица указала на меньшаго Юговича Бошко. Тогда Лазарь сказалъ: «Завтра утромъ, когда станеть разсвѣтать, ты иди къ городскимъ воротамъ. Какъ пойдетъ рядами наше войско, передъ ними будетъ Бошко Юговичъ, онъ будетъ нести войсковое знамя; ты ему скажи, что я позволяю ему остаться съ тобою въ теремъ. Настаетъ утро. Царица дожидается у воротъ и видитъ Бошко, который несетъ войсковое знамя. Она бросается къ нему, обнимаетъ его и говоритъ, что царь позволяетъ ему не итти на битву. Бошко Юговичъ отвѣчаетъ:

«Воротися ты въ свой теремъ бѣлый,

«Мнѣ не слѣдъ съ тобою оставаться.

«Покидать святое наше знамя,

«Хоть дари мнѣ царь свой градъ Крушевацъ!

«Что тогда заговорить дружина?

«Окаянный трусъ, измѣнникъ Бошко!

«Онъ итти боится на Косово,

«Кровь пролить за честный крестъ Господень!

«Умереть за вѣру за святую!»

Сказавъ эти слова, Бошко промчался въ ворота. Тогда Царица дожидается другаго своего брата Юговича-Воина, но и этотъ отказывается остаться съ нею.

«Воротись сестра въ свой теремъ бѣлый

«Мнѣ не слѣдъ съ тобой оставаться;

«И коней передавать царевыхъ,

«Хоть бы зналъ, что лягу на Косовѣ!

«Нѣтъ, я ѣду въ чистое поле

«Кровь пролить за честный крестъ господень,

«Умереть за вѣру за святую».

Услышавъ эти слова, царица упала безъ чувствъ на землю. Вотъ ѣдетъ и самъ князь Лазарь. Видитъ свою жену, озирается и подзываетъ слугу Голубана, которому приказываетъ отнести царицу въ теремъ и остаться при ней. Голубанъ заплакалъ; взялъ царицу и отнесъ въ высокій теремъ, но не могъ онъ одолѣть сердца, не итти съ братьями на битву: воротился, снова сѣлъ на коня и поѣхалъ на Косовское поле. Рано утромъ, въ день битвы, Милошъ Обиличъ, рассказываетъ пѣсня, отошелъ отъ Сербскаго лагеря и спрашивалъ у Ивана Косанчича о количествѣ турецкихъ войскъ и о силѣ его. «Превратись мы всѣ въ соль, не посолили бы туркамъ и обѣда», отвѣчаетъ Косанчичъ. Затѣмъ Милошъ спрашиваетъ у Косанчича о мѣстѣ, гдѣ находится лагерь Мурата. «Даль я», говоритъ онъ: «слово князю заколотъ турецкаго царя». «Глупъ ты», говоритъ Косанчичъ: «шатерь Мурата среди сильнаго турецкаго табора; еслибъ ты имѣлъ соколиныя крылья, да упалъ бы съ неба, все бы перья назадъ мяса не вынесли». Тогда Милошъ сталъ заклинять Косанчича не говорить Лазарю о числѣ и силѣ турецкаго войска, думая, что отъ такихъ разсказовъ все войско переполошится. На зарѣ проснулись всѣ воеводы и выступили со своими отрядами на Косово поле. Милошъ Обиличъ ранѣе всѣхъ очутился на Косовомъ полѣ. Еще солнце не всходило, а онъ уже стоялъ передъ султанскимъ шатромъ. Турки, завидя Обилича, донесли объ этомъ своему султану; Муратъ велѣлъ ввести его въ шатерь. На замѣчаніе султана, зачѣмъ пришелъ онъ разсматривать его войско, Милошъ отвѣчалъ, что онъ отошелъ отъ войска Лазаря и пришелъ помогать ему. Султанъ предложилъ ему исполнить прежде всего заведенный у него обычай: всякій приходящій долженъ былъ поклониться и поцѣловать

колѣно правой ноги. Милошъ нагнулся, какъ бы желая поцѣловать его колѣно, и выхватилъ золотой свой кинжалъ и вонзилъ его въ Султана, потомъ отскочилъ и еще разъ вернулся, чтобы придавить его ногою. Затѣмъ быстро выскочилъ изъ его шатра и помчался на Косово поле. Турки крикнули: Милошъ ударилъ царя, но не убилъ его. Въ погоню за нимъ помчалась вся турецкая сила. Милошъ, видя вокругъ себя множество турокъ, выхватилъ саблю и избилъ многихъ турокъ, но потерялъ всѣхъ своихъ слугъ. Въ это время послышался съ облаковъ голосъ: «Турки, не видите ли, пусть выпадутъ у васъ черные глаза! что Милошъ закованъ въ броню, и подъ нимъ его лихой конь: истребить онъ васъ всѣхъ до единого. Бросайте ему подъ коня щиты и сабли». Споткнулся лихой конь Милоша; турки воспользовались этимъ моментомъ и отрубили ему правую ногу. Милошъ схватилъ свое боевое копье и сталъ опираться на него вмѣсто ноги. Находясь въ такомъ отчаянномъ положеніи, онъ крикнулъ, что было силы: «Гдѣ ты, князь Лазарь? Помоги мнѣ теперь или никогда больше! Я прогналъ турокъ къ быстрой рѣкѣ Ситницѣ, нѣкоторыхъ убилъ, а нѣкоторые потонули». Все это слышалъ хорошо измѣнявикъ Вукъ Бранковичъ. Онъ произнесъ такіа слова: «Держись, Милошъ, покуда хочешь биться съ турками. Теперь ты выколотишь мнѣ всѣ зубы до единого!» Князь Лазарь говоритъ своему зятю Вуку. «Замолчи, зять Вукъ! Онѣмѣй у тебя тонкое горло! Я услышалъ теперь чей то голосъ вдалекѣ, какъ кажется, голосъ Милоша Обилича. Страхъ меня охватываетъ, что онъ въ великой бѣдѣ». Лазарь и Вукъ Бранковичъ вскочили на своихъ коней, но тутъ подоспѣли турки и ударили на нихъ. Лазаря разбили, а Вукъ Бранковичъ отступилъ со своими войсками на зеленныя горы; Лазаря схватили турки живымъ и привели къ еще живому Мурату, съ нимъ вмѣстѣ привели и Милоша Обилича. Муратъ сказалъ своимъ пашамъ и визирамъ: «Когда я буду разставаться съ своей душой, отрубите вы голову славному князю Лазарю и Милошу Обиличу; похорони-

те меня на Косовомъ полѣ, подѣ ноги мои положите славнаго князя Лазаря, а Милоша Обилича у моей правой руки». Милошъ, услышавъ слова царя, сталъ умолять Мурата положить его, Милоша, подѣ ноги царя, а Лазаря у правой руки, чтобы быть ему, князю Лазарю, слугой и въ черной матери землѣ, точно также какъ онъ былъ хорошимъ ему слугой и при своей жизни. Смиловался на эти слова царь Муратъ. Когда Лазарь услышалъ слова своего зятя, слезы полились по его блѣмому лицу, и, обращаясь къ Милошу, произнесъ ему такіа слова: «Блаженна мать твоя, которая тебя родила; тобою я всегда славился между братьями и господами! Да будетъ проклята мать, которая родила Вука: онъ опозорилъ меня, онъ выдалъ меня на Косовомъ полѣ». Еще хотѣлъ Лазарь побесѣдовать съ Милошемъ, но царь Муратъ испустилъ духъ. Турки отрубили головы славному князю Лазарю и Милошу Обиличу, Лазаря похоронили у царя по правою руку, а Обилича подѣ ногами Мурата. Такъ рассказываютъ народныя пѣсни о знаменитой битвѣ на Косовомъ полѣ. На другой день, рано утромъ, прилетѣли два черныхъ ворона, спустились и сѣли на царскій теремъ. Одинъ каркнулъ, а другой промолвилъ: Это не царскій теремъ! Что въ немъ никого не видно? Не слыхалъ этого никто въ теремѣ, кромѣ царицы Милицы. Она выходитъ изъ терема и спрашиваетъ вороновъ:

«Вы откуда, два ворона, такъ рано?»

«Не съ Косова-ль поля боевого?»

«Не видали-ль тамъ двухъ сильныхъ ратей?»

«Не видали-ль какъ они сразились,

«И какое войско побѣдило?»

Вороны отвѣчаютъ царицѣ: «Мы летимъ съ Косова поля, видѣли тамъ два войска, два царя тамъ головы сложили, отъ турокъ остались немногіе; а отъ сербовъ кто и остался, всѣ изранены и окровавлены». Когда они говорили, подѣхалъ окровавленный Милютинъ. царица пристаетъ къ нему съ вопросами относительно Косовскаго боя и о гибели царя Лазаря и своихъ род-

ственниковъ. Милютинъ отвѣчаетъ: «Всѣ остались на Косовомъ полѣ! Тамъ, гдѣ погибъ нашъ славный царь Лазарь, много поломано копій и турецкихъ и сербскихъ. Югъ погибъ при началѣ боя, при началѣ боя погибло и восемь Юговичей, но уцѣлѣлъ Вошко. Гдѣ кровь пролилась до колѣна, тутъ погибъ Бановичъ Стражениа. Милошъ погибъ у студеной рѣки Ситницы, гдѣ много погибло турокъ; Милошъ убилъ турецкаго царя Мурата и 12 тысячъ турокъ; да спасетъ Богъ того, кто родилъ его.

«По себѣ оставилъ онъ память,

«Вѣкъ о немъ рассказывать будутъ,

«Пока есть жива душа на свѣтѣ

«И стоитъ Косово чисто поле!

«А что спрашиваешь ты про Вука;

«Будь онъ проклятъ и съ отцомъ будь проклятъ!

«Проклятъ будь и родъ его и племя:

«Онъ царя выдалъ на Косовѣ

«И увелъ съ собою двѣнадцать тысячъ,

«Какъ и самъ, измѣнниковъ лютыхъ».

Не вынесла Милица горя и пала мертвою на земь. Таковъ былъ, по пѣснямъ, конецъ и матери девятирехъ Юговичей.

Въ каждой почти пѣснѣ про Косовскую битву Вукъ Бранковичъ проклинается за свою измѣну. Въ противоположность ему Милошъ Обиличъ, любимѣйшій герой сербскаго народнаго эпоса и главный дѣятель въ Косовской битвѣ, прославляется. Во всѣхъ пѣсняхъ про Косовскую битву Милошъ Обиличъ рисуется глубокимъ патриотомъ и героемъ, вездѣ онъ представляется вѣнцемъ съ замѣчательно симпатичными чертами характера. Въ дѣйствіяхъ своихъ онъ поступаетъ обдуманно, нравъ имѣетъ мягкій, не способенъ, по мягкости своего характера, исполнять даже приказанія своего государя, отличающіяся жестокостью. Такъ, онъ спасъ отъ смерти Юго-Богдана и девять его сыновей, навлекшихъ на себя гнѣвъ Лазаря въ высшей степени неблаговидными поступками и ужасною страстью къ наживѣ.

Патріотизмъ его подтверждается тѣмъ отчаяннымъ и вмѣстѣ геройскимъ поступкомъ съ султаномъ Муратомъ, которымъ онъ думалъ оправдать себя въ глазахъ Лазаря и вмѣстѣ доставить сербамъ побѣду. Мы уже сказали, что симпатіями народа пользовался и другой герой Косовской битвы князь Лазарь. Народъ питалъ къ послѣднему своему царю особенное уваженіе, дошедшее до того, что по смерти онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ: народъ сербскій и по сей день празднуетъ память его въ такъ называемую Лазареву Субботу. Въ пѣснѣ: «Пропастъ прства Српского», князю Лазарю предоставленъ былъ выборъ между земнымъ и небеснымъ царствомъ, и онъ предпочелъ небесное, потому что земное царство не на долго, а царство небесное на вѣки. Изъ другихъ героевъ Косовской битвы, сложившихъ свои головы за свободу своего народа и вѣру, упоминаются въ пѣсняхъ знакомый уже намъ Югъ-Богданъ со своими девятью сыновьями, Иванъ Косанчичъ, Миланъ Топлица, Вукашинъ умершій, какъ извѣстно, ранѣ Косовской битвы, Марко Краевичъ, совсѣмъ неучаствовавшій въ ней, Янко Юришичъ и нѣкій витязь Орловичъ, который упоминается въ пѣснѣ «Косовка джевојка». Эта пѣсня такъ хороша по своимъ поэтическимъ достоинствамъ, что мы позволимъ себѣ изложить здѣсь ея содержаніе. Въ пѣснѣ «Косовка джевојка» передается посѣщеніе дѣвушки Косова поля на другой день послѣ битвы. Въ воскресенье, рано утромъ, прежде восхода солнца встала дѣвица Косовка, засучила рукава до бѣлыхъ локтей, на плечи положила бѣлый хлѣбъ, взяла два сосуда, одинъ наполнила водою, другой краснымъ виномъ и отправилась на Косово поле. Она проходитъ по полю, осматриваетъ славныхъ князей мертвыхъ, а кого застаетъ еще въ живыхъ, умываетъ чистою водою, поить виномъ и кормить хлѣбомъ бѣлымъ. Проходя по полю, наткнулась она на витязя Орловича. Онъ еще былъ живъ, рука правая была отрублена у него, ноги лѣвой также не было, ребра были перебиты и изъ подъ нихъ виднѣлась печонка. Красная дѣвица подняла его

изъ крови, умыла его чистою водою, напоила краснымъ виномъ и ожилъ витязь молодой Орловичъ. И говоритъ онъ дѣвицѣ: Сестра моя ты дорогая. Что приневолило тебя здѣсь въ крови ворочать мертвыхъ? Или ты ищешь роднаго брата или престарѣлаго отца. Дѣвица отвѣчаетъ: Милый братъ, невѣдомый мнѣ витязь! Не ищу я никого изъ нихъ, не лежатъ здѣсь мои родные! Развѣ ты не знаешь, какъ царь Лазарь причащалъ въ церкви Грачаницы свое большое войско? Ровно три недѣли причащалъ онъ войско. Причастилось сербское войско, а за войскомъ воеводы и отправились всѣ на битву. Я въ то время у воротъ стояла. Самымъ первымъ выступилъ воевода Милошъ, за нимъ Иванъ Косанчичъ, за Косанчичемъ Миланъ Топлица. Идетъ Милошъ, по камнямъ стучитъ кривая сабля, на макушкѣ надѣта шелковая шапка съ серебряннымъ султаномъ, на груди дорогая кольчуга, на шеѣ шелковый платокъ. Витязь, идучи, глянулъ на меня, снялъ съ себя кольчугу дорогу и подаль мнѣ ее, говоря: на, возьми кольчугу, по кольчугѣ ты меня вспомнишь и проведичаешь, я на смерть иду, на гибель, съ храбрымъ войскомъ царя Лазаря; ты душа моя, молися Богу, чтобы здоровымъ вышелъ я изъ бою; счастье я за то твое устрою: Я тебя возьму Милану въ жены, Милошу, моему побратиму; за нимъ выступалъ Иванъ Косанчичъ въ такомъ же нарядѣ. Обернувшись, глянулъ на меня и, снявъ съ руки драгоценный перстень, подаль мнѣ со словами: На, возьми, дѣвица, перстень, этимъ перстнемъ ты меня помянешь, какъ зовутъ меня проведичаешь; я на смерть иду, на гибельную, съ храбрымъ войскомъ царя Лазаря. Ты, душа моя, молися Богу, чтобы оттуда я вернулся здоровымъ; счастье я твое устрою; я возьму тебя Милану въ жены, моему побратиму. За нимъ шелъ Миланъ Топлица. Обернулся, глянулъ на меня, снялъ съ руки убрουςъ златотканый и подаль мнѣ, сказавши между прочимъ, что буду я его вѣрною женою; ихъ-то я ищу теперь по Косову полю. Орловичъ указавъ на разбросанные по полю копья, на кровь пролитую, сказалъ: «тутъ

легли герои—воеводы. Воротись ты, дѣвица, домой! зачѣмъ кровавить рукава и полы!» Лишь услышала тѣ рѣчи, залилась слезами горькими молодая дѣвица, зарыдала жалостно и громко:

«На роду написано мнѣ горе:

«Подойду лишь къ зеленому дубу—

«Глядь: зеленый выцвѣлъ весь и высохъ»!

Мы упоминаемъ еще о героѣ Юришичѣ. Про него есть одна пѣсня, которая можетъ быть названа чисто богатырскою. Въ пѣснѣ этой, подъ названіемъ «юричихъ жанка», примѣшивается отчасти чудесный элементъ. Въ Юришичѣ проявляется чисто богатырская стихія; онъ одинъ расправляется съ двумя стами янычаръ. «Кто-то стонетъ въ городѣ Стамбулѣ: вила ли эта или злая гуя. То не вила, то не злая гуя». Стонетъ молодецъ Юришичъ-Янко. Янко запертъ въ темницу и страдаетъ тамъ уже три года. Тамъ ему тяжело и горько, стонетъ онъ и вечеромъ и утромъ. Надоѣлъ онъ ужъ и стѣнамъ холоднымъ, не только Сулейману царю. Вотъ приходитъ Сулейманъ, подходитъ къ воротамъ темницы и громко кричитъ:

«Будь ты проклятъ, гауръ окаанный!

«Что съ тобою за бѣда такая,

«Что воешь ты въ моей темницѣ?

«Не поять тебя, или не кормятъ?

«Или плачешь по какой гаурѣ?»

Янко отвѣчаетъ Сулейману, что сидѣть ему въ темницѣ его больше не въ терпѣжъ и предлагаетъ дать ему за свое освобожденіе какой угодно выкупъ. Сулейманъ отвергаетъ его просьбу и спрашиваетъ, какъ зовутъ тѣхъ воеводъ, которые заповолонили все его войско, когда оно проходило по Косовскому полю. Янко называетъ: самый первый сильный воевода, который постѣкъ и разогналъ турокъ, потопилъ ихъ и въ Лабѣ и въ Ситницѣ, это былъ самъ Королевичъ Марко, а другой великій воевода—это Огникъ Недоростокъ, а послѣдній славный воевода, который сломалъ о турокъ свою кри-

вую саблю, который навизывалъ на пику турокъ и погналъ ихъ передъ собою въ Лабу и Ситницу—этого зовутъ Юрипичъ Янко, тотъ самый, который сидитъ теперь въ твоей темницѣ. Дѣлай теперь съ нимъ, что хочешь. Сулейманъ на это отвѣчаетъ: вотъ, какой ты гяуръ окаянный! Скажи теперь, какую желаешь смертью умереть, хочешь—утопать въ морѣ, или изжарять на огнѣ, а то къ лошадямъ привяжутъ и разнесутъ онѣ тебя на части. Янко отвѣчаетъ Сулейману: говорить ты можешь, что угодно, но вѣдь муки никому не милы, а когда ужъ смерти не миновать, то послушай: я тебѣ не рыба, чтобы въ море ты меня закинулъ, не колода, чтобы огнемъ меня спалили, не блудница, чтобы меня конями разрывали на части, но витязь я изъ витязей добрыхъ. Дай ты мнѣ старую лошадь, которая тридцать лѣтъ стояла безъ дѣла, дай тупую саблю, тридцать лѣтъ неточенную вовсе, пусти меня потомъ въ поле и выведи противъ меня двѣсти янычаръ, пусть они на сабли меня возьмутъ и погибну я, какъ добрый витязь! Сулейманъ согласился на его предложеніе. Скоро Янко очутился въ полѣ, а за нимъ бѣжали двѣсти янычаръ; одинъ было замахнулся саблею надъ его головой, и чуть чуть не нагналъ Янко, только Янко скоро спохватился. Помынулъ онъ истиннаго Бога, выхватилъ свою заржавленную саблю и закололъ басурмана. Янко мигомъ перемѣнилъ свою лошадь и саблю на саблю и лошадь убитого имъ янычара и давай косить янычаръ, половину ихъ онъ посѣкъ саблей, а другую половину онъ, какъ стадо, пригналъ къ самому султану Сулейману, а потомъ здоровымъ, цѣлымъ и веселымъ ускакалъ онъ домой по чистому полю. Что касается другихъ пѣсень про Косовскую битву, то содержаніемъ ихъ служатъ различные эпизоды изъ этой битвы: плачь и стонъ женъ, потерявшихъ своихъ любимыхъ супруговъ; матерей, лишившихся своихъ дѣтей; рыданіе и отчаяніе невѣстъ, потерявшихъ, быть можетъ, наканунѣ свадьбы, своихъ жениховъ. Грустный тонъ и какая то покорность судьбѣ слышатся во всѣхъ почти пѣсняхъ Косовскаго цикла.

Пѣсни этого цикла отличаются высокими поэтическими достоинствами и могутъ быть названы цвѣтками сербскаго народнаго эпоса. Въ нихъ выразилась высшая степень народнаго поэтическаго совершенства. Тѣмъ же качествомъ и въ той же степени отличаются и пѣсни про Марка Кралевича.

VII.

Марко Кралевичъ любимѣйшій и самый популярный народный герой. Наружность его была такова, что когда увидала его сноха Вучи, ее схватила трехгодовая лихорадка. Она говорить о немъ, что онъ не такой юнакъ, какъ прочіе: на плечахъ волчья шкура, на головѣ шапка волчья, въ зубахъ держитъ что-то черное, словно полугодоваго ягненка, — это были усы. Марко обладаетъ необыкновенною силою и отвагой; все трепещетъ передъ нимъ, даже вилы боятся его и повинуются ему. Отправляясь на подвиги, онъ напивался вина, коня своего Шарца онъ приучилъ къ тому же. Онъ не пьетъ вино, чѣмъ пьютъ люди, а пьетъ тазомъ въ 20 окъ; половину пьетъ самъ, половину даетъ коню.

Въ пѣсняхъ Марко Кралевичъ изображается подчиненнымъ Султану. Часто, по порученію Султана, совершаетъ подвиги. Чѣмъ же объяснить это подчиненіе Султану? Нужно замѣтить, что, по народному вѣрованію, всякое проклятiе и всякое благословеніе сбывается. Теперь вспомнимъ пѣсню «Урош и Мрѣвчевићи» и это внутреннее противорѣчіе въ любимомъ народномъ героѣ будетъ вполне понятно. Отецъ проклялъ его такими словами:

«Будь лишенъ и града и потомства!

«А душа въ тебѣ пусть заживется,

«Чтобъ Султану вдоволь наслужиться».

Отсюда все злое въ жизни Марка Кралевича и это постоянное подчиненіе Султану. За проклятiемъ отца послѣдовало благословеніе Уроша, откуда все хорошее.

«Чтобъ лице твое сіяло въ думѣ,
«А копьѣ въ бою не уставало!
«Чтобъ сильнѣе не было юнака,
«И, пока луна и солнце свѣтять,
«О тебѣ жива была бы память».

И сбылось, какъ сказали оба. Впрочемъ, Марко, хотя и находился на службѣ у Султана, но служилъ ему больше какъ союзникъ, а не какъ подчиненный, не имѣющій права ни въ чемъ прекословить своему повелителю. Марко Краевичъ заставляетъ уважать себя и въ своемъ лицѣ Сербскую народность. Онъ часто даетъ Султану почувствовать свою силу; Султанъ любитъ и уважаетъ его. Такъ въ пѣснѣ «Марко Краевичъ познае очину саблю» Марко сноситъ голову турку и за это со стороны Султана не послѣдовало не только наказанія, но даже гнѣва. — Рано утромъ, рассказывается въ пѣснѣ: дѣвица турчанка подоскала полотно на рѣкѣ Морицѣ. Съ восходомъ солнца волны начали мутиться, къ полудню вся рѣка окрасилась алою кровью. Замелькали въ рѣкѣ то феска, то долманъ, то конь съ сѣдломъ, то человѣкъ. Труповъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше появлялось; скоро вся рѣка запрудилась ими. Стоитъ въ недоумѣніи турчанка и со страхомъ глядитъ на рѣку. Вдругъ слышитъ крикъ и мольбы какого-то витязя: умоляю именемъ Господнимъ, будь сестрой мнѣ милою, дѣвица! Брось скорѣе мнѣ конецъ холста, а за другой тащи меня на берегъ! Турчанка бросила ему одинъ конецъ холста, а на другой ногой наступила и спасла такимъ образомъ витязя. Витязь, достигнувъ берега, обратился за помощью къ дѣвушкѣ. Онъ весь исходилъ кровью, ранъ на немъ числа нѣтъ. Скоро онъ упалъ безъ чувствъ на землю. Турчанка побѣжала за своимъ братомъ Мустафой. Она просила его помочь витязю. Мустафа пришелъ на берегъ, посмотрѣлъ на витязя въ богатыхъ воинскихъ доспѣхахъ и, не долго думая, отстегнулъ у витязя саблю съ золотымъ эфесомъ, вынулъ ее изъ ноженъ и снесъ голову витязю. Дѣвица всплеснула руками и воскликнула: «Звѣрь ты, звѣрь косматый!

Вѣдь онъ молилъ насъ во имя Божіе и меня сestroю милой называлъ! Ты на саблю позарился и черезъ нее, по всей вѣроятности, и сгинешь!» Мустафа столкнулъ ногою тѣло въ воду и ушелъ домой. Черезъ нѣсколько времени Султанъ созвалъ къ походу все войско. Аги и беи, стоя у рѣки Ситницы, дивятся саблѣ Мустафы; никто изъ нихъ не можетъ вынуть ее изъ ноженъ. Подошелъ и Марко Кралевичъ, попробовалъ и сразу вынулъ. Взглянулъ на саблю и увидѣлъ три надписи на ней: Ковача Новака, Вукашина и Марко Кралевича. Храбрый Марко сталъ допытываться у турка, гдѣ онъ досталъ эту саблю. Мустафа, желая похвастать, разсказалъ по правдѣ всю исторію. Не успѣлъ еще Мустафа окончить свой разсказъ, какъ голова его слетѣла и упала въ воду. Доложили объ этомъ Султану. Султанъ посылаетъ за нимъ. Марко одинъ сидѣлъ въ своей палаткѣ и пилъ вино, на посланныхъ онъ не обращаетъ никакого вниманія. Султанъ посылаетъ за нимъ въ другой и третій разъ. Марку, наконецъ, надоѣло видѣть посланныхъ Султана. Онъ вскочилъ и выворотилъ шубу, мѣхомъ кверху, накинулъ на плечи, взялъ съ собою булаву и саблю и отправился въ палатку Султана. Султанъ сидѣлъ на коврѣ. Марко прямо садится подлѣ, устремивъ на Султана свои темныя очи. Взглянувъ на Марку, Султанъ испугался и сталъ потихоньку отодвигаться. Марко все двигается къ нему поближе, наконецъ, приперъ его къ стѣнѣ. Султанъ сидитъ и мигнуть боится. Видно, Марко, тебя кто-нибудь обидѣлъ, говоритъ Султанъ? Обижать тебя я не позволю. Марко не отвѣчаетъ. Наконецъ, обѣими руками за концы онъ поднялъ саблю и поднесъ ее къ глазамъ Султана и, задыхаясь отъ гнѣва, произнесъ: Объ одномъ молись ты вѣчно Богу, что нашелъ эту саблю не на тебѣ! Посмотри, какая здѣсь надпись? Прочитай тутъ имя Вукашина! Вукашинъ царь Сербскій, мой отецъ. Сказавъ это, заплакалъ храбрый Марко.

Пѣсня «Марко пије уз рамазан вино» доказываетъ, что законъ турецкій для Марка не писанъ. Султанъ

издалъ указъ, чтобы никто не смѣлъ пить въ рамазанъ вина. Марко и знать про это не хочетъ. Пьетъ самъ вино на базарѣ, да еще хаджей прохожихъ угощаетъ. Дошелъ объ этомъ слухъ до Султана. Султанъ приказалъ своимъ слугамъ розыскать Марка и привести къ нему. Слуги Султана явились къ Марко и просятъ его пожаловать вмѣстѣ съ ними къ царю. Марко пилъ въ это время вино. Разсердился Марко и убилъ царскихъ слугъ. Затѣмъ Марко всталъ, одѣлся и отправился къ Султану. Царь передаетъ Марку, какіе ходятъ слухи про него въ народѣ. Марко сознается, что онъ пилъ вино и замѣчаетъ при этомъ, что онъ былъ въ правѣ это дѣлать, потому что вѣра этого не запрещаетъ. Наружность и движеніе Марка въ это время до того были страшны, что Султанъ, что бы отдѣлаться отъ Марка, съ испугу вынулъ изъ кармана сто золотыхъ червонцевъ и отдалъ Марку со словами: «на, поди вина напейся, Марко!» Эти пѣсни достаточно характеризуютъ отношенія Султана къ Марку. Султанъ уважалъ его и боялся. Однажды Марко въ ссорѣ убилъ визиря, султанъ ни сколько не разгнѣвался. «Всякій турокъ, сказалъ онъ, можетъ быть визиремъ, а такого юнака, какъ Марко, не найдешь».

Дѣйствуя за одно съ турками, Марко Кралевичъ совершаетъ рядъ подвиговъ по порученію Султана. Злѣйшими врагами турокъ въ это время, по пѣснямъ, являются какіе-то черные арапы, по всей вѣроятности, волохи, съ которыми у турокъ не разъ были стычки. Вотъ противъ этихъ-то араповъ и дѣйствуетъ Марко. Храбрость, удалъ и богатырскую силу, съ которою Марко справлялся съ лютыми арапами, рисуетъ намъ, между прочимъ, пѣсня: «Марко Кралевичъ и Мина од Костура». Султанъ Баязетъ приглашаетъ Марка на войну противъ черныхъ араповъ. Марко, въ сопровожденіи своего вѣрнаго слуги Голубана, отправляется изъ дому. На дорогѣ, во время ужина, Голубанъ поднесъ Марку чашу вина; только Кралевичъ взялъ чашу, вдругъ на него напала дремота, чашу опустилъ онъ на столъ,

куда она и упала, а вина не пролилось и капли. Голубанъ его начинаетъ будить. Марко проснулся и разсказаль удивленному Голубану видѣнный имъ сонъ: будто Мина изъ Костура разрушилъ всѣ дворы его (владѣнія «Прилѣпа»), наѣхаль конемъ на мать, взялъ въ плѣнъ его милую подругу, вывелъ всѣхъ коней изъ конюшни и похитилъ все добро. Голубанъ замѣтилъ, что сны часто бываютъ лживыми. Когда онъ прибылъ къ Султану, у него собрано уже было громадное войско. Вся эта рать двинулась черезъ море и напала на арапскую землю, разорила сорокъ четыре города, а деревень безъ счету. Одинъ Оканъ не сдавался Султану. Марко день и ночь билъ араповъ и доставлялъ султану ихъ головы, а султанъ за это Марку подарки. Турки изъ зависти сказали Султану, что Марко отсѣкаетъ головы у мертвыхъ и доставляетъ ему. Услышавъ про это, Марко Кралевичь обратился къ Султану съ просьбою отпустить его и его побратима Агу-Алила въ день именинъ, по обычаю помолиться святому Юрію и отпраздновать день своего Ангела. Какъ ни жалъ было Султану, но дѣлать нечего: отпустилъ онъ Марка и вмѣстѣ съ нимъ Алила. Марко со своимъ побратимомъ уѣзжаетъ на горы, тамъ раскинулъ шатеръ и пируетъ. По утру арабская стража замѣтила отсутствіе Марка въ султанскомъ войскѣ, о чемъ и увѣдомила своихъ. Арапы ударили на турецкое войско и перебили 30000 турокъ. Султанъ посылаетъ письмо Марку и приглашаетъ его, какъ можно скорѣе, вернуться къ войску. Марко отвѣчаетъ, что онъ не только еще не успѣлъ помолиться угоднику, но и напиться, какъ слѣдуетъ, не успѣлъ. На другое утро арапы уничтожили 60000 турецкаго войска. Султанъ опять проситъ Марка вернуться къ войску. Марко отвѣчаетъ, что онъ еще не нагулялся. На третье утро арапы изрубили 100,000 турокъ. Султанъ слезно молить Марка скорѣе возвратиться и писать, что шатеръ его арапы полонили. Марко сейчасъ же сѣлъ на коня и помчался къ Султану. На другой день Марко ударилъ на араповъ и на три части

разметалъ ихъ войско: часть посѣкъ саблюю, другую потопталъ Шарцемъ, третью пригналъ къ Султану. Самъ онъ былъ весь израненъ. Царь Султанъ и спрашиваетъ Марка, можетъ ли онъ вылѣчиться. Марко отвѣчаетъ, что да. Султанъ даетъ Марку тысячу червонцевъ на лѣчение. Марко ѣдетъ не къ лѣкарямъ, а въ трактиръ. Онъ высматриваетъ, гдѣ больше вина. Когда онъ напился вина вдоволь, раны сразу исцѣлились. Тутъ пришло къ нему письмо изъ дому, что разграбленъ дворъ его, потоптана лошадьми мать, похищена подруга Люба. Марко падаетъ на колѣна передъ Султаномъ и проситъ отпустить его на время. Султану очень не желательно отпускать Марко. Онъ и говоритъ Марку: «Если дворъ твой разграбленъ, я построю тебѣ лучший; когда добро твое расхищено, будешь сборщикомъ ясачнымъ и наберешь себѣ добра, сколько угодно; когда вѣрная подруга въ плѣну, найду тебѣ невѣсту лучше». Марко отвѣчаетъ султану, что если онъ вздумаетъ строить дворы, то восплачутъ сироты, если сборщикомъ сдѣлается онъ, ничего не соберетъ, потому что кругомъ нужда и бѣдность и опять восплачутъ сироты; а жениться ему на другой, пока жива его прежняя подруга, не приходится. Лучше, онъ предлагаетъ Султану, дать ему триста янычаръ, вооруженныхъ косами и мотыками, онъ ударитъ съ ними на Костуръ городъ и, быть можетъ, сыщетъ тамъ свою подругу. Султанъ исполнилъ его просьбу. Марко отправляетъ янычаровъ въ Костуру, какъ бы на работу и приказываетъ имъ залечь подъ Костуромъ и ждать, пока онъ не кликнетъ ихъ. Самъ же отправляется на Святую гору, причащается тамъ, исповѣдуетъ грѣхъ свой, переодѣвается въ монашескую одежду и ѣдетъ прямо къ Минѣ. Пріѣзжаетъ и видитъ: Мина сидитъ и пьетъ вино, а подруга его служить ему. И говоритъ Марку Мина: гдѣ, монахъ, обзавелся ты конемъ такимъ. Марко отвѣчаетъ, что это конь Марко Кролевича, который сложилъ свою голову въ войнѣ съ арапами. Мина вскочилъ отъ радости и сказалъ, что девять лѣтъ онъ дожидается такой радостной вѣсти.

Мина разскажалъ, какъ онъ сжегъ Марковы дворы, увелъ его подругу, на которой не могъ жениться, пока живъ былъ Марко и въ заключеніе просилъ обвѣнчать его. Марко обвѣнчалъ Мину со своей подругой. Послѣ вѣнца сѣлъ за столъ и сталъ пировать. Мина посылаетъ подругу свою принести червонцевъ и одарить ими монаха. Люба приноситъ ему червонцы и, между прочимъ, старую саблю. Марко проситъ Мину дозволить ему поиграть саблей на его веселой свадьбѣ. Мина не прекословитъ. Марко выхватилъ саблю и снесъ голову у Мины, призвалъ янычаръ и они разнесли дворы Мины; взялъ свою подругу Любу, взялъ Минино богатство и въ Прилѣпъ свой возвратился, громко распѣвая пѣсни.

Уже изъ этой пѣсни видно, что Марко Краlevичъ, при всей грубости своей чисто богатырской натуры, не лишенъ высокихъ человѣческихъ чувствъ. Мысль о сиротахъ заставляетъ его отказаться отъ званія сборщика податей. Марко во многихъ пѣсняхъ является намъ защитникомъ слабыхъ и убогихъ. Въ пѣснѣ «Марко Краlevић и бег Костадинъ» Марко упрекаетъ Костадина въ совершеніи имъ трехъ безчеловѣчныхъ поступковъ. Самымъ главнымъ безчеловѣчнымъ поступкомъ со стороны Костадина было то, что онъ прогналъ отъ своей трапезы двухъ малыхъ сиротокъ, которыхъ Марко накормилъ, напоилъ, одѣлъ въ одежды бархатныя и шелковыя и послалъ ко двору Костадина. Бегъ принялъ ихъ теперь; онъ думаетъ, что видитъ передъ собою княжескихъ дѣтей. Марко не останавливается ни передъ какими опасностями для защиты слабыхъ. Это сердечное и чисто человѣческое отношеніе къ слабымъ съ особенною силою выступаетъ въ пѣснѣ: «Марко Краlevић укида сводборину» — Ранехонько ѣдетъ Марко Краlevичъ по Косову полю, у рѣки Серваны повстрѣчался онъ съ дѣвицею. Богъ тебѣ на помощь! говоритъ Марко; дѣвица поклонилась до земли и пожелала здравствовать незнакомому витязю. Всѣмъ взяла ты дѣвица-косовка, говоритъ Марко, красотою, поступью, ростомъ, гордою осанкою, юной лишь косою не взяла ты: сѣ-

дина пробилась въ нее. Равно, должно быть, узнала ты горе отъ себя, или матери, или отца. Дѣвица роняетъ слезы и говоритъ, что никакого горя она не знала ни отъ себя, ни отъ родителей, а приключилась такая напасть:

«Къ намъ изъ-за моря пришелъ арапинъ,
Откупилъ Косово отъ Султана,
Дань теперь беретъ съ Косова поля,
И поить оно его и кормить:
Всякая косовская дѣвица,
Что идетъ у насъ дѣвица замужъ,
Тридцать платить за себя дукатовъ,
А кто женится, тотъ платитъ больше,
Платитъ тридцать и еще четыре.
Такъ богатый лишь играетъ свадьбу;
У меня же нѣтъ родни богатой,
Нѣтъ дукатовъ заплатить арабу—
И сижу я, горемыка въ дѣвкахъ;
Да не въ томъ бѣда моя и горе:
Положилъ такую дань арапинъ,
Чтобъ къ нему дѣвицъ водили на ночь,
Что ни ночь, то новая дѣвица;
Онъ ее въ шатрѣ своемъ цѣлуетъ;
У прислуги-жъ чернаго арапа—
Что ни ночь—по молодицѣ новой
Такъ идетъ чередъ по всѣмъ по семьямъ:
Всѣ къ нему дѣвицъ своихъ приводятъ,
Нынче мнѣ къ нему чередъ итти къ арапу,
На ночь эту быть ему женою.
Какъ помыслию несчастная объ этомъ—
Господи! и дѣлать что не знаю:
Броситься ли пойти мнѣ въ рѣку?
Иль повѣситься пойти въ дубраву?
Только лучше загубить мнѣ душу,
Чѣмъ итти и ночь провести съ арапомъ,
Съ врагомъ земли своей и вѣры».

Марко Кралевичъ проситъ ее не губить жизни, а указать ему, гдѣ живетъ арапинъ. Косовка не совѣту-

еть ему итти на погибель. Марко достаетъ и даетъ ей тридцать дукатовъ и предлагаетъ ей итти домой къ себѣ и ждать своей участи, а самъ онъ отправится къ арапину, дастъ ему подарки и скажетъ, что просваталъ ее. Арапину же не за что его губить, а добра у него столько, что онъ самъ могъ бы купить Косово поле. Дѣвица говоритъ, что у арапа шатры, возлѣ шатровъ набиты колья, а на кольяхъ головы юнаковъ и что въ продолженіе недѣли извелъ арапъ семьдесятъ семь сербскихъ юнаковъ, горькихъ жениховъ косовскихъ. Марко, какъ услышалъ эти рѣчи, сѣлъ на своего Шарца, чтобы ускакать къ шатрамъ арапа. Сидитъ на конѣ, ро-няетъ слезы и говоритъ такія рѣчи: «Горькое ты, Косово поле! Вотъ чего ты дождалось. Послѣ нашего князя судятъ здѣсь черные арапы. Могу ли я снести такой позоръ, чтобъ арапы брали такую дань, чтобъ невинныхъ нашихъ дѣвушекъ уводили къ себѣ? Сегодня же отомщу я за васъ, милые мои братья. Отомщу или сгину лютою смертью». Сказалъ и направилъ своего Шарца на шатры арапа. Храброго молодца и его вѣщаго коня замѣтила арапская стража и доложила своему повелителю. Арапъ задумалъ лихое дѣло: отнять коня у Марка, а самого его погубить. Подъѣзжаетъ Марко къ шатру, слѣзаетъ съ коня и приказываетъ вѣрному своему Шарцу стать передъ шатромъ, коль скоро приключится какая-нибудь бѣда. Когда Марко вошелъ въ шатеръ арапа, онъ сидѣлъ за столомъ и распивалъ вино, ему прислуживали молодые дѣвицы. Войдя, Марко поклонился; арапъ отвѣтилъ ему тѣмъ же и очень любезно пригласилъ откусать съ нимъ вина. Марко отказался и предложилъ арапу назначить выкупъ за дѣвицу, которую онъ сосваталъ. Арапъ замѣтилъ на это, что такса должна быть ему извѣстна: кто женится, платитъ тридцать четыре дуката. Марко полѣзъ въ карманъ и подаль арапу только три дуката, остальные обѣщалъ отдать послѣ, когда получить приданое за дѣвицею. «Повѣрь, больше нѣтъ за душой!» Арапъ вскрикнулъ: «Ахъ, змѣя ты лютая! Торговаться со мною затѣялъ, надо

мною посмѣяться задумалъ!»! Досталъ тяжелый буздыганъ и четыре раза ударилъ Марка. Марко усмѣхнулся и спросилъ: шутить ли изволить онъ, или бьетъ не въ шутку? «Нѣтъ, не шучу, и бью тебя не въ шутку! А когда такъ, сказалъ Марко, то и я припасъ буздыганишко. погоди! и я тебя ударю, а потомъ выйдемъ въ поле на поединокъ». Вынимаетъ Марко свой буздыганъ и легонько ударилъ чернаго арапа, ударилъ—и головы у арапа какъ не бывало. Потомъ обнажилъ онъ свою острую саблю и пошелъ косить слугъ арапа. Всѣхъ посѣкъ, оставилъ только четырехъ, чтобъ могли они повѣдать людямъ, что произошло между Маркомъ и арапомъ. Затѣмъ снимаетъ съ кольевъ головы юнаковъ, схоронилъ ихъ, а на мѣсто ихъ воткнулъ на колья головы арапскія. Собралъ все имущество арапа, четырехъ же слугъ его, которыхъ онъ пощадилъ, отправилъ разносить по Косову полю такую вѣсть:

«Коли есть въ какой семьѣ дѣвица,
Пусть себѣ свободно мужа ищетъ,
И, пока млада, выходитъ замужъ.
Гдѣ юнакъ есть—пусть невѣсту ищетъ:
Нѣтъ ужъ больше откупа на сватьбы,
Откупъ платитъ Кралевичъ Марко».

Разнеслась эта вѣсть повсюду; старъ и младъ за Марко Богу молить!

«Долголѣтъя, Господи, дай Марку!
Онъ избавилъ землю отъ напасти,
Отъ кромѣшниковъ лихихъ и лютыхъ:
Будь спокой душѣ его и тѣлу!»

Цѣлыхъ триста лѣтъ прожилъ Марко, совершая свой богатырскіе подвиги и умеръ, по народному преданію, не отъ вражьей руки, а отъ Божьей воли. Вотъ какъ рассказываетъ пѣсня о смерти славнаго богатыря сербскаго:

Рано утромъ, въ воскресенье, до восхода солнца, проѣзжалъ разъ Марко по Урвинъ-долинѣ. Проѣзжая

по долину, Марко замѣтилъ, что конь его Шарцъ сталъ спотыкаться и проливать слезы. Марко и спрашиваетъ коня: что стало съ тобою, добрый мой конь! Сто шестьдесятъ лѣтъ я странствую съ тобою, и ты никогда не спотыкался и не проливалъ слезы. Бѣды, видно, не миновать! Либо мнѣ, либо тебѣ погибнуть! Въ это время вила съ вершины горы кличетъ: «Шарцъ жалѣетъ тебя: скоро вы должны будете разстаться». Не вѣрить Марко, да вѣрить больно; никакъ не хочетъ онъ разстаться съ своимъ Шарцемъ. «Не отнимутъ у тебя, отвѣчаетъ вила, Шарца, да и самъ ты, Марко, не умрешь отъ другого юнака, ни отъ сабли, ни отъ копья, но умрешь ты отъ воли Божьей! Если не вѣришь моимъ словамъ, то когда очутишься на вершинѣ горы, увидишь двѣ тонкія ели, а между ними свѣтлый источникъ: сойди тогда съ коня, поглядишь въ источникъ, увидишь въ немъ свое лицо и узнаешь, когда долженъ умереть». Послушалъ Марко словъ бѣлой вилы и теперь повѣрилъ, что смерть его близка. Протеръ Марко горькія слезы; вынулъ саблю и отсѣкъ голову своему Шарцу, чтобы туркамъ не достался и не подвергался низкимъ работамъ. Съ честью схоронилъ онъ своего Шарца, лучше брата Андрея. Разломалъ свою саблю на четыре части, чтобы не очутилась она у турокъ, изломалъ копье на части и забросилъ на вершину ели, закинулъ въ море свой буздыганъ и промолвилъ: «когда выйдешь ты, буздыганъ, изъ моря, народится молодецъ такой же, какъ и Марко». Потомъ Марко написалъ завѣщаніе такого содержанія:

«Какъ придетъ кто на Урвинъ-планину,
 Между елей, у воды студеной,
 И увидитъ тамъ Кралевича Марка;
 Знай, что мертвъ лежитъ Кралевичъ Марко,
 Подлѣ Марка все его богатство,
 Все богатство: три мѣшка червонцевъ.
 На одинъ пускай меня схоронятъ,
 А другой возмуть на храмы Божьи,
 Третій даръ мой старцамъ переходимъ,

Нищимъ старцамъ и слѣпымъ калѣкамъ:

Пусть поють и поминають Марка».

Написалъ и повѣсилъ завѣщаніе на вѣтви дерева, скинулъ съ себя зеленый долманъ, разостлалъ его подъ деревомъ, перекрестился и—легъ на долманъ. Легъ и ужъ больше не вставалъ. Такъ лежалъ онъ долго, цѣлую недѣлю. Всякій, кто проходилъ мимо, по дорогѣ, думалъ, что Марко спитъ и обходилъ подальше, боясь разбудить его. Привелось, по счастью, проѣзжать той дорогой Святоторскому игумену, Васу, съ своимъ ученикомъ. Увидавши Марка, онъ махнулъ рукой своему ученику: «Тыше, сынъ мой, не разбуди ты Марка; онъ послѣ сна сердить бываетъ, намъ обоимъ готовъ головы снять». Вдругъ видитъ онъ письмо на деревѣ; снялъ, прочиталъ его и заплакалъ. Сталъ думать игуменъ, гдѣ бы похоронить Марко. Думалъ, думалъ и придумалъ. Взялъ его съ собою, отвезъ на Святую Гору и похоронилъ среди церкви Виландарской. Онъ не поставилъ ему никакого памятника, не дѣлалъ никакой надписи, чтобы никто не зналъ могилы Марка, чтобы враги надъ ней не издѣвались. Такова была смерть Марка Кралевича по пѣснѣ. Но въ народѣ, кромѣ этого преданія, сохранилось еще нѣсколько сказаній о смерти своего любимого богатыря, храброго юнака, вся жизнь котораго наполнена была богатырскими подвигами, представителя народной сербской силы, защитника народа, нищихъ, слабыхъ, сирыхъ и убогихъ. Одно изъ такихъ преданій говоритъ, что Марко не умеръ, а подобно Ильѣ Муромцу, Фридриху Барбароссѣ, Карлу Великому и эстонскому сыну Калевы, удалился куда-то въ неизвѣстное мѣсто и тамъ спитъ въ пещерѣ своемъ непробуднымъ. Мечъ его виситъ на стѣнѣ, а конь пасется передъ пещерой. Но будетъ день, и онъ снова выйдетъ оттуда и совершить то, чего въ силу отцовскаго заклія, онъ не могъ совершить при своей первой жизни.

Ф. Веревскій.

(Продолженіе будетъ).

БИБЛИОТЕКА

В. А. С. ПУШКИН

№

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзій, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на разнорѣчія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Исслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красоть языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) исслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной міѳологіи и народной психологіи.

Филологическія Записки издаются

въ **ВОРОНЕЖѢ**. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **50** коп. съ пересылкой.
За границу **7** руб.

Подписка преимущественно принимается:

въ **ВОРОНЕЖѢ** въ Редакціи Филологическихъ Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи также можно получать:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» и за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія, а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

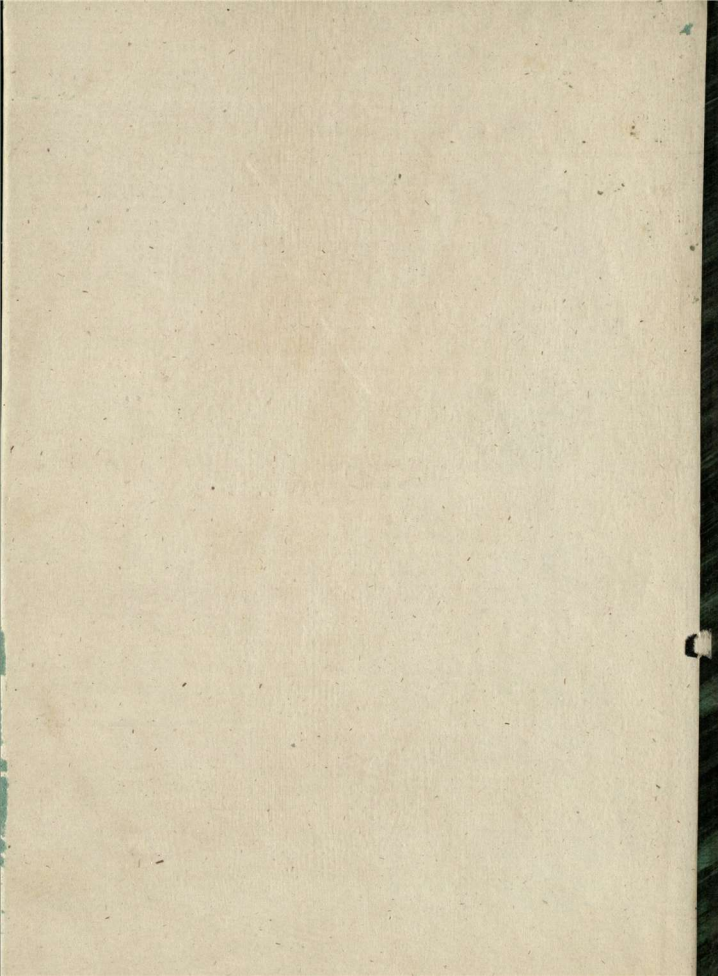
Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

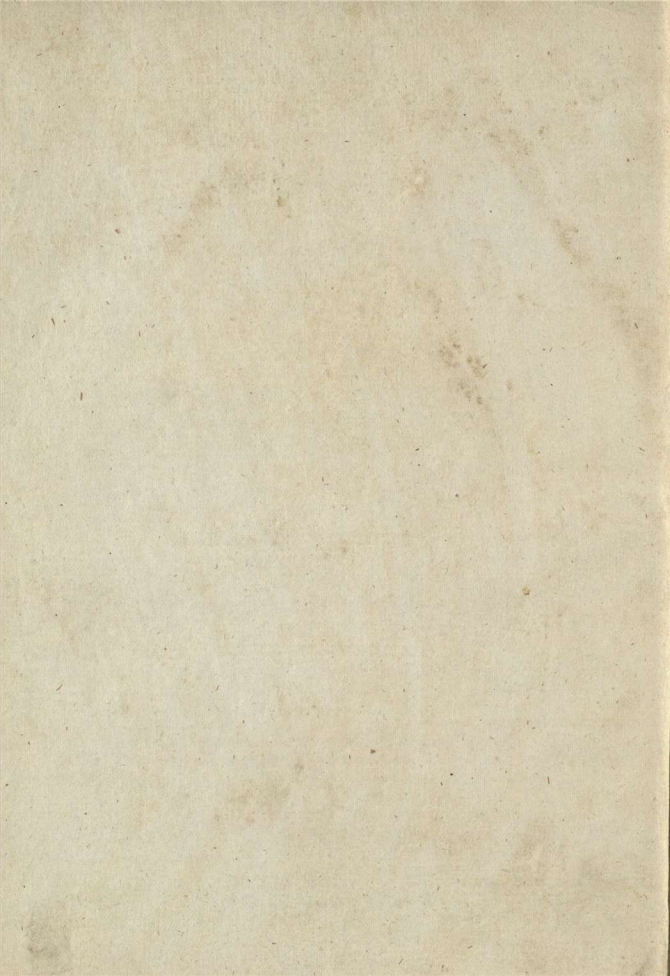
Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній. въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ котораго составляютъ Образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи. изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

1p

124cmf

—10000—

